

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Барнаулский юридический институт МВД России

**СИБИРСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ФОРУМ:
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ И ПРАКТИКИ
В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ И КРИМИНОЛОГИИ**

Материалы Международной научно-практической конференции

Барнаул 2024

ББК 67.408я43+67.51я43

С 341

С 341 Сибирский юридический форум: современные проблемы науки и практики в уголовном праве и криминологии : материалы Международной научно-практической конференции / под ред. И. В. Ботвина. — Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2024. — 113 с.

ISBN 978-5-94552-575-7

Редакционная коллегия:

Ботвин И. В., к. ю. н., доцент (председатель),
Ермакова О. В., д. ю. н., доцент (зам. председателя),
Брагина А. Г., к. ю. н.,
Шаганова О. М., к. ю. н., доцент,
Федоров А. Ф., к. п. н., доцент,
Малетина М. А., к. ю. н. (ответственный секретарь).

В сборнике содержатся материалы докладов и выступлений участников Международной научно-практической конференции «IV Сибирский юридический форум: современные проблемы науки и практики в уголовном праве и криминологии». В материалах конференции освещаются проблемные вопросы уголовно-правовой и криминологической науки, определяются тенденции и перспективы развития, а также возможные пути разрешения вскрытых исследователями проблем. Представленные работы теоретиков и практиков будут полезны для сотрудников правоохранительных органов, включая участковых уполномоченных полиции.

ISBN 978-5-94552-575-7

© Барнаульский юридический институт МВД России, 2024

***Уважаемые коллеги и гости
Барнаульского юридического института МВД России!***

Сибирский юридический форум, ставший уже традиционным, в четвертый раз выступает летней площадкой для научных дискуссий и решения важных практических проблем обеспечения общественного порядка и противодействия преступности как одних из приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов.

Политические вызовы глобального характера, нестабильная ситуация в стране, связанная с высоким уровнем подростковой и наркопреступности, распространением экстремистских и террористических проявлений, нарастанием киберпреступности, повышенной коррупциогенностью органов власти, обостряющейся миграционной ситуацией и другими, требуют от органов внутренних дел своевременной и адекватной реакции.

В этой связи Международная научно-практическая конференция «Современные проблемы науки и практики в уголовном праве и криминологии» является значимым событием в сфере повышения профессионального уровня ее участников, поскольку призвана выработать единые подходы к поиску новых решений по вопросам повышения эффективности борьбы с преступностью и разработки профилактических мер.

Отрадно, что научный форум посвящен 30-летию образования кафедры уголовного права и криминологии, которая уже много лет проводит его и ежегодно приглашает не только ведущих ученых в области уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права, но и начинающих — адъюнктов. Профессорско-преподавательский состав кафедры за эти годы всегда оставался высококвалифицированным, способным привносить инновации в образовательный процесс и научную сферу.

Следует подчеркнуть, что актуальность современных проблем науки и практики требует оперативного взаимодействия, а также постоянного обмена мнениями между представителями научного сообщества и работниками правоприменительных органов. Сегодняшнее мероприятие предоставляет такую возможность и обуславливает в дальнейшем развитие сотрудничества и диалога заинтересованных лиц.

Уважаемые коллеги, уверен, что представленное издание будет востребовано в ваших дальнейших научных изысканиях, а также в практической деятельности!

*Начальник Барнаульского юридического
института МВД России
полковник полиции
Дмитрий Александрович Симоненко*

**ВЕДУЩИЕ УЧЕНЫЕ
БАРНАУЛЬСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ**

**Ермакова
Ольга Владимировна**

доктор юридических наук, доцент

Ольга Владимировна Ермакова родилась в г. Барнауле Алтайского края.

В 2003 г. окончила Алтайский экономико-юридический институт, а в 2004 г. — юридический факультет Томского государственного университета, специализация — «Юриспруденция». Ольга Владимировна отмечает, что *«в период обучения однозначного предпочтения относительно выбора будущей профессии у меня не было. На первом курсе я проходила учебную практику в суде, а на втором и третьем курсе — в адвокатуре. Только на последнем курсе мною был сделан осознанный выбор и принято решение связать свою профессиональную деятельность с органами внутренних дел»*.

Ольга Владимировна зарекомендовала себя грамотным, исполнительным и добросовестным сотрудником. Она подчеркивает: *«Из всех подразделений органов внутренних дел меня всегда привлекало следствие. Поэтому мною было принято решение устроиться на службу именно в данное подразделение»*.

С 2004 по 2009 г. занимала должности следователя, а затем старшего следователя следственного отдела органов внутренних дел Октябрьского района г. Барнаула.

В 2009 г. Ольга Владимировна была назначена на должность преподавателя кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России.

Настойчивость и любовь к своему делу позволили О. В. Ермаковой в 2011 г. в диссертационном совете, созданном на базе Томского государственного университета, успешно защитить кандидатскую диссертацию на тему «Момент окончания преступлений против собственности: закон, теория, практика» по

специальности 12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Ольга Владимировна, размышляя о том, что побудило ее заниматься наукой и как удалось добиться таких высоких результатов в данном направлении, отмечает: *«Обучаясь на 2-м курсе юридического факультета Томского государственного университета и прослушав первую лекцию по уголовному праву профессора Анатолия Карловича Музеника, я поняла, что это любовь к данной отрасли и она навсегда. С годами привязанность и потребность в изучении уголовно-правовой науки только возрастали. Я думаю, именно поэтому, несмотря на занятость при прохождении службы в практических органах, всегда находилось время и желание написание научных трудов».*

С 2012 по 2022 г. О. В. Ермакова занимала должности старшего преподавателя, доцента, а затем профессора кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России.

В 2023 г. она защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки на тему «Концептуальные основы отражения общественно опасного деяния и механизма его совершения в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации» в диссертационном совете при Уральском государственном юридическом университете имени В. Ф. Яковлева.

Список публикаций О. В. Ермаковой содержит более 250 наименований, среди которых 60 работ опубликованы в рецензируемых журналах, входящих в Перечень, определенный Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации результатов диссертационных исследований, 12 монографий, 17 учебных пособий.

Раскрывая сферу своих научных интересов, Ольга Владимировна подчеркивает, что она разнообразна: *«Кандидатская диссертация была посвящена моменту окончания преступлений против собственности. Впоследствии же эта тема расширилась до моделирования состава преступления, правил выбора конструкции состава преступления и момента окончания преступления».*

О. В. Ермакова также поделилась своими яркими воспоминаниями, связанными с научной деятельностью: *«Серьезным шагом в реализации научных идей выступила победа в конкурсе “Принудительные меры воспитательного воздействия: к исправлению без судимости”, проведенном в 2018 г., которая позволила авторскому коллективу кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России в лице И. В. Ботвина, О. В. Ермаковой и А. М. Репьевой презентовать в Государственной Думе свой законопроект, направленный на гуманизацию уголовной ответственности несовершеннолетних, впервые совершивших преступления небольшой и средней тяжести. По предложению заместителя председателя Госдумы Ирины Анатольевны Яровой мы были включены в рабочую группу с участием экспертов из различных правоохранительных органов для проработки вопроса и подготовки соответствующего проекта закона».*

«К наиболее запоминающимся научным событиям относится и защита диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. С одной стороны, было очень волнительно выступить перед учеными, по учебникам которых

когда-то учился, но, с другой стороны, процедура защиты дала возможность высказать собственные идеи, обменяться мнениями с авторитетными учеными».

Кроме того, Ольга Владимировна на протяжении всего периода преподавательской деятельности в Барнаульском юридическом институте МВД России активно проводит работу по вовлечению обучающихся в занятие научной деятельностью. Всего под руководством О. В. Ермаковой курсантами и слушателями было опубликовано более 130 научных статей. *«Среди наиболее актуальных направлений научных исследований можно выделить такие, как преступления в сфере незаконной миграции, информационно-телекоммуникационных технологий. Помимо сказанного, научная общественность в последнее время активно развивает и переосмысливает подходы к пониманию преступления, состава преступления и иным ключевым институтам уголовного права».*

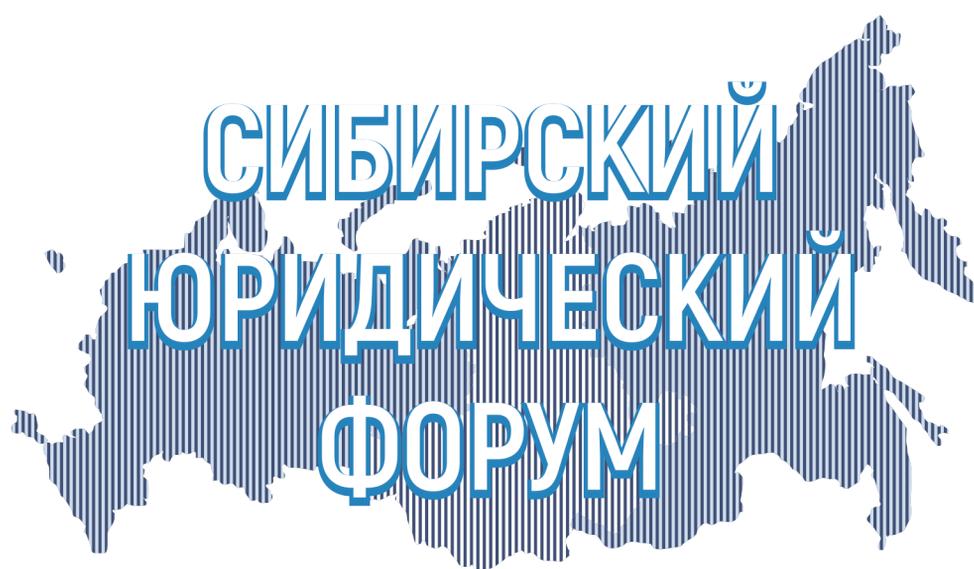
В 2024 г. О. В. Ермакова назначена на должность начальника кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России.

Пройдя путь от преподавателя до начальника кафедры, состоявшись как видный ученый, Ольга Владимировна ставит перед собой дальнейшие задачи своей деятельности, указывая следующее: *«Для меня наука — это жизнь, стимул для собственного развития и новых горизонтов. Именно поэтому основной девиз в научной деятельности — никогда не останавливаться на достигнутом. Тем более в научном мире множество интересных идей, новых людей, проектов. Каждый ученый, и я не исключение, несомненно, мечтает о продолжении своих идей в трудах учеников, формировании научной школы».*

За годы службы в институте Ольга Владимировна неоднократно становилась призером и победителем конкурса «Лучший преподаватель Барнаульского юридического института МВД России». Кроме того, за добросовестное выполнение служебных обязанностей, достижение высоких результатов в служебной деятельности, а также за успешное выполнение задач повышенной сложности О. В. Ермакова имеет поощрения от руководства Министерства внутренних дел Российской Федерации, Главного управления МВД России по Алтайскому краю, Барнаульского юридического института МВД России, главы администрации г. Барнаула, председателя Законодательного Собрания Алтайского края. Награждена медалями «За заслуги в научной и педагогической деятельности», «За доблесть в службе», «За отличие в службе».

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ И ПРАКТИКИ
В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

ФОРМЫ ПЕНАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

К. М. Алыева

Сибирский юридический институт МВД России

Рост преступности и большое разнообразие способов ее проявления на современном этапе развития российского общества заставляют законодателя незамедлительно реагировать на все угрозы, посягающие на безопасность граждан, общества и государства.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) регулярно пополняется новыми уголовно-правовыми нормами. К тому же меры ответственности за некоторые уже известные составы преступлений стали также пересматриваться в сторону усиления их карательного потенциала [3, с. 95]. К преступлениям, за которые законодатель активно ужесточает ответственность, относятся общественно опасные деяния против половой неприкосновенности, преступления террористической направленности, наркопреступления и т. д. В связи с этим необходимо уделять максимально пристальное внимание такому явлению, как пенализация.

Пенализация преступлений, являясь одной из четырех форм реализации уголовно-правовой политики, поддерживает баланс в системе уголовно-правового воздействия на лиц, преступающих закон, модернизирует уголовное законодательство, позволяя ему адекватно отвечать на вызовы современности. Посредством пенализации преступлений законодателем закрепляются, а правоприменителем в последующем реализуются на практике конкретные виды и размеры уголовных наказаний.

В доктрине уголовного права различают несколько основных форм внешнего выражения пенализации общественно опасных деяний. Поскольку она является деятельностью, связанной с правотворчеством, пенализацию возможно рассматривать изначально в двух проявлениях: в процессе и в результате. Под формой процесса пенализации общественно опасных деяний следует понимать законодательную деятельность по закреплению наказуемости преступлений в уголовном законе. В свою очередь, форма результата пенализации как завершающий этап процесса законотворчества представлена в виде санкций уголовно-правовых норм, закрепляющих виды и размеры уголовных наказаний [1, с. 14].

Указанные обуславливающие друг друга формы пенализации также следует различать в зависимости от оснований ее реализации в уголовном законодательстве.

Первым основанием необходимости реализации пенализации общественно опасных деяний выступает закрепление нового состава преступления в уголовном законодательстве, т. е. их криминализация. Данное представление позволяет соотносить криминализацию с пенализацией как целое и его часть. Подобного рода ситуации при совершенствовании уголовного законодательства являются классическими для воплощения наказуемости тех или иных общественно опасных деяний. Законодателем изначально криминализируется преступное поведение лица, что выражается в появлении новой уголовно-правовой нормы в Особенной части УК РФ. Впоследствии за уже криминализованное общественно опасное деяние, оценив в полной мере его общественную опасность, законодатель устанавливает и закрепляет конкретный вид и размер уголовного наказания, т. е. реализуется полная пенализация. При этом негативные уголовно-правовые последствия могут быть скорректированы в сторону ужесточения.

Так, например, в 2019 г. публично были освещены многочисленные случаи участия должностных лиц в организации незаконного въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан или лиц без гражданства, а также их незаконного пребывания в Российской Федерации, что, безусловно, имело повышенную угрозу для национальной безопасности нашего государства. Законодатель, отреагировав на указанное противоправное поведение, посчитал необходимым включить в действующую редакцию УК РФ квалифицированный состав преступления, учитывающий данное обстоятельство. Теперь п. «в» ч. 2 ст. 322¹ УК РФ предусматривает уголовную ответственность за организацию незаконной миграции, совершенную лицом с использованием своего служебного положения.

Помимо зафиксированной нормы-запрета, законодателем с учетом повышенной общественной опасности указанного преступного деяния установлено наказание за его соверше-

ние, которое составляет до семи лет лишения свободы. Пенализация в данном случае представлена как заключительный этап криминализации преступления.

Второй, относительно самостоятельной, категорией является частичная пенализация, основанием которой выступает необходимость ужесточения наказаний за ряд преступлений, уже закрепленных в действующем уголовном законодательстве.

В некоторых случаях, как рассуждает Ю. А. Демидов, государство считает необходимым усилить борьбу с какими-либо общественно опасными деяниями, и в законе появляется санкция, предусматривающая более строгое наказание, чем прежде. Это изменение может произойти и тогда, когда общественная опасность преступления не претерпела существенных изменений [2, с. 98–99].

Частичная пенализация выражается не только в увеличении пределов и размеров наказания, но также и во введении нового вида уголовного наказания за конкретное, уже существующее в рамках Особенной части УК РФ преступление. Подобного рода пенализация имеет место в тех случаях, когда существующая санкция за преступление уже не позволяет достичь всех целей уголовного наказания, а общественно опасные деяния, за которые она установлена, происходят с более высокой частотой и с применением более изощренных способов их совершения.

Примером ужесточения наказания за то или иное общественно опасное деяние, выраженное в увеличении размеров наказания, выступают принятые в 2023 г. поправки, увеличивающие размер наказаний за ряд преступлений террористической направленности. Так, за совершение акта международного терроризма теперь предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 12 до 20 лет, а за финансирование данного акта — лишение свободы на срок от 10 до 20 лет. Примером ужесточения наказания за пре-

ступление, выраженного во введении нового вида уголовного наказания, выступает ужесточение уголовной ответственности за государственную измену, что выразилось во внесении в санкцию статьи о государственной измене наказания в виде пожизненного лишения свободы.

Частичная пенализация является наиболее самостоятельной формой ее проявления, поскольку никак не зависит от процесса криминализации данного общественно опасного деяния, а связана лишь с ужесточением карательного потенциала уголовного законодательства.

Третьей отличительной категорией оснований для пенализации выступает необходимость внесения изменений в уголовно-правовые нормы, содержащиеся в Общей части УК РФ, что затрагивает различные институты уголовного права.

Именно Общая часть УК РФ содержит в себе нормы, закрепляющие: наказуемость деяния как особый признак преступления (ст. 14 УК РФ); понятие и цели наказания (ст. 43 УК РФ); перечень существующих в уголовном законодательстве уголовных наказаний (ст. 44 УК РФ). Кроме того, могут быть внесены изменения в уголовно-правовые нормы, регламентирующие реализацию в отношении лица, совершившего общественно опасное деяние, условного осуждения, условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, отсрочки отбывания наказания, ужесточив при этом требования к их применению.

Разнообразие форм пенализации позволяет адаптировать наказание к конкретному случаю, учитывая степень тяжести преступления и обстоятельства его совершения. Пенализация, вне зависимости от форм ее выражения, позволяет уголовному наказанию в полной мере выполнять свое назначение как одному из самых радикальных средств социального контроля, призванному быть реакцией государства на наиболее опасные формы поведения.

Литература

1. Валеев М. Т. Формы пенализации общественно опасных деяний // Вестник Кузбасского института. 2020. № 3. С. 13–18.
2. Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М.: Юрид. лит., 1975. 182 с.
3. Расторопов С. В., Горшкова Н. А. Общетеоретические и прикладные аспекты пенализации на современном этапе // Вестник Владимирского юридического института. 2023. № 4. С. 94–97.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 82² УК РФ

М. В. Бавсун,

доктор юридических наук, профессор

Санкт-Петербургский университет МВД России

Уголовный кодекс Российской Федерации в период, по сути, тотальной трансформации общественных отношений, которую мы наблюдаем в последнее десятилетие, наряду с другими нормативными правовыми актами пытается этому процессу соответствовать. Включение в его содержание ст. 82² указывает на выраженные отношения государства к тем, кто совершил преступление в условиях военного времени (военного положения, мобилизации). Практически безусловное его смягчение в целом не вызывает вопросов, оставляя при этом ряд аспектов, по большей части имеющих технико-юридическое значение.

Во-первых, обращает на себя внимание перечень преступлений, исключающих возможность освобождения от уголовной ответственности по данному основанию. Законодатель в рамках ч. 1 ст. 80² УК РФ дает возможность избежать наказания тем, кто совершил преступления, посягающие на половую свободу как потерпевшей, так и потерпевшего (за исключением п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4, а также ч. 5 ст. 131 УК РФ и п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4, ч. 5 ст. 132 УК РФ)¹. Сам факт возможности освобождения виновного от репрессии за такие преступления, как изнасилование и насильственные действия сексуального характера, не может не вызывать вопросов, даже с учетом субъекта совершения преступлений подобного рода и времени (военного) его совершения. Дело не в личности виновного (его статусе), а в общественной опасности объективной стороны, им выполняемой, а также аморальности самого поступка. Следует согласиться, что оба преступления, предусмотренные перечисленными составами, далеки от оправдательных мотивов как с точки зрения морали, так и с позиции общественной опасности тех деяний, которые ими предусмотрены. Отсюда вполне логичным является вопрос относительно необходимости проявления лояльности законодателя на таком уровне по отношению к тем, кто имеет некий особый статус. В данном

случае это любое лицо, имеющее отношение к процессам мобилизации, призыву на военную службу и заключению контракта о прохождении военной службы (либо ее прохождению) в период военного времени. Есть вполне обоснованные сомнения, что события подобного рода могут оказать настолько необратимые последствия на психику потенциального виновного, чтобы он был способен совершить преступления данной направленности. Между тем такая причинная связь должна быть обязательной, иначе сама постановка вопроса об исключении репрессии становится как минимум неоправданной, а принятое решение — необоснованным. Представляется, что найти такую причинную связь применительно к данному случаю вряд ли возможно.

Принятое нововведение вызывает много вопросов, особенно на фоне демонстрируемой государством начиная с 2009 г. крайне жесткой позиции к лицам, признанным виновными в совершении посягательств подобного рода. Проведение специальной военной операции и сам факт военного противостояния имеют крайне важное значение для корректировки уголовной репрессии, в т. ч. и в сторону ее смягчения. Однако такая корректировка не может выходить за пределы общего вектора государственной уголовной политики, особенно когда речь идет об одной и той же группе общественно опасных посягательств.

Во-вторых, вызывает большой вопрос та категоричность, которая следует из диспозиции данной нормы, а именно речь идет об используемом термине — «освобождается», не оставляющего права на усмотрение правоприменителя. В то же время дело даже не в императивности, а в том, как вообще может возникнуть ситуация подобного рода, когда лицу, указанному в перечне, было бы назначено наказание за то преступление, за которое оно должно быть обязательно, и, по всей видимости, тут же лицо, хотя и условно, но освобождено. Подобная ситуация выглядит реалистичной лишь по отношению

¹ С учетом ссылки на ч. 1 ст. 78¹ УК РФ.

к тем, кто уже сейчас отбывает наказание, являясь при этом носителем определенного статуса.

Таким образом, предложенное законодателем нововведение выглядит как специальный акт амнистии к определенной группе преступников, а не как самостоятельный вид освобождения от наказания, работающего на системной основе. По идее, после того, как сейчас произойдет освобождение от наказания по данному основанию, статья утратит смысл своего существования, либо необходимо ставить вопрос о введении законодателем нового уголовно-правового явления — условного освобождения от наказания¹. По всей видимости, лицу, признанному виновным, должно быть назначено наказание за совершенное преступление, и оно должно будет (именно должно, а не может) от него быть освобожденным. В таком случае возникают другие вопросы: как новое основание освобождения от наказания будет соотноситься с условным осуждением, а также с условно-досрочным освобождением от наказания? Оба института по своему потенциалу вполне способны выполнить возложенные на ст. 82² УК РФ функции. Возникает также вопрос: почему нельзя было реализовать данную идею в рамках, опять же, института условного осуждения? Более того, из содержания второй и третьей частей ст. 82² УК РФ невозможно сделать вывод, в чем именно состоит условность освобождения от наказания. При этом в качестве единственного основания для его отмены выступает факт совершения нового преступления, причем безотносительно от степени его тяжести и формы вины.

Соответственно, ни нарушения режима, который должен быть определен на период срока наказания, ни административные правонарушения

ния не способны выступить в качестве правового основания для отмены ранее принятого решения, в свою очередь, предоставляя явно чрезмерную свободу осужденным. С учетом сомнительной способности эффективного функционирования системы контроля выбранного режима (непонятно, какого и откуда взявшегося) со стороны командования воинских частей, для которых это одна, но далеко не самая главная и даже не самая важная задача в повседневной деятельности, то условность освобождения от наказания на поверку оказывается безусловной обязанностью полного отказа от репрессии, без возможности возврата к таковой вне зависимости от поведения виновного лица.

Что интересно, пожалуй, впервые мы наблюдаем ситуацию, когда в одной и той же норме Общей части УК РФ создаются условия для безоговорочного освобождения от наказания (ч. 2 ст. 82² УК РФ), а также когда таковое становится возможным лишь при их соблюдении в рамках части первой этой же статьи. По сути, химера, представляющая собой соединение в рамках одной нормы принципиально различных институтов (начиная с оснований освобождения наказания до амнистии, помилования или условно-досрочного освобождения от наказания), особенно если учесть их и без того обильное присутствие в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации.

Представляется, что вновь возникшая проблема, связанная с большим количеством лиц, осуждаемых за совершение преступлений в период военного времени или мобилизации, вполне могла быть решена за счет уже давно проверенных и испытанных институтов. В свою очередь, создание их симбиоза на стыке условного осуждения, условно-досрочного освобождения от наказания и амнистии привело к появлению дополнительных коллизий, решение которых в ближайшее время ляжет на плечи правоприменителей различных уровней.

---

¹ Исключение не может составить даже ч. 2 ст. 82² УК РФ, согласно которой «лицо, освобожденное от наказания условно, в соответствии с ч. 1 настоящей статьи, освобождается от уголовной ответственности...» со дня награждения государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы либо со дня увольнения с военной службы по одному из специально предусмотренных оснований. Даже здесь речь идет об освобождении, но только лиц, уже условно освобожденных, что опять же не дает возможность избавиться от идеи о нелогичности статьи, фактическое действие которой по освобождению всех ранее осужденных от наказания прекратится. Либо необходимо ставить вопрос о банальном переложении ответственности с ФСИН России на Министерство обороны Российской Федерации в лице командиров воинских частей, что позволит сохранить личный состав воинских частей для решения боевых и связанных с ними задач.

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ДОКУМЕНТОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НАРУШЕНИЯ МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

А. А. Бондарева

Барнаульский юридический институт МВД России

Необходимым условием эффективного расследования преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства является использование специальных знаний.

По результатам проведенного анкетирования 250 сотрудников следственных подразделений и подразделений дознания МВД России установлено, что следователи (дознаватели) предпочитают использовать такой вид специальных познаний в расследовании преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства, как судебная экспертиза (в 65 % случаев).

Следует поддержать точку зрения О. П. Грибунова и А. И. Миллос, согласно которой «одним из способов получения доказательств является назначение и проведение различных судебных экспертиз с целью применения специальных знаний в определенной области профессиональных знаний для установления обстоятельств совершенного преступления и получения доказательств по делу» [3, с. 25].

В результате изучения уголовных дел о преступлениях в сфере нарушения миграционного законодательства¹ установлено, что наиболее востребованной судебной экспертизой по указанной категории уголовных дел является технико-криминалистическая.

Технико-криминалистическая экспертиза документов позволяет обнаружить конкретный способ, который использовался при изготовлении и подделке документов, установить используемые в этих целях технические средства, а равно воспроизвести их первоначальное содержание (при повреждении), произвести анализ материалов таких документов. В процессе проведения экспертизы разрешаются вопросы идентификационного и диагностического характера.

Объектами технико-криминалистической экспертизы документов являются:

– национальные заграничные паспорта иностранных граждан, миграционные карты, трудо-

вые договоры, уведомления о прибытии иностранного гражданина, заявления о предоставлении государственных услуг по выдаче разрешения на временное проживание, вида на жительство, патента;

– печати, штампы;

– образцы оттисков печатей и штампов;

– документы, изготовленные полиграфическим способом и с помощью средств оргтехники;

– технические средства и оборудование, использованные в ходе изготовления документов;

– иные документы и объекты исследования.

Вопросы, решаемые в рамках производства данной экспертизы:

1. Был ли выполнен пишущим прибором данный рукописный документ, который представлен на исследование? Исполнены ли в документе записи одним и тем же пишущим прибором?

2. Соответствует ли время выполнения рукописных записей дате, указанной в документе? Если нет, то в какой период времени выполнены записи?

3. Не выполнены ли реквизиты документов в определенный срок времени?

4. Каким способом изготовлена печать (штамп), оттиск которой имеется на документе?

5. С одной ли печатной формы проставлены оттиски штампов?

Так, в ходе расследования уголовного дела об организации незаконного пребывания в Российской Федерации иностранных граждан технико-криминалистической экспертизой документов было установлено, что оттиск штампа «РАЗРЕШЕНО ВРЕМЕННОЕ ПРОЖИВАНИЕ» на странице № 23 в паспорте гражданина Республики Таджикистан А. и образцы оттисков «РАЗРЕШЕНО ВРЕМЕННОЕ ПРОЖИВАНИЕ», представленные УВМ ГУ МВД России по Алтайскому краю для сравнительного исследования, проставлены с разных печатных форм. В ходе сравнительного исследования было установлено, что оттиски штампов различаются

¹ Изучено 202 уголовных дела о преступлениях, предусмотренных ст. 322, 322¹, 322², 322³ УК РФ.

как по размеру самих штампов, так и по размеру и конфигурации шрифта [2].

Мы согласны с приведенными в исследовании И. А. Ларионовым проблемными ситуациями, возникающими в ходе назначения технико-криминалистической экспертизы документов и заключающимися в направлении поручений в отдаленные пункты пропуска по отношению к месту производства расследования в целях получения оттисков штампов, упоминаемых в документах пропускных пунктов, а также с оказываемым мигрантами противодействием расследованию, проявляющимся в отказе дать подробную информацию о лице, которое изготовило ему подложный документ [5, с. 173–174].

Не менее важными проблемами при назначении технико-криминалистической экспертизы справедливо считать постановку вопросов перед экспертом и предоставление необходимых для исследования образцов. Так, например, при назначении технико-криминалистической экспертизы в целях установления соответствия выполненных рукописных записей и подписей дате, указанной в заявлении о принятии на работу, трудовом договоре, должностной инструкции, в распоряжение эксперта были предоставлены вышеназванные документы. Однако от эксперта поступило ходатайство, согласно которому дополнительно необходимо представить образцы рукописных записей (подписей), выполненных той же пастой (пастами) шариковой ручки, что и на представленных на исследование документах, сопоставимые по конфигурации и интен-

сивности окраски штрихов за период с января по июнь 2020 г., на бумаге того же типа и хранящиеся в тех же условиях, что и представленные на исследование документы. Следователем было отказано в удовлетворении ходатайства эксперта ввиду того, что не удалось установить местонахождение соответствующих предметов. В связи с чем экспертом был дан мотивированный ответ о невозможности дачи заключения [1].

Для успешного проведения судебной экспертизы необходимо представлять информацию в том объеме, который будет достаточен для эксперта. Перед назначением судебной экспертизы следователь должен обратиться к сотрудникам экспертно-криминалистического подразделения за консультацией о допустимости производства судебной экспертизы и формулировке вопросов.

Таким образом, использование результатов технико-криминалистической экспертизы документов при расследовании преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства позволяет решить лицу, проводящему расследование, как идентификационные задачи, проявляющиеся в установлении лица, совершившего преступление, так и диагностические задачи, позволяющие получить ориентирующую информацию, выдвинуть криминалистические версии в целях установления истины по уголовному делу, что в конечном итоге приводит к принятию законного, обоснованного решения по уголовному делу.

Литература

1. Архив Ленинского районного суда г. Омска. Д. № 1–145/2021.
2. Архив Центрального городского суда г. Барнаула. Д. № 1–265/2019.
3. Грибунов О. П., Милос А. И. Применение специальных знаний и назначение судебных экспертиз при расследовании уголовных дел, связанных с хищениями нефти и нефтепродуктов // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 18. № 2. С. 22–30.
4. Зеленский В. Д. О процессуальных и организационных формах использования специальных знаний в расследовании // Общество и право. 2012. № 1. С. 210–212.
5. Ларионов И. А. Совершенствование методики расследования преступлений в сфере организации незаконной миграции: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2022. 235 с.

УГРОЗА УБИЙСТВОМ ИЛИ ПРИЧИНЕНИЕМ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ: ПРЕДЕЛЫ БЕЗНАКАЗАННОСТИ

И. В. Ботвин,

кандидат юридических наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

Уголовная ответственность за преступное деяние, выражающееся в угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, — традиционное явление для российского уголовного права. Кроме того, за всё время существования редакция ст. 119 УК РФ не подвергалась значительным изменениям, за исключением изменения санкции (федеральный закон Российской Федерации от 07.12.2011 № 420-ФЗ) и установления в ч. 2 ответственности за совершение рассматриваемого преступления в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга (федеральный закон Российской Федерации от 26.07.2019 № 206-ФЗ). Так, исходя из требования закона, осуществляемое преступное посягательство должно выражаться: в угрозе; направленности исключительно на убийство или причинение тяжкого вреда здоровью; восприятию потерпевшим угрозы как реальной и опасности ее реализации.

Вместе с тем в судебной практике зачастую возникают трудности, связанные с квалификацией угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, в т. ч. по причине того, что требования закона, указанные выше, являются оценочными.

Кроме того, значительная часть проблем в правоприменительной практике связана с установлением необходимого набора признаков, при которых можно вести речь о наличии в деянии состава преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ.

В специальной литературе признаки угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и вопросы квалификации достаточно подробно изучены и обоснованы. При этом нет единого мнения о том, что должна содержать в себе угроза и насколько она должна быть реальной для потерпевшего.

Например, О. М. Шаганова утверждает, что реальность угрозы должна определяться в каждом конкретном случае с учетом всех фактических обстоятельств дела и она может быть как

устной, так и письменной и конклюдентной, доводится через третьих лиц, сопровождается демонстрацией оружия [6, с. 36–38].

Н. В. Тыдыкова также полагает, что угроза убийством может быть оценена как реальная и без наличия «подкрепляющих действий», при этом опасения потерпевшего могут основываться на других обстоятельствах (на анализе обстановки, в которой угроза была выражена, выраженном конфликтном характере взаимоотношений угрожавшего и потерпевшего, способах донесения угроз, информации о времени и других обстоятельствах) [5, с. 36–42].

Некоторые ученые и вовсе утверждают, что в случае, когда угроза сопровождается конкретными действиями, то деяние нужно квалифицировать уже не по ст. 119 УК РФ, а как приготовление или покушение на убийство (например, выстрел в сторону потерпевшего) [1, с. 77; 3, с. 121–126].

Другие исследователи только устную угрозу не рассматривают в качестве признака, достаточного для квалификации по ст. 119 УК РФ. Так, Ю. А. Шутова предлагает любопытную классификацию форм совершения угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, состоящую из деления на простые формы угроз (физические и информационные) и сложные формы выражения угроз (разновидовая физическая группа, разновидовая информационная группа и комбинированная группа) [7, с. 285–296]. Однако даже при выделении и характеристике простых форм выражения угроз автор считает недостаточным лишь высказываний или жестов, независимо от обстановки совершения деяния. Применительно к ст. 119 УК РФ они должны сопровождаться физическим воздействием (толчками, ударами), воздействием на предметы материального мира (выстрел из оружия), использованием оружия или соответствующих предметов (замах, выстрел в другого человека).

Убедительной выглядит позиция О. В. Ермаковой о том, что правоприменительная практика в части требования реальности угрозы

трактует положения УК РФ чрезмерно узко, понимая под преступлением лишь угрозы, сопровождающиеся конкретными действиями (ударами, замахиваниями), с применением орудий [2, с. 170–173].

Не вдаваясь в серьезную полемику по данному вопросу, уже можно высказать опасения о том, что существенный массив деяний, которые выражаются в высказывании угроз убить или причинить тяжкий вред здоровью и не сопровождаются подтверждающими действиями или складывающейся внешней обстановкой, создающей дополнительную опасность для потерпевшего, остаются безнаказанными. Речь идет в первую очередь о семейно-бытовых условиях совершения подобных посягательств, которые в конечном счете находят отражение в отказном материале участкового уполномоченного полиции.

Проблема имеет место и по причине того, что ответственность за рассматриваемые угрозы предусмотрена только в УК РФ. Вместе с тем в научной литературе неоднократно высказывались мнения о необходимости рассмотрения вопроса об установлении административной ответственности за действия, не содержащие признаков уголовно наказуемого деяния и остающиеся безнаказанными [4, с. 306–309].

Учитывая распространенность подобных случаев, наличие серьезных проблем в толковании оценочных понятий ст. 119 УК РФ, а также отсутствие четких разъяснений Верховного Суда Российской Федерации по рассматриваемой категории дел, следует отметить, что назрела острая необходимость в реформировании юридической ответственности в административном и уголовном законодательстве Российской Федерации за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью.

В настоящее время авторским коллективом Барнаульского юридического института МВД России на основании заявки Главного управления МВД России по обеспечению охра-

ны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации разрабатываются предложения по модернизации административного и уголовного законодательства Российской Федерации в части дополнения его охранительными нормами, устанавливающими и (или) корректирующими юридическую ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью.

На основе анализа учебной и научной литературы, затрагивающей вопросы ответственности за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях, а также зарубежного опыта конструирования законодательства на предмет установления ответственности в этой сфере, обобщения и систематизации эмпирических данных отдельных территориальных органов МВД России о совершении тяжких и особо тяжких бытовых преступлениях лицами, в отношении которых ранее было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по ст. 119 УК РФ, планируется определить конкретные направления совершенствования ответственности за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью в рамках норм Особенных частей КоАП РФ и УК РФ, спрогнозировать потенциальное влияние предполагаемых к внедрению инициатив на уровень «бытовой» преступности в целом и профилактику тяжких и особо тяжких уголовно наказуемых деяний.

Кроме того, представляется, что реализация разработанных инициатив позволит решить проблемы как в вопросе привлечения к уголовной ответственности за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, так и в выявлении латентных преступлений и правонарушений данной группы, а также усилении профилактической работы государства в лице органов внутренних дел.

Литература

1. Бородин С. В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. М.: Юрист, 1994. 216 с.
2. Ермакова О. В. Особенности квалификации угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: мат-лы XIX Всерос. науч.-практ. конф-ции (Новокузнецк, 30–31 октября 2019 г.) / отв. ред. А. Г. Чириков. Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. С. 170–173.
3. Зотов А. Ю. Проблемы квалификации угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, возникающие в современной следственной и судебной практике // Право и практика. 2022. № 2. С. 121–126.

4. Козлова В. Н. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: направления совершенствования законодательства // *Право и государство: теория и практика*. 2022. № 12 (216). С. 306–309.

5. Тыдыкова Н. В. О проблемах понимания признаков состава угрозы убийством // *Юрислингвистика*. 2023. № 28. С. 36–42.

6. Шаганова О. М. Квалификация угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ) // *Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы 17-й Междунар. науч.-практ. конф-ции*. В 2 ч. Барнаул: БЮИ МВД России, 2019. Ч. 2. С. 36–38.

7. Шутова Ю. А. Классификация форм совершения угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью применительно к ст. 119 УК РФ // *Вестник Восточно-Сибирского института МВД России*. 2022. № 3 (106). С. 285–296.

ВЫЯВЛЕНИЕ ПРОБЛЕМ В СЛЕДСТВЕННОЙ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ В ХОДЕ АНАЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТАТИСТИЧЕСКОЙ ОТЧЕТНОСТЬЮ О СОСТОЯНИИ ПРЕСТУПНОСТИ

И. Г. Брагин

Прокуратура Алтайского края

В докладе Президента Российской Федерации В. В. Путина, прозвучавшем на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации 26 марта 2024 г., в качестве важнейшей задачи прокуратуры названы контроль и координация деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью [1]. Решение указанной задачи невозможно без доступа к полной и достоверной статистической отчетности о состоянии преступности, позволяющей своевременно реагировать на новые тенденции преступности, реализовывать необходимые дополнительные меры, направленные на противодействие ранее известным криминальным проявлениям в нашем государстве.

В соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 17.01.1992 № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» Генеральная прокуратура Российской Федерации осуществляет государственный единый статистический учет данных о состоянии преступности, проводит федеральное статистическое наблюдение на основе первичных статистических данных, предоставляемых государственными органами [2]. Полученные данные формируются и отражаются в формах федерального статистического наблюдения (далее — ФФСН), утверждаемых Генеральной прокуратурой Российской Федерации, и, кроме того, подвергают-

ся всестороннему ведомственному анализу как по Российской Федерации в целом, так и по конкретным ее субъектам.

В Алтайском крае данную работу ведет аппарат прокуратуры субъекта. Сотрудниками прокуратуры края проводится систематический анализ показателей, отраженных в ФФСН, целью которого является выявление тенденций в криминальной обстановке, складывающейся в регионе, изменений следственной и судебной практики, включая наличие уже вынесенных незаконных процессуальных и судебных решений, требующих принятия мер прокурорского реагирования.

Изучение показателей государственной статистической отчетности позволяет установить случаи вынесения судами незаконных процессуальных решений (в первую очередь обвинительных приговоров), основанных на неправильном применении норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

В качестве примера необходимо привести факт вынесения одним из районных судов Алтайского края незаконного постановления о прекращении уголовного дела на основании ст. 25 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ) о тяжком преступлении, квалифицированном по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, в котором изменена категория тяжести преступления с тяжкого на средней тяжести. В со-

ответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства суд был обязан вынести обвинительный приговор, в котором после изменения категории тяжести преступления указать о прекращении уголовного преследования по данному основанию. Названное незаконное постановление о прекращении уголовного дела было обжаловано прокуратурой Алтайского края в кассационной инстанции. Уголовное дело направлено на новое судебное рассмотрение, по результатам которого вынесен обвинительный приговор.

Всего по итогам 2023 г. на территории Российской Федерации в 42 субъектах было зарегистрировано 133 решения о прекращении уголовных дел о тяжких преступлениях по основанию, предусмотренному ст. 25 УПК РФ, на которые, с учетом приведенного примера, также стоило бы обратить внимание правоохранительным и надзорным органам.

Применение метода сравнительного анализа также позволяет давать оценку эффективности работы правоохранительной системы в отдельных регионах страны по реализации задач, перечисленных в ст. 2 УК РФ. В качестве иллюстрации приведем факты наличия в ряде регионов нашего государства практики принятия незаконных процессуальных решений о приостановлении предварительного расследования в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, по уголовным делам, возбужденным по ч. 4 ст. 111, ст. 116.1, 145.1, 158.1, 156, 264.1, 264.3, 290, 291.2 УК РФ и др., т. е. по тем, которые могут быть возбуждены только в отношении конкретного лица, и личность которого, очевидно, установлена, требующих соответствующего реагирования надзорного органа.

Изучение показателей ФФСН позволяет выявлять случаи манипулирования статистическими данными с целью улучшения показателей

результатов работы органов предварительного расследования. Так, согласно отчету по форме № 4–ЕГС за январь — декабрь 2023 г., удельный вес возмещенного ущерба по окончанным производством уголовным делам по коррупционным преступлениям в некоторых регионах существенно превышает сумму причиненного ущерба по деяниям данной направленности. В частности, на территории Липецкой области такой удельный вес составляет 122 %, а в Новосибирской области — 102,6 %.

В ходе ознакомления с ФФСН № 5–ЕГС «Сведения о потерпевших и совершенных в отношении их преступлениях» по итогам работы за 2023 г. нами установлено, что на практике имеют место факты (при условии правильного заполнения учета) необоснованного признания потерпевшими по уголовным делам, возбужденным по ст. 264 УК РФ, лиц, которым причинен средней тяжести вред здоровью. Объективная сторона этого состава преступления связана с причинением тяжкого вреда здоровью человека. Очевидно, что причинение лицу вреда здоровью средней тяжести не образует состава такого преступления. Однако нужно отметить, что подобная, не соответствующая уголовному закону практика сформирована в Белгородской, Вологодской, Воронежской, Костромской, Курской, Московской, Новгородской, Тамбовской, Тверской областях, Краснодарском крае, Республике Адыгея и Чувашской Республике.

Таким образом, аналитическая работа, проводимая сотрудниками прокуратуры, позволяет выявлять не только фактическое состояние преступности в стране и ее отдельных регионах за определенный период времени, но и вновь образующиеся тенденции в квалификации содеянного, принятии решений по уголовным делам, противоречащих российскому уголовному и уголовно-процессуальному законодательству, но также своевременно на них реагировать.

Литература

1. Выступление Президента Российской Федерации на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/73735> (дата обращения: 04.04.2024).

2. О прокуратуре Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 17.01.1992 № 2202–1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

СУЩЕСТВЕННЫЙ ВРЕД КАК ПРИЗНАК СОСТАВА САМОУПРАВСТВА

А. Г. Брагина,

кандидат юридических наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

Вопросы оценки уголовно наказуемого самоуправства неизбежно связаны с установлением такого обязательного признака, как существенный вред.

В научной литературе этот признак состава преступления подвергается критике в силу его оценочности, сложности в истолковании правоприменителями, обязанными определить такую степень, которая может быть признана существенной [9, с. 13].

Исходя из точки зрения о том, что «преступный вред служит базовым понятием, отражающим все преступные изменения в охраняемом уголовным законом объекте», а также тезиса о том, что он «выступает определяющим обстоятельством криминализации, разграничения преступлений и иных проступков, дифференциации уголовной ответственности и наказания» [1, с. 6], мы можем сделать вывод, что относить его исключительно к общественно опасным последствиям, а сам состав самоуправства — к числу материальных [9, с. 13; 14, с. 124] не точно. В обоснование данной позиции приведем следующие доводы.

В отличие от иных составов преступлений, причиняющих имущественный вред, определяемый как реальный ущерб, т. е. в пределах некой конкретной суммы денежных средств, для состава самоуправства этот момент не имеет определяющего значения.

В одном из надзорных определений Верховного Суда Российской Федерации указано на то, что причиненный самоуправством вред, определенный по номинальной стоимости имущества (100 000 рублей), продававшегося как металлолом, был оценен как существенный неверно [11]. Таким образом, объективно весьма значительная стоимость имущества не повлияла на оценку вреда, причиненного преступлением, как существенного. В другом же случае в абсолютном выражении сумма причиненного имущественного ущерба была весьма невелика, однако существенность вреда как признака уголовно наказуемого самоуправства не оспаривалась. Так, З. самовольно, вопреки закону, применив насилие в виде нескольких ударов по лицу и телу, забрала у потерпевшей сотовый телефон марки Samsung J1 и паспорт на имя О.Н.С. В результате З. самоуправно завладела имуществом О.Н.С в сумме 2200 рублей, причинив последней существенный вред [3].

Итак, «существенность» преступления, предусмотренного ст. 330 УК РФ, его вредоносность определяются не по конкретным суммам, исчисляемым в рублевом эквиваленте и составляющим имущественный ущерб, а по степени негативного влияния на охраняемые уголовным законодательством управленческие отношения самоуправной деятельностью виновного.

Наличие в ч. 2 ст. 330 УК РФ отягчающего ответственность способа самоуправства (применение насилия или с угрозой его применения) также не указывают на безусловную «материальность» состава.

Относительно физического вреда, а именно обоснованности квалификации по совокупности с преступлениями против личности, а также необходимости его точной конкретизации в рамках предлагаемой исследователями новой редакции [2, с. 9, 21], заметим следующее. Само по себе насилие, как опасное, так и не опасное для жизни и здоровья, не всегда ведет к причинению вреда здоровью, а потому отнесение насилия к характеристике общественно опасных последствий самоуправства было бы неправильным. Санкция ч. 2 ст. 330 УК РФ в качестве наиболее строгого вида наказания предусматривает лишение свободы сроком до пяти лет. Это указывает на недостаточность ее карательного потенциала для охраны здоровья человека от всех видов вреда, в первую очередь тяжкого. Очевидно, что ни признак существенности вреда, ни множественность объектов, на которые посягает виновный, ни, наконец, предусмотренные законодателем вид и срок наказания не позволяют справедливо оценить содеянное исключительно по ч. 1–2 ст. 330 УК РФ. И потому обязательно требуется дополнительная квалификация по статьям, включенным в гл. 16 УК РФ. То есть, по аналогии с правилами квалификации, предложенными Верховным Судом Российской Федерации, вымогательства¹, возбуждения ненависти или вражды, а равно унижения человеческого достоинства [13, п. 9], необходи-

¹ Если вымогательство сопряжено с побоями, совершением иных насильственных действий, причинивших физическую боль, а также с причинением легкого или средней тяжести вреда здоровью, истязанием, то такие действия виновного следует квалифицировать по п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ без дополнительной квалификации по ст. 112, 115, 116 или 117 УК РФ [12, п. 9].

мо вменение состава умышленного причинения тяжкого вреда здоровью при наличии к тому оснований [12, 13].

Так, справедливо, на наш взгляд, были квалифицированы только по ч. 2 ст. 330 УК РФ действия Б. Он, как лицо, нарушившее ранее договор аренды, в результате чего данный договор был расторгнут, условился с арендодателем Х. о возвращении денежных средств в сумме 3500 рублей за неиспользованный срок проживания в жилом помещении, составлении акта приема-передачи, а также возврате ключей. При встрече в ранее оговоренном месте (киоске) Б. высказал потерпевшему Х. требование о передаче ему денежных средств в сумме 3500 рублей. После того как Х. отказался, применяя насилие, нанес потерпевшему один удар кулаком в область головы, затем найденным на месте преступления молотком — множественные удары по голове, рукам, спине, кроме того, угрожал неустановленным следствием и судом колюще-режущим предметом, найденным тут же в киоске, и словесно высказал угрозу применения насилия. Х. насилие и угрозы применения насилия со стороны Б. воспринял реально и передал последнему денежные средства в сумме 3500 рублей, которые Б. забрал. После получения денег Б. передал Х. составленный им акт приема-передачи и ключи от квартиры, после чего с места преступления скрылся, вновь высказав угрозу применения насилия в случае обращения последнего в правоохранительные органы. Содеянное Б. было квалифицировано по ч. 2 ст. 330 УК РФ [6].

В пользу формально-материальной конструкции объективной стороны говорит и тот факт, что в правоприменительной практике существенным вредом, причиняемым в результате самоуправства, признается также нарушение конституционных прав и свобод (в частности, на имущество и телесную неприкосновенность [5], на охрану достоинства личности, на недопущение насилия, жестокого и унижающего человеческое достоинство обращения, на свободу и личную неприкосновенность [4, 7] и др.). Поскольку нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага или нарушающими его личные неимущественные права, относятся к моральному вреду [10], этот факт также говорит о необязательности отнесения состава самоуправства исключительно к категории материальных, а значительного вреда — к последствиям как признаку объективной стороны.

Таким образом, проблема толкования признака существенного вреда в составе самоуправства вытекает из формулировки диспозиции статьи, не явно демонстрирующей предметный, ценностный и правовой аспекты объекта самоуправства [8, с. 183]. Существенный вред в составе самоуправства не должен рассматриваться исключительно как признак объективной стороны (т. е. как общественно опасное последствие данного преступления), будучи отражением всех негативных изменений в объекте уголовно-правовой охраны, не обязательно имеющих материальное выражение вовне.

Литература

1. Анисимова И. А. Уголовно-правовое значение преступного вреда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2008. 26 с.
2. Артюшкина С. В. Самоуправство: теоретические и правоприменительные аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 27 с.
3. Архив Бийского городского суда Алтайского края за 2021 г. Д. № 1–706/2021.
4. Архив Железнодорожного городского суда Московской области за 2013 г. Д. № 1–306/13.
5. Архив Железнодорожного городского суда Московской области за 2015 г. Д. № 1–243/15.
6. Архив Октябрьского районного суда г. Барнаула Алтайского края за 2019 г. Д. № 1–330/2019.
7. Архив Советского районного суда г. Новосибирска за 2022 г. Д. № 1–61/2022.
8. Винокуров В. Н. Объект преступления: доктринально-прикладное исследование: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2022. 368 с.
9. Витман Е. В. Самоуправство: проблемы квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 27 с.
10. О практике применения судами норм о компенсации морального вреда: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2022 № 33 // Российская газета. 2022. 25 нояб. № 267.
11. Определение Верховного Суда РФ от 26.01.2012 № 41–Д11–36 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации) [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2015 № 56. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Шаганова О. М. Характеристика последствий в составе преступления, предусмотренного ст. 330 УК РФ: анализ теории и правоприменительной практики // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф-ции (Иркутск, 28 апреля 2020 г.). Иркутск: ВСИ МВД России, 2020. С. 124–127.

ПОНЯТИЕ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ

Н. Н. Бугера,

кандидат юридических наук, доцент

Волгоградская академия МВД России

Наметившаяся в последние годы устойчивая тенденция либерализации и гуманизации российской уголовной политики и понимание законодателем явно невысокой эффективности назначения на протяжении многих лет чрезмерно строгого наказания в виде реального лишения свободы на определенный срок обусловили переосмысление существующей в настоящее время пенитенциарной системы, что, в свою очередь, привело к увеличению назначения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденного от общества. Таким образом, сегодня решение проблем, возникающих при назначении условного осуждения, оказалось востребованным как в доктрине уголовного права, так и в правоприменительной деятельности. Теоретическая и практическая значимость научной разработки положений, относящихся к условному осуждению, представляется весьма высокой, поскольку этот институт в новых условиях продолжает оставаться одним из наиболее эффективных способов противодействия преступности.

Так, согласно официальным данным о состоянии судимости в России, в 2022 г. всего было осуждено 578 751 лицо, из них 167 165 — избрано наказание в виде лишения свободы на определенный срок, при этом 153 745 лицам суд постановил считать назначенное наказание условным [6].

Институт условного осуждения возник в России на рубеже XIX–XX вв., получив за прошедшие годы широкое распространение.

Однако многие вопросы, возникающие при его реализации, по-прежнему решаются неоднозначно, а порой и противоречиво. В частности, дискуссионным остается ключевой вопрос о юридической природе условного осуждения, и это важно, поскольку дальнейшее совершенствование правового механизма реализации условного осуждения в первую очередь зависит именно от этого.

Появление в отечественном уголовном праве видов наказаний, назначаемых условно, объективно обуславливает и решение вопроса о том, целесообразно ли расширять этот перечень за счет таких видов наказаний, как, например, штраф. Неоднозначно решается и проблема, связанная с целесообразностью (или нецелесообразностью) при условном осуждении назначать и самостоятельно исполнять альтернативные дополнительные виды наказаний, предусмотренные в санкциях норм действующего УК РФ.

Вопросы, связанные с юридической природой условного осуждения, вызывают многочисленные дискуссии и споры. Условное осуждение одни ученые представляют собой как особый вид наказания [13, с. 65], другие считают его средством воспитательного воздействия на лицо, совершившее преступление [2, с. 23], либо предлагают рассматривать условное осуждение в качестве особого порядка отбывания наказания, без фактического лишения свободы [15, с. 55], либо считают его одним из видов освобождения от уголовной ответственности и нака-

зания [14, с. 273], либо рассматривают как меру уголовно-правового характера, которую назначает суд в соответствии со ст. 73 УК РФ [9, с. 265].

До настоящего времени, к сожалению, высказываются различные, часто противоположные точки зрения, несмотря на то, что от единообразного понимания юридической природы рассматриваемого института и его толкования зависит качественная деятельность государственных органов.

Нормы, связанные с условным осуждением, находятся в гл. 10 УК РФ «Назначение наказания». Однако не все ученые согласны с этим. Так, С. В. Дьяконова придерживается точки зрения, что подобное размещение указанной главы в УК РФ вводит в заблуждение, поскольку способствует двусмысленному восприятию юридической природы условного осуждения. При таком расположении условное осуждение можно рассматривать в качестве наказания либо особого порядка назначения наказания [8, с. 315].

Многие праведы условное осуждение определяют как отличительный от других порядков отбывания наказания лицом, признанным виновным в совершении преступления, при котором вынесенный судом обвинительный приговор реально не исполняется [3, с. 44; 11, с. 279]. Существует и противоположная точка зрения, согласно которой условное осуждение представляет собой не особую разновидность уголовного наказания, а его отсрочку [5, с. 429].

Интересной является точка зрения О. В. Подчинок на природу условного осуждения. Автор предлагает понимать под условным осуждением своеобразное поощрение и даже прощение условно осужденного, отказ от реального исполнения вынесенного приговора суда, но только в том случае, если лицо, признанное судом виновным в совершении преступления, использует испытательный срок с пользой и сможет исправиться без реального исполнения приговора [8, с. 225].

В российском уголовном законе условное осуждение не относится к уголовным наказаниям, которые перечислены в гл. 9 УК РФ, но в некоторых странах Западной Европы, например, в Швеции [10], его рассматривают как отдельный вид наказания. Некоторые российские ученые также считают необходимым выделить условное осуждение в отдельный вид наказания [8, с. 227].

Сейчас в России на условное осуждение приходится большое количество решений судов первой инстанции. При этом суды применяют

условное осуждение не всегда обоснованно, что становится большой проблемой. Думается, что столь активное назначение условного осуждения будет оправданным только после того, как оно станет уголовным наказанием, и данное положение будет закреплено в УК РФ в соответствующем разделе. История российского уголовного законодательства уже имела подобный опыт, закрепив в УК РСФСР 1922 г. условное осуждение в качестве вида наказания.

В действующем уголовном законодательстве цели условного осуждения не нашли своего отражения. Учитывая место расположения норм об условном осуждении в гл. 10 УК РФ «Назначение наказания», а также то, что данный институт не освобождает от наказания, можно предположить, что цели условного осуждения совпадают с целями наказания. Однако изначально данный институт был введен в УК РФ в качестве средства экономии мер уголовной репрессии. Государство не может физически обеспечить всех осужденных условиями для отбывания реального наказания. Российская уголовная политика одним из важных векторов своей деятельности видит снижение числа реальных наказаний. Но для этого необходимо законодательно создать условия реализации данной идеи, в частности предоставить достаточно широкий спектр правовых средств для возможности индивидуального подхода при назначении наказания. После этого институт условного осуждения будет применяться только в случаях, если при назначении наказания у суда будет убеждение в том, что исправление осужденного возможно без его реального отбывания [1, с. 14].

На наш взгляд, столь широкое применение в судебной практике условного осуждения, в частности, обусловлено и несовершенством ст. 73 УК РФ. Отсутствие четко определенных критериев принятия данного решения приводит к тому, что очень часто суды в приговорах не обосновывают целесообразность применения условного осуждения, обходясь только общими фразами.

В пунктах «а» — «в» ч. 1 ст. 73 УК РФ приводится перечень лиц, к которым условное осуждение применено быть не может. Анализируя уголовно-правовые нормы о видах наказаний, которые перечислены в ст. 73 УК РФ, можно сделать вывод, что они по своей сущности различны и их юридическая природа не идентична. Соответственно, вызывает недоумение, как к таким разным видам наказаний возможно применение условного осуждения, которое имеет единый порядок своего исполнения.

Более правильным, логичным и справедливым было бы дать суду возможность применять условное осуждение только в отношении лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести, учитывая при этом характеристику личности осужденного, наличие (или отсутствие) его раскаяния, квалифицирующих признаков и др. [7, с. 183].

На наш взгляд, применение условного осуждения к лицам, совершившим тяжкие или особо тяжкие преступления, противоречит целям уголовного законодательства России. Лица, совершившие такие преступления, не способны правильно оценить институт условного осуждения, который воспринимается ими как освобождение от наказания, что препятствует их исправлению.

Думается, что с учетом вышеизложенного ст. 73 УК РФ нуждается в доработке и уточнении.

В УК РФ существует такой вид наказания, как ограничение свободы. Условное осуждение и ограничение свободы имеют схожие черты:

- 1) при их применении осужденный не изолируется от общества;
- 2) осужденные сохраняют свое местожительство;
- 3) УК РФ закрепляет схожие ограничения к осужденным;
- 4) отсутствует исправительно-трудовое воздействие;
- 5) исполнение возложено на уголовно-исполнительные инспекции.

Но при этом условное осуждение и ограничение свободы различаются:

- 1) условное осуждение относится к мерам уголовно-правового характера, ограничение свободы — это уголовное наказание;
- 2) условное осуждение применяется при перечисленных выше четырех видах наказаний, ограничение свободы само является отдельным видом наказания;
- 3) условное осуждение применимо к преступлениям любой тяжести, ограничение свободы — к преступлениям небольшой или средней тяжести [4, с. 108].

Учитывая схожесть этих уголовно-правовых институтов, возможно объединить их в один вид наказания, который назывался бы «условное осуждение». Исходя из судебной

практики, институт условного осуждения одобряется в практической деятельности судов, следовательно, он важен и актуален. В литературе высказывается позиция о том, что условное осуждение должно стать видом наказания, а также его нужно объединить с наказанием в виде обязательных работ. Это позволит усилить данный вид уголовного наказания и упорядочить применение условного осуждения [12, с. 135].

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать выводы:

1. В уголовно-правовой теории до настоящего времени юридическая природа условного осуждения однозначно не определена, и по этому поводу среди ученых ведется достаточно оживленная полемика. К решению данного вопроса существует несколько основных теоретических подходов. В последние годы условное осуждение все чаще определяется как особая мера уголовно-правового характера, являющаяся альтернативной формой реализации уголовной ответственности.

2. В действующем УК РФ нормы, образующие институт условного осуждения, включены в гл. 10 «Назначение наказания». Следовательно, даже по формальным основаниям условное осуждение не является освобождением от наказания, поскольку законодатель не стал размещать рассматриваемый правовой институт в гл. 12 УК РФ «Освобождение от наказания». На наш взгляд, условное осуждение также не может быть признано и особым видом уголовного наказания, поскольку по смыслу закона суд с самого начала назначает именно условное осуждение, которое не содержит в себе в качестве репрессивных элементов существенных правоограничений личного и имущественного характера, свойственных наказанию. Кроме того, условное осуждение не установлено в санкциях норм Особенной части УК РФ, а также указание на него отсутствует в перечне видов наказаний, предусмотренных в ст. 44 УК РФ.

По нашему мнению, наиболее логичной является позиция, согласно которой условное осуждение является особой формой реализации уголовной ответственности и представляет собой самостоятельную меру уголовно-правового характера.

Литература

1. Бахур О. И. Истоки возникновения осуждения с условным неприменением назначенного наказания в уголовном законодательстве // Борьба с преступностью: теория и практика: тез. докл. VIII Междунар. науч.-практ. конф-ции. Могилев: Изд-во Могилевского ин-та МВД Беларуси, 2020. С. 14–17.

2. Бурлакова И. А. Условное осуждение: теоретико-правовые и практические проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
3. Гета Ю. Р. Правовая природа условного осуждения в уголовном законодательстве России // Вестник Кузбасского института. 2021. № 2. С. 44–51.
4. Губайдуллина Э. М. Сравнительный анализ условного осуждения и ограничения свободы // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2013. № 6. С. 107–110.
5. Лаверычева С. А. Вопросы определения правовой природы условного осуждения // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России: науч.-практ. ежеквартальное издание. М.: Изд-во НИИ ФСИН России, 2020. С. 429–432.
6. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 25.03.2024).
7. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Ф. Р. Сундурова, И. А. Тарханова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2016.
8. Уголовное право. Т. 1. Общая часть / отв. ред. И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. М.: Юрайт, 2014.
9. Уголовно-исполнительное право Российской Федерации. М.: ТК Велби: Изд-во Проспект, 2021.
10. Уголовный кодекс Королевства Швеция (1962 г., с поправками 2021 г.). URL: https://www.legislationline.org/download/id/9097/file/Sweden_CC.pdf (дата обращения: 19.03.2024).
11. Хальнова А. С. О правовой природе условного осуждения // Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века. 2020. № 16. С. 279–281.
12. Хлыстова Н. Б. Особенности применения условного осуждения в судебной практике: современное состояние и перспективы совершенствования // 3I: Intellect, idea, innovation — интеллект, идея, инновация. 2020. № 1. С. 195–202.
13. Хоменко С. М. Условное осуждение: правовая природа и проблемы применения // Современные тенденции развития науки и производства: сб. по мат-лам IV Междунар. науч.-практ. конф. В 2 т. Кемерово: Западно-Сибирский научный центр, 2016. Т. 2. С. 565–566.
14. Шарипов Т. Ш. Условное осуждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992.
15. Якубович М. И. О правовой природе условного осуждения // Советское государство и право. 1946. № 11–12. С. 55–59.

ПРИЧИНЕНИЕ СМЕРТИ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В. Н. Винокуров,

кандидат юридических наук, доцент

Сибирский федеральный университет

В статьях 76 и 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) предусмотрена возможность освобождения от уголовной ответственности за совершение преступления впервые небольшой и средней тяжести, если виновный примирился с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) или возместил ущерб или иным образом загладил причиненный вред (ст. 76.2 УК РФ). Представляется, что указанные нормы объединяет то, что обязательным условием их

применения является устранение негативных последствий, вызванных совершением преступления. Рассмотрим возможность освобождения от уголовной ответственности на основании применения указанных норм, когда последствием преступления является смерть человека.

Суды освобождают от уголовной ответственности на основании ст. 76.2 УК РФ за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УК РФ [9], и на основании ст. 76 УК РФ

за преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 109 УК РФ, указывая, что основная цель уголовного наказания — восстановление социальной справедливости — фактически достигнута, а профилактической мерой для предотвращения новых преступлений является процедура досудебного производства по уголовному делу [8]. Указанные решения не противоречат ни положениям ст. 76, 76.2 УК РФ, ни разъяснениям Верховного Суда РФ.

В соответствии с п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (далее — постановление № 19) при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности на основании ст. 76 УК РФ следует учитывать особенности и число объектов преступного посягательства, а также их приоритет. Аналогичная рекомендация содержится и в Обзоре судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 10 июня 2019 г.

К сожалению, Верховный Суд РФ не пояснил, что это за объекты преступления и как их количество и особенности следует учитывать при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности.

Вследствие таких общих указаний суды, освобождая от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим при причинении смерти человеку, указывают, что, несмотря на особенности и число объектов преступного посягательства, уголовный закон не содержит запрета на применение ст. 76 УК РФ в отношении лица, совершившего преступление, предусмотренного ст. 264 УК РФ. В статье 76 УК РФ установлены условия, соблюдение которых дает возможность освободить лицо от уголовной ответственности. Ни характер, ни общественная опасность содеянного не предусмотрены УК РФ как условие или основание отказа в применении ст. 76 УК РФ [4].

Хотя в теории уже давно отмечено, что при причинении смерти человеку его родственники теряют близкого, а государство и общество — гражданина. Вред в виде смерти не поддается возмещению, человеческой жизни не может соответствовать никакая материальная оценка. Поэтому положения ст. 76 УК РФ следует дополнить словами «кроме преступлений, повлекших смерть человека» [6, 10].

Однако только за период с 2017 по 2018 г. суды освободили от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа 341 человека, совершивших преступления, в результате которых погибли люди (ч. 1 ст. 109, ч. 2 ст. 143, ч. 3 ст. 264 УК РФ). При этом прокуроры в судебных заседаниях возражали против применения института судебного штрафа по таким делам, но их аргументы не повлияли на внутреннее убеждение судей [12, с. 47–48].

Так, несмотря на доводы прокурора о том, что преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 264 УК РФ, посягает на два объекта — отношения, обеспечивающие безопасность дорожного движения и жизнь человека, суд указал, что уголовный закон не содержит положений, препятствующих прекращению уголовного дела по причине примирения с потерпевшим, если будет установлено, что преступление посягает на два объекта. Кроме этого, согласно п. 12 постановления № 19, при рассмотрении вопроса о применении положений ст. 76 УК РФ к лицам, совершившим преступление, последствием которого явилась смерть пострадавшего, судам следует учитывать положения ч. 8 ст. 42 УПК РФ о переходе прав потерпевшего в таких случаях к одному из близких родственников потерпевшего, а также иметь в виду, что примирение лица, совершившего преступление, с таким потерпевшим может служить основанием для освобождения его от уголовной ответственности. Таким образом, законодатель предусмотрел возможность прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон и в случае гибели человека в результате преступления, вследствие чего выводы судов обеих инстанций о невозможности освобождения от уголовной ответственности в случае причинения смерти являются незаконными и необоснованными [7].

Руководствуясь этим положением, суды указывают, что способы заглаживания вреда, а также размер его возмещения определяется потерпевшим. Соответственно, Верховный Суд РФ допускает возможность освобождения от уголовной ответственности, если объектом посягательства является жизнь, аргументируя это тем, что закон не содержит прямого запрета на освобождение от уголовной ответственности в случае причинения смерти, полагая, что примирения можно достичь с тем, кого признают потерпевшим.

Однако, как обоснованно отмечено в теории, в основе освобождения от уголовной ответственности на основании ст. 76 УК РФ, при причинении смерти по неосторожности лежит не уголовно-правовое, а процессуальное поня-

тие потерпевшего. Если в уголовном праве потерпевший — это человек, которому преступление непосредственно причинило вред, то в уголовном процессе — это лицо, наделенное правами и обязанностями, и при причинении смерти человеку его права переходят к одному из его близких. Учитывая, что жизнь человека — это самый ценный объект уголовно-правовой охраны, практика освобождения от уголовной ответственности на основании ст. 76.2 УК РФ за причинение смерти человеку недопустима [5].

Также неизвестно, куда будут направлены деньги, полученные в качестве компенсации. Возможно, что примирение будет достигнуто между виновным и родственниками погибшего, у которых при жизни погибшего были плохие с ним отношения, и гибель человека не может вызывать у родственников нравственных страданий. Законодатель прямо указал, что примириться с виновным должен сам потерпевший, а не иное лицо, которому в соответствии с ч. 8 ст. 42 УПК РФ переходят его права после смерти [13].

Кроме этого, освобождение от уголовной ответственности при причинении смерти человеку в случае возмещения вреда посредством денежной компенсации близким погибшего в ряде случаев противоречит принципу равенства перед законом. У погибшего может и не быть родственников, что исключает возможность возместить причиненный вред в виде выплаты компенсации [11].

Вместе с тем суды меняют свое отношение к оценке указанной ситуации.

Так, по делу Сарсоматяна было отмечено, что, несмотря на то, что преступление, совершенное осужденным (ч. 1 ст. 109 УК РФ), отнесено к категории небольшой тяжести, оно направлено против основополагающего права человека на жизнь, закрепленного в ст. 2 и ч. 1 ст. 20 Конституции РФ. В этой связи оказание Сарсоматяном материальной и иной помощи потерпевшей С. не снизило и не уменьшило общественную опасность содеянного, заключающуюся в наступлении необратимых последствий — гибели ребенка. Иная трактовка произошедшего серьезным образом девальвирует высшую ценность — человеческую жизнь, неотъемлемое право на которую охраняется Основным и уголовным законами РФ. Постановление об освобождении Сарсоматяна от уголовной ответственности на основании ст. 76 УК РФ было отменено [2].

По обоснованному мнению В. В. Радова, это решение суда подтверждает, что никакие

меры не восстановят жизнь. Поэтому оно должно получить практикообразующий характер и искоренить незаконную практику освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях против жизни [11]. Кроме этого, суд использовал такое понятие, как общественная опасность, которая при выплате компенсации не снижается настолько, что виновного можно освободить от уголовной ответственности, если его действия причинили смерть по неосторожности.

Действительно, суды, отказывая в освобождении от уголовной ответственности за совершение преступлений, повлекших по неосторожности смерть потерпевшего, мотивируют свои решения тем, что жизнь — это невозможная ценность. Так, Верховный Суд РФ указал, что объектом преступного посягательства, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УК РФ, является не только безопасность дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, но и общественные отношения, гарантирующие неприкосновенность жизни человека. Общественная опасность содеянного, прежде всего, заключается в нарушении основополагающего права человека на жизнь, закрепленного в ч. 1 ст. 20 Конституции РФ. В постановлении о прекращении уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим не указано, каким образом денежная выплата сестре погибшего снизила общественную опасность содеянного и загладила причиненный вред в виде смерти человеку [1].

В другом случае суд также согласился с доводами, изложенными в представлении, дополнительно отметив, что нижестоящий суд, принимая решение об освобождении от уголовной ответственности, не указал, как заглаживание вреда в виде извинений, принесенных матери погибшей, а также выплаченных ей денежных средств, позволили компенсировать наступившие от преступления последствия — гибель дочери [3].

Таким образом, представляется, что указанные выше решения Верховного Суда РФ должны создать прецеденты и конкретизировать разъяснение постановления № 19 об особенностях объектов преступления, причинение вреда которым следует учитывать при решении вопроса о возможности (в нашем случае — невозможности) освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) и назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ).

Литература

1. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2023 г. № 31–УДп23–8–К6 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: сайт. URL: <https://legalacts.ru/> (дата обращения: 20.01.2024).
2. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2021 г. № 18–УДП21–100–К4 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: сайт. URL: <https://legalacts.ru/> (дата обращения: 20.01.2024).
3. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2023 г. № 66–УДП23–20–К8 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: сайт. URL: <https://legalacts.ru/> (дата обращения: 20.01.2024).
4. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 11 марта 2021 г. № 7У–103/2021 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
5. Кострова М. Б. Освобождение от уголовной ответственности с назначением штрафа: новая норма — старые негативные тенденции правоприменения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 2.
6. Петров А. Примирение с потерпевшим как основание освобождения от уголовной ответственности // Законность. 2010. № 11.
7. Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17 марта 2023 г. № 77–1405/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Постановление Камышенского городского суда Волгоградской области от 10 июня 2020 г. № 1–300/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Постановление Тайшетского городского суда Иркутской области от 12 сентября 2019 г. № 1–246/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Проценко С. В. О необходимости внесения корректив в нормы, регламентирующие освобождение от уголовной ответственности // Российский следователь. 2011. № 12.
11. Радов В. В. Освобождение врача от уголовной ответственности за преступления против жизни, или «заглаживание смерти» // Уголовное право. 2022. № 9.
12. Тиссен О. Н. Практические проблемы применения института судебного штрафа в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3.
13. Уразбаев Р. Ш., Мингалимова М. Ф. Прекращение уголовных дел с примирением сторон по несчастным случаям на производстве со смертельным исходом незаконно // Законность. 2015. № 9.

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НАУКЕ: КРИТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

О. В. Ермакова,

доктор юридических наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

Активная трансформация уголовного закона, имевшая место в последние десятилетия, привела к тому, что Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) утрачивает качественность построения уголовно-правовых норм, в результате чего правоприменительным органам достаточно трудно осуществлять толкование признаков составов преступлений и квалифицировать деяния.

Сложившаяся ситуация оказала существенное влияние на развитие науки уголовного права.

В частности, увеличилось число разработок, посвященных составу преступления. При этом научные изыскания касаются как правил построения конструкций [2, с. 29], так и общего понятия состава преступления и его разновидностей [1, с. 46–52].

Предлагаемые новые направления относительно понимания состава преступления требуют критического осмысления, поскольку разработанная в советский период теория является достаточно

устоявшейся, и любые преобразования необходимо соотносить с принятыми положениями.

Следует отметить, что восприятие состава преступления как системы объективных и субъективных признаков, характеризующей в диалектическом единстве общественно опасное деяние в качестве преступления, обоснованно и позволяет уяснить его сущность.

Нельзя признать верным смешение преступления и состава преступления, поскольку акт поведения человека не может в норме уголовного закона воспроизводиться в полном облике (тем более что каждое преступление обладает отличительными особенностями). В связи с чем именно состав преступления, выступая унифицированной моделью, позволяет облекать тот или иной поступок человека в юридическую оболочку.

Размежевание преступления и состава преступления не означает отсутствие тесной взаимосвязи между ними. В частности, состав выступает прообразом реально существующих общественно опасных деяний, особенности совершения которых составляют основу будущей законодательной конструкции. Именно поэтому понимание состава преступления как искусственной модели является упрощенным [4, с. 26].

Среди элементов состава преступления наибольшую сложность толкования имеет объект, что объясняется несколькими обстоятельствами: во-первых, понимание объекта является дискуссионным (это и общественные отношения, блага, норма, ценности и т. д.), в результате чего отсутствует единообразие в его установлении; во-вторых, это тот элемент состава преступления, который не находит отражение в норме уголовного закона, а определяется путем анализа особенностей преступления (по крайней мере, непосредственный объект устанавливается именно таким умозрительным путем и чаще всего отличается разноплановым характером мнений).

Весьма сложно в конструкции конкретных составов преступлений определить обстановку, способ, средства и орудия. Вследствие чего для более точного толкования закона следует использовать в диспозициях статей указанные понятия.

Дискуссионным вопросом выступает классификация составов преступления на определенные видовые группы. При этом в последние годы количество видов составов, предлагаемых учеными, существенно возросло. В частности, предлагаются такие разновидности составов, как: описательные, альтернативные, бланкетные, составы с двумя действиями, альтернативные, с двойной формой вины, двуобъектные,

специальные, основные, квалифицированные, привилегированные и т. д.

Полагаем, что выделение видов составов должно осуществляться в соответствии с определенным классификационным основанием и иметь практическое значение. В свою очередь, искусственное расширение их количества приведет лишь к усложнению понимания теории состава преступления.

Первым классификационным основанием следует признать особенности установления законодателем момента окончания преступления. В этой части в научной литературе выделяют материальный, формальный и усеченный составы [5, с. 142–143, 146]. По нашему мнению, именно эта классификация имеет перспективы своего развития, поскольку момент окончания преступления может переноситься не только на начальные этапы совершения деяния (что соответствует пониманию усеченного состава), но и на подготовительные действия (например, на этап объединения соучастников в преступную группу). В свою очередь, последняя разновидность составов в настоящее время не выделяется.

Несомненное практическое значение (особенно для реализации правил о конкуренции уголовно-правовых норм) имеет классификация по степени общественной опасности и подразделение составов на основной, квалифицированный и привилегированный. В этой части единственным недостатком видится неточность в классификационном основании. Все дело в том, что общественная опасность у состава преступления как у юридической абстракции существовать не может. Общественная опасность проявляется в преступлении как акте поведения человека, посягающем на те или иные общественные отношения. Однако признаки состава преступления могут демонстрировать, отражать такую опасность. Именно поэтому разновидности составов следует выделять по наличию в составе преступления признаков, отражающих повышение или снижение характера и степени общественной опасности.

По сложности отражения элементов состава преступления видовые группы подразделяются на единичные и сложные. В единичном составе все элементы состава, а также характеризующие признаки представлены в единичном выражении (объект, деяние, последствие, форма вины, субъект в единственном числе). В сложном составе наблюдается многовариативность элементов и признаков состава преступления (например, двуобъектные составы, альтернативные, с несколькими последствиями, с двойной фор-

мой вины). В этой части следует указать на то, что альтернативные составы могут представлять собой вариации законодательного закрепления любого признака. К примеру, к данной разновидности относится состав вымогательства, в котором в альтернативном варианте представлены предмет преступления и способ.

Интересной представляется позиция, высказанная Е. В. Благовым, который предложил все сложные составы подразделять на те, в которых признаки альтернативные и совмещенные. Поддерживая высказанную точку зрения, А. В. Иванчин разъясняет, что с позиции юридической техники первый вид предполагает использование схемы «или — или», а второй — «и — и» [3, с. 29–38].

Состав преступления может содержать в себе признаки одной конструкции, а может представлять собой совокупность нескольких разновидностей самостоятельных конструкций. Следовательно, в зависимости от того, сколько самостоятельных конструкций соединяется в рамках состава преступления, следует выделять конструкцию, состоящую из признаков одного состава преступления или объединяющую в себе несколько отдельных составов.

Наконец, принимая во внимание возможности конструкций, которые регламентируют дифференциацию уголовной ответственности

в рамках одного и того же деяния, возможно выделить такие разновидности, как общий состав (который содержит перечень обязательных признаков, распространяющихся на группу других конструкций) и специальный (состав, в который, помимо общих признаков, включаются дополнительные). Показательным примером выступает общий состав мошенничества (ст. 159 УК РФ) и специальные составы, выделяемые в зависимости от сферы общественных отношений, в которых совершается преступление (ст. 159.1–159.6 УК РФ). Указанное деление составов позволяет реализовать положение ч. 3 ст. 17 УК РФ, в соответствии с которой при квалификации преступления приоритетным является специальный состав.

Таким образом, в настоящее время уголовно-правовая наука еще не разрешила все вопросы, касающиеся института состава преступления. При этом особенно явно это прослеживается на примере отдельных элементов состава преступления. Достаточно разрозненно выглядит выделение видов составов. При этом только многоуровневая классификация составов преступлений имеет не только безусловное теоретическое значение, обогащает знания о юридических конструкциях, но и выполняет важную роль в квалификации преступлений, а также в построении предписаний закона.

Литература

1. Бабий Н. А. Теория о специальном составе преступлений: немного критического // Юстиция Беларуси. 2014. № 2. С. 46–52.
2. Ермакова О. В. Теория моделирования состава преступления: монография. Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2023. 91 с.
3. Иванчин А. В. Альтернативные, интегрированные и иные сложные составы преступлений (проблемы трактовки) // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2018. № 7. С. 29–38.
4. Лун Чанхай. Учение о составе преступления по уголовному праву КНР и России: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2009. 29 с.
5. Трайнин А. Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951. 388 с.

О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ВВЕДЕНИЯ В УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ КВАЛИФИЦИРОВАННОГО СОСТАВА КРАЖИ, СОВЕРШЕННОЙ ИЗ ОДЕЖДЫ ИЛИ РУЧНОЙ КЛАДИ, НАХОДИВШИХСЯ ПРИ ПОТЕРПЕВШЕМ (КАРМАННАЯ КРАЖА)

Р. Т. Исмаилов,

кандидат юридических наук, доцент

Академия МВД Киргизской Республики имени Э. А. Алиева;

А. Дж. Шейшеев,

кандидат юридических наук

Академия МВД Киргизской Республики имени Э. А. Алиева

Согласно действующему Уголовному кодексу Киргизской Республики (далее — УК КР), кража есть тайное хищение чужого имущества (ч. 1 ст. 205) [7].

В актуальном уголовном законодательстве понятия «карманная кража» либо «кража, совершенная из одежды или ручной клади, находившихся при потерпевшем» отсутствуют. Проведенный нами ретроспективный анализ указывает, что такой квалифицирующий признак ранее содержался в п. 5 ч. 2 ст. 164 УК КР 1997 г. Подобное деяние наказывалось лишением свободы на срок до пяти лет.

К сожалению, последующее уголовное законодательство (УК КР 2017 г. и УК КР 2021 г.) не включило в себя такой квалифицирующий признак, как «карманная кража». Это привело к тому, что уголовная ответственность за совершение отмеченного деяния стала рассматриваться исключительно через основной состав кражи (ч. 1 ст. 205 УК КР 2021 г.). Введение такого понятия, как «незначительный ущерб» при совершении кражи, который преобладает при карманных кражах, значительно снизил уголовно-правовой потенциал воздействия на виновных лиц в целях предупреждения указанного преступления.

Рассматриваемый квалифицирующий признак содержится в уголовном законодательстве ряда государств — участников СНГ, например, Азербайджанской Республики (ст. 177) [4], Российской Федерации (ст. 158) [10], Республики

Узбекистан (ст. 169) [9], а его вменение виновному лицу может привести к его наказанию в виде лишения свободы на срок до пяти лет.

Уголовный кодекс Республики Молдова и вовсе выделяет отдельную норму об уголовной ответственности за карманную кражу (ст. 192). Основной состав данного преступления предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы до двух лет, квалифицированные и особо квалифицированные составы: 4 года (ч. 2), 7 лет (ч. 3) и 10 лет лишения свободы соответственно (ч. 4) [8].

Даже в законодательстве тех государств — участников СНГ, где не предусмотрен такой квалифицирующий признак, как карманная кража, основной состав кражи в качестве альтернативного вида наказания все же устанавливает лишение свободы.

Следует отметить, что экспертный опрос из числа сотрудников ГУУР МВД Киргизской Республики показал, что такой квалифицирующий признак, как «карманная кража», должен быть включен в закон, поскольку преимущественно именно карманные воров составляют так называемую преступную элиту.

Анализ статистики числа зарегистрированных преступлений [1] за семь лет (2016–2022 гг.) указывает, что в сравнении с другими преступлениями против собственности (такими как грабеж, разбой, мошенничество) кража занимает лидирующее место. Это иллюстрирует табл. 1.

Таблица 1

*Число зарегистрированных в Киргизской Республике грабежей,
разбоев, краж и мошенничеств*

Вид преступления	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г. ¹	2020 г.	2021 г. ²	2022 г.
Грабеж	969	987	956	1821	960	1268	1 351
Разбой	283	246	160	204	165	138	152
Кража	9292	10 032	11 557	15 132	10 400	14 473	20 422
Мошенничество	4095	3734	4362	7247	6871	8924	8626

¹ С 1 января 2019 г. вступил в силу УК КР и Кодекс КР о проступках в редакции от 24 января 2017 г.

² С 1 декабря 2021 г. вступил в силу УК КР от 28 октября 2021 г. № 127, Кодекс КР о проступках — упряднен.

С 2016 по 2019 г. наблюдалась устойчивая тенденция роста числа данных преступлений (62 %).

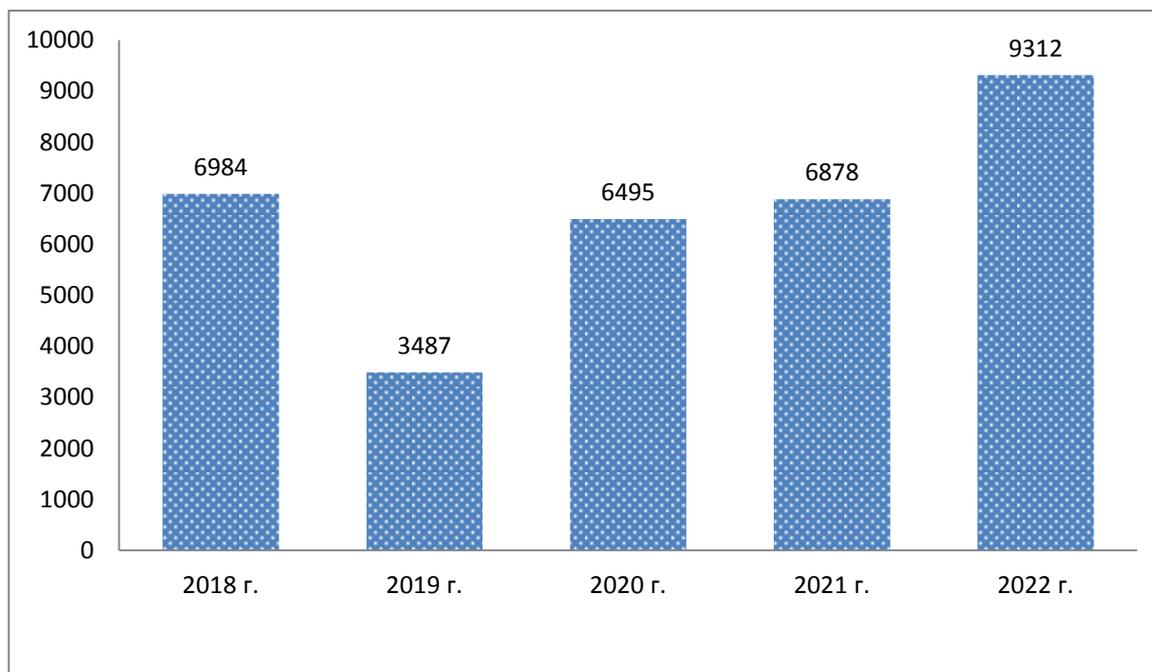
Однако в 2020 г. в сравнении с 2019 г. видно резкое снижение числа зарегистрированных преступлений данного вида, тенденция снижения данных преступлений составила 68 %.

Такое снижение объясняется антиковидными мероприятиями, которые проводились в Киргизской Республике, а также введением

в действие нового для того времени уголовно-правового законодательства 2017 г.

В дальнейшем положение резко изменилось, что выразилось в значительном росте числа краж. Так, в сравнении с 2020-м в 2022 г. прирост составил 96 % [3].

На общем фоне краж особый исследовательский интерес представляют карманные кражи. Изменение числа карманных краж за период с 2018 по 2022 г. представлено в диаграмме 1.

*Диаграмма 1. Количество карманных краж,
выявленных за период с 2018 по 2022 г. в Киргизской Республике*

Как видно из диаграммы 1, в 2019 г. в сравнении с 2018 г. наблюдается снижение выявленных карманных краж (на 50,1 %), что можно объяснить введением в 2019 г. нового уголовного законодательства и переходным периодом системы регистрации преступлений и проступков (ЕРПП). Однако уже с 2020 по 2022 г. наблюдается ежегодный прирост числа карманных краж. Такой прирост можно объяснить тем, что с введением в 2019 г. в действие УК КР 2017 г., а в последующем и современного УК КР, такой особо квалифицирующий признак состава преступления, как «кража из одежды или ручной клади, находившихся при потерпевшем (карманная кража)», был упразднен. Это привело к тому, что совершение такого деяния стало квалифицироваться по основному составу (ч. 1 ст. 205 УК КР), санкция которого не предусматривает наказание в виде лишения свободы. Сложившаяся ситуация привела к снижению эффективности уголовно-правового предупреждения карманных краж. Карманники почувствовали свою безнаказанность.

На сегодняшний день в Кыргызской Республике, преимущественно в г. Бишкеке, сложилась негативная практика, позволяющая за год одному вору-карманнику быть задерживаемым и привлекаемым к уголовной ответственности до десяти раз. Так, например, только за один год (за 2021 г.), гражданка Т.М.Т. была задержана 9 раз, гражданка К.М.А. — 5 раз, гражданин Р.А.Т. — 5 раз, гражданин Ш.Э.Ч. — 3 раза. И этот список не является полным. Если же просмотреть выявленную тенденцию на протяжении не одного года, а нескольких лет, то продемонстрированные числа будут гораздо выше [3].

В этой связи считаем обоснованным проект Закона Кыргызской Республики «О внесении изменений в Уголовный кодекс Кыргызской Республики», предложенный ГУУР МВД КР, в котором, в частности, предлагается ч. 3 ст. 205 дополнить п. 7 следующего содержания: «7) из одежды или ручной клади, находившихся при потерпевшем (карманная кража), — ...».

Анализ правоприменительной практики в сфере противодействия карманным кражам

позволяет констатировать наличие ряда условий, способствующих росту карманных краж.

Во-первых, гуманизация уголовно-правового законодательства Кыргызской Республики, из которого были исключены: институт рецидива, повторности совершения преступлений, что, как правило, влекло за собой усиление мер уголовной ответственности при вынесении приговора суда; смягчение наказания за совершение действий, предусмотренных ст. 205 УК Кыргызской Республики; включение понятия «незначительный ущерб» при совершении кражи в основной состав преступления, санкция которого не предусматривает наказание в виде лишения свободы.

Во-вторых, судебная практика при рассмотрении данной категории уголовных дел складывается под влиянием необходимости применения к лицам, совершившим карманные кражи, наказания, не связанного с лишением свободы.

В-третьих, по этой же причине к указанной категории преступников при досудебном производстве по уголовному делу применяются меры пресечения, не связанные с изоляцией их от общества. Вследствие чего подавляющее число воров-карманников находятся на свободе и совершают новые преступления.

Указанные обстоятельства привели к активизации деятельности карманных воров, воспроизведению криминологического рецидива данных преступлений, снижению эффективности уголовно-правового предупреждения краж.

В связи с вышеизложенным представляется возможным осуществить совершенствование уголовного законодательства об ответственности за данное преступление по следующим направлениям:

- ввести такой квалифицирующий признак, как кража, совершенная из одежды или ручной клади, находившихся при потерпевшем (карманная кража);
- ввести самостоятельный состав преступления — «карманная кража»;
- в основном составе кражи в качестве альтернативного наказания предусмотреть наказание в виде лишения свободы.

Литература

1. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики: форма: 5.06.00.01 Число зарегистрированных преступлений. URL: <https://www.stat.kg/ru/statistics/prestupnost/> (дата обращения: 05.02.2024).
2. Осмоналиев К. М., Супатаева Ж. Э. Комментарий к Уголовному кодексу Кыргызской Республики. Т. 2. Особенная часть / под ред. К. М. Осмоналиева. Бишкек, 2023. 650 с.

3. Справка ГУУР МВД КР: Информация по неоднократно задержанным «карманникам» // Кафедра ОРД Академии МВД КР. Д. № 20.1–15.

4. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики: утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787–IQ (с изм. и доп. по состоянию на 22.12.2023) // Информационная система «Континент». URL: <https://continent-online.com> (дата обращения: 05.02.2024).

5. Уголовный кодекс Кыргызской Республики (принят Законодательным собранием Жогорку Кенешем Кыргызской Республики 18 сентября 1997 г.). Бишкек: Шам, 1997. 415 с.

6. Уголовный кодекс Кыргызской Республики (принят Жогорку Кенешем Кыргызской Республики 22 декабря 2016 г.). Бишкек: М–Махима Кыргызская Республика, 2018. 154 с.

7. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127 (введен в действие Законом Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 126). URL: <https://cbd.minjust.gov.kg> (дата обращения: 05.02.2024).

8. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985–XV (с изм. и доп. по состоянию на 24.11.2023) // Информационная система «Континент». URL: <https://continent-online.com> (дата обращения: 05.02.2024).

9. Уголовный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012–XII) (с изм. и доп. по состоянию на 21.02.2024) // Информационная система «Континент». URL: <https://continent-online.com> (дата обращения: 05.02.2024).

10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63–ФЗ // Информационная система «Континент». URL: <https://continent-online.com> (дата обращения: 05.02.2024).

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ОБЩЕПРАВОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

К. Н. Карпов,

кандидат юридических наук, доцент

Омская академия МВД России

Действующее уголовное законодательство, предусматривая различные механизмы поощрения (стимулирования) правомерного постпреступного поведения (освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания, погашение либо снятие судимости и т. д.), в то же время не предоставляет возможности освобождения лица, совершившего преступление, от так называемых общеправовых последствий, возникающих в результате совершения лицом преступления.

На сегодняшний день более 30 федеральных законов Российской Федерации устанавливают запреты на осуществление лицом, совершившим преступление, той либо иной деятельности без возможности отменить данные ограничения в индивидуальном порядке. К таковым относятся запреты на прохождение службы в органах государственной власти (МВД России [8], прокуратура, ФСИН России [9] и др.), реализацию пассивного избирательного права, усыновление, осуществление педагогической деятельности в образовательных организациях, работы

в такси либо водителем пассажирского автобуса и многое другое. Данные ограничения распространяются на осужденных не только в период судимости, но и в случае ее погашения, а также на лиц, освобожденных от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. Существование данных ограничений обосновывается необходимостью обеспечения безопасности в той либо иной сфере правоотношений и неприемлемостью допуска к определенным социально значимым видам деятельности лиц, совершивших преступление и тем самым проявивших свою антиобщественную направленность и общественную опасность.

Относительно правовой природы данных ограничений в науке уголовного права до настоящего времени не сложилось однозначного мнения [1, 3, 5]. Так, Конституционный Суд Российской Федерации рассматривает их в качестве общеправовых ограничений и признает обоснованным распространение их действия не только в отношении осужденных, но и на лиц, освобожденных от уголовной ответственности

по нереабилитирующим основаниям [10]. В то же время необходимо отметить, что ряд свойств данных ограничений (запретов) позволяют рассматривать их именно как уголовно-правовые. Во-первых, основанием их применения¹ в отношении данной категории лиц выступает исключительно факт совершения лицом преступления. Какие-либо дополнительные условия в данных случаях не требуются. Во-вторых, содержание данных ограничений непосредственно зависит от характера и степени тяжести совершенного преступления (например, в случае совершения тяжких и особо тяжких преступлений либо преступлений против половой неприкосновенности и т. д.). В-третьих, сроки данных ограничений имеют строгую привязку к срокам судимости (либо в период наличия судимости, либо в течение дополнительного срока после её снятия), а в некоторых случаях носят пожизненный характер.

Таким образом, присваивание данным правоограничениям статусов уголовно-правовых либо «общеправовых» не меняет их сути, они функционируют как дополнительное ограничение прав лица, совершившего преступление, возникающее в результате совершения лицом преступления, и предназначены для обеспечения безопасности общества и государства.

В то же время исходя из принципов гуманизма, дифференциации и индивидуализации ответственности при осуществлении правосудия и применении мер принуждения требуется персональный учет особенностей совершенного преступления и индивидуальных характеристик лица, к ним причастного [2, 4]. Сформировавшаяся в рамках отраслевых нормативных правовых актов (за рамками УК РФ) система общеправовых ограничений на сегодняшний день не содержит правовых средств их индивидуализации, изменения, продления либо сокращения, а также отмены. В связи с чем предусмотренные ограничения (несмотря на их необходимость для обеспечения безопасности) могут существенно ухудшать положение лица, совершившего преступление, и носят безальтернативный и неотменяемый характер. Регламентирующие правовое положение таких лиц нормативные акты не содержат возможности их отмены в индивидуальном порядке (исключение составляет только ст. 331 ТК РФ). Отсутствие законодательных средств, допускающих изменение либо

отмену данных правоограничений, не позволяет лицу даже оспорить это либо обратиться в суд с просьбой об изменении либо частичном исключении подобного правоограничения, затрагивающего напрямую его конституционные права. Учитывая тяжесть данных ограничений, особенно для социально уязвимых групп населения (например, для лиц, не имеющих стабильного источника заработка, достаточных возможностей в выборе сферы деятельности и т. д.), и влияние данных запретов на жизнь их семьи, детей, лиц, находящихся у них на иждивении, представляется необходимой разработка правового механизма, позволяющего индивидуализировать содержание указанных ограничений.

Одним из социально значимых направлений государственной политики на сегодняшний день выступает определение правового статуса лиц, участвовавших в специальной военной операции. Так, принимаемые в настоящее время федеральные законы и подзаконные нормативные правовые акты, направленные на установление дополнительных оснований освобождения от уголовной ответственности либо наказания [6, 7], а также ресоциализацию и социальную адаптацию лиц, принимающих участие в СВО, позволяют сбалансировать государственную политику в отношении лиц, демонстрирующих социально значимое поведение. Однако и они не предусматривают возможности дальнейшего участия данных лиц в различных видах деятельности (например, прохождение государственной службы либо занятие выборных должностей в органах государственной власти и органах местного самоуправления). В такой ситуации озвучиваются различные предложения о внесении изменений в отдельные федеральные законы, предполагающие допуск к определенным видам деятельности, например к педагогической деятельности, лиц, ранее судимых за совершение преступлений и освобожденных от наказания в связи с участием в СВО. Однако подобные изменения не позволят индивидуализировать такое ограничение (либо исключение из него), а соответственно, могут повлечь неблагоприятные последствия в части снижения защищенности той либо иной сферы правоотношений. В связи с этим представляется целесообразной разработка средств индивидуализации содержания, сроков и иных компонентов рассматриваемых правоограничений.

Кроме того, рассматриваемая группа правоограничений напрямую связана с наличием определенного уголовно-правового статуса лица, совершившего преступление, например, «лицо,

¹ Если этот термин, конечно же, приемлем, т. к. они функционируют в автоматическом порядке, без специального решения суда, определяющего их содержание и срок.

имеющее судимость», «осужденный за совершение преступления» либо «лицо, освобожденное от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям» и др. Соответственно, в рамках существующего правового механизма работодатель не вправе принять на работу либо допустить к осуществлению определенной деятельности лиц, обладающих подобными статусами. При этом данные статусы могут возникнуть в случае привлечения лица к уголовной ответственности не только внутри Российской Федерации, но и за ее пределами. Так, в случае осуждения лиц за совершение преступлений за рубежом и последующего политического решения вопроса об их экстрадиции в Российскую Федерацию данные лица оказываются также заложниками возникшего у них правового статуса осужденного. При этом даже в случае принятия в отношении них решения о помиловании Президентом РФ оно юридически не отменяет данного статуса применительно к общеправовым ограничениям, закрепленным в отраслевых нормативных правовых актах (федеральный закон Российской Федерации «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации», Трудовой кодекс Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации и т. д.). Учитывая, что данные лица зачастую осуждаются по политическим мотивам и (или) за действия, совершаемые в интересах Российской Федерации, целесообразно рассмотреть возможность определения содержания рассматриваемых общеправовых ограничений для данной категории лиц в индивидуальном порядке. Уголовное же законодательство, регламентируя применение различных оснований освобождения от наказания, а также помилования, не распространяет свое действие на вышеупомянутые нормативные правовые акты.

В то же время в связи с большим количеством отраслевых федеральных законов, предусматривающих общеправовые ограничения, регламентация возможности их отмены для лиц, совершивших преступления, в рамках каждого

из данных актов может лишь усложнить межотраслевые связи и правоприменительную практику, а соответственно, основания и условия персональной отмены данных ограничений целесообразно сконцентрировать в рамках одного нормативного правового акта — Уголовного кодекса.

В целях формирования законодательства, позволяющего обеспечить баланс и защиту конституционных прав граждан, предлагаем внести изменения в действующую редакцию Уголовного кодекса Российской Федерации и предоставить право полного либо частичного освобождения от «общеправовых последствий» совершения лицом преступления Президенту Российской Федерации при осуществлении процедуры помилования, а также суду при вынесении решения об освобождении от уголовной ответственности либо освобождении от наказания.

Данные изменения могут быть изложены в следующем виде:

1. Дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации статьей 86.1 следующего содержания:

«В исключительных случаях при принятии решения об освобождении от уголовной ответственности либо освобождении от наказания судом могут быть полностью либо частично отменены общеправовые ограничения, устанавливаемые отраслевыми федеральными законами, в отношении лиц, совершивших преступления».

2. Внести изменения в часть 2 статьи 85 Уголовного кодекса Российской Федерации (Помилование), добавив после слов «с лица, отбывшего наказание, актом помилования может быть снята судимость» следующую формулировку: «В исключительных случаях актом помилования лицу, совершившему преступление, могут быть полностью либо частично отменены общеправовые ограничения, устанавливаемые отраслевыми федеральными законами, в отношении лиц, совершивших преступления».

Литература

1. Габдрахманов Ф. В. Общеправовые последствия судимости и их классификация // Марийский юридический вестник. 2012. № 9. С. 155–171.
2. Долматов В. Е. К вопросу о понятии и признаках индивидуализации уголовной ответственности // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 10–1. С. 176–182.
3. Елинский А. В. Общеправовые последствия уголовного осуждения: конституционно допустимые пределы // Уголовное право. 2011. № 6. С. 106–113.
4. Иногамова-Хегай Л. В. Дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности и иные меры уголовно-правового характера // Общество и право. 2016. № 2. С. 98–103.
5. Нечепуренко А. А. Пределы правоограничений, устанавливаемых для лиц, совершивших преступления // Российский девиантологический журнал. 2021. № 1. С. 314–325.

6. Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 24 июня 2023 г. № 270–ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 23 марта 2024 г. № 64–ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 2011 г. № 342–ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 1 октября 2019 г. № 328–ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. По делу о проверке конституционности пункта 3 части 1 статьи 14, пункта 4 части 4 статьи 17, пункта 7 части 3 статьи 80 и статьи 92 Федерального закона «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Р. М. Пахомова [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июля 2023 г. № 38–П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ЗАДАЧИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА И УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

Е. С. Квасников

Омская академия МВД России

Задачи уголовного закона реализуются через уголовно-правовую политику, которая, в свою очередь, находит свое выражение в законотворчестве. Уголовно-правовая политика охватывает обширный спектр мер и механизмов, направленных на защиту прав и интересов человека и гражданина, собственности, общественных и иных публичных и государственных интересов, а также на предотвращение и противодействие преступлениям. Именно в таком порядке ст. 2 УК РФ определяет приоритет уголовно-правовой охраны.

Исходя из данного приоритета, личность находится на первом месте, а значит, является фундаментальным объектом уголовно-правовой охраны. Следуя данной логике, приоритет уголовно-правовой охраны должен быть направлен на защиту прав и свобод личности от преступных посягательств на жизнь, здоровье, честь и достоинство, а также на защиту от неправомерного лишения свободы, насилия и других форм противоправного вмешательства в личную сферу.

Вместе с тем, анализируя размер наказаний, предусмотренных за совершение деяний, закрепленных в УК РФ, можно сделать вывод о том, что уголовно-правовая защита частных интересов, интересов личности по сравнению с такой защитой общественных и публичных интересов необоснованно занижена.

Так, например, усредненное значение минимального и максимального размеров наказания в виде лишения свободы на определенный срок квалифицированных составов преступлений, предусмотренных разделом VII УК РФ «Преступления против личности», составляет 1 и 14; разделом VIII УК РФ «Преступления в сфере экономики» — 1,5 и 11,5; разделом IX УК РФ «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» — 0,5 и 17,5; разделом X УК РФ «Преступления против государственной власти» — 1,5 и 17,5; разделом XI УК РФ «Преступления против военной службы» — 0,5 и 10; разделом XII УК РФ «Преступления против мира и безопасности человечества» — 2,5 и 17,5.

Таким образом, исходя из анализа обобщенного размера наиболее строгого наказания, следует, что приоритет уголовно-правовой охраны отдается (в порядке значимости): 1) миру и безопасности человечества; 2) охране государственной власти; 3) охране общественной безопасности и общественного порядка; 4) охране личности; 5) охране экономики; 6) охране военной службы. То есть уголовно-правовая охрана частных интересов человека и гражданина фактически находится на четвертом месте охраняемых основных общественных отношений из шести.

Но следует ли критиковать за это законодателя? Кроме упорядоченности приоритета объектов уголовно-правовой охраны, закрепленных в ст. 2 УК РФ, и в связи с такой упорядоченностью структуры уголовного законодательства, полагаем, что нет. Для обоснования данной позиции следует охарактеризовать сущность уголовно-правовой политики.

Популярные в уголовно-правовой доктрине исследователи связывают уголовно-правовую политику с правом и политикой сильного государства. Тезисно можно говорить о том, что авторы аргументируют взаимосвязь уголовно-правовой политики со строительством сильной России, которое подразумевает: расширение сферы управления; исполнительскую дисциплину; достаточный финансово-экономический базис; внедрение и поддержку государственной идеологии; непоколебимость суверенитета на государственной и международной арене [4, с. 136–137].

И анализируя изменения и дополнения уголовного закона, с такими идеями исследователей нельзя не согласиться. Ведь фактически в целях расширения сферы государственного управления законодатель все в большей степени криминализирует общественно опасные деяния в сфере экономики и управления (речь идет о составах преступлений, предусмотренных ст. 171.1–171.5, 322.2, 322.3 УК РФ и др.); для поддержания исполнительской дисциплины введены составы, предусматривающие уголовную ответственность за нарушение установленных требований субъектами управленческой деятельности (например, ст. 185.5, 285.1–285.4, 291.1 УК РФ и др.). В целях охраны финансово-экономического базиса существуют уголовно-

правовые нормы, предусматривающие ответственность за невыполнение финансовых обязанностей (например, ст. 193, 194, 198 УК РФ и др.). Введены уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за распространение ложной информации (например, ст. 207.1, 207.2 УК РФ); защищающие идеологические принципы (например, ст. 243.4, 282.4 УК РФ) и суверенитет (например, ст. 280.1, 280.2 УК РФ и др.).

М. В. Бавсун и В. В. Векленко, исследуя явление уголовно-правовой политики, указывают, что формулирование идеологических основ уголовного законодательства является приоритетной задачей, поскольку от этого будут зависеть принятие новых и корректировка существующих уголовно-правовых норм [1, с. 137].

Либеральная же модель уголовно-правовой политики в доктрине, напротив, критикуется, поскольку не способствует строительству сильного государства, а скорее даже наоборот, вредит данному процессу [2, с. 282].

Если рассматривать вышеуказанные задачи уголовного законодательства в ретроспективе, можно также убедиться в том, что приоритет уголовно-правовой защиты был отдан публичным интересам, нежели интересам частным, интересам личности. Так, в УК РСФСР 1926 г. такой приоритет отдавался охране социалистического государства рабочих и крестьян [3], в УК РСФСР 1960 г. — охране общественного строя СССР, политической и экономической систем [5].

Вместе с тем анализ видов и размеров наказаний предшествующего уголовного законодательства показывает, что в период времени, когда публичные интересы и формально, и фактически преобладали над интересами личности, уровень ее уголовно-правовой охраны был значительно выше, чем в настоящее время, когда формально такие интересы являются фундаментальным объектом уголовно-правовой охраны.

В этой связи думается, что, несмотря на расположение задач уголовного закона в порядке, закрепленном в ст. 2 УК РФ, логика охраняемых УК РФ отношений заключается в первую очередь в приоритете защиты безопасности государства, а во вторую — защиты частных интересов.

Из этого следует тезис: чтобы личность была в безопасности, в первую очередь должна быть обеспечена безопасность государства.

Литература

1. Бавсун М. В., Векленко В. В. Идеологические основы уголовно-правового воздействия // Российский юридический журнал. 2013. № 5. С. 131–138.
2. Клейменов И. М. Либеральная уголовная политика и ее криминологические последствия // Российский криминологический журнал. 2009. № 2. С. 280–284.

3. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) [Электронный ресурс]: постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Уголовная политика и уголовное право сильного государства // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 2. С. 131–144.

5. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ХАЛАТНОСТИ

Р. К. Кирьянов

*Межмуниципальный отдел МВД России
на особо важных и режимных объектах Новосибирской области*

Действующее уголовное законодательство предусматривает в качестве одной из разновидностей должностных преступлений халатность, ответственность за совершение которой закреплена в ст. 293 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

В качестве объекта преступного посяательства выступает нормальная деятельность различных публичных аппаратов, таких как: государственные и муниципальные учреждения, органы государственной власти, различные государственные корпорации, органы Вооруженных Сил Российской Федерации, осуществляющие управленческие функции, а также различные войска и их формирования.

Объективная сторона халатности выражается в виде ненадлежащего исполнения (или вовсе неисполнения) обязанностей должностного лица, на которое они возложены в силу занимаемой им должности, а также обязательно включает в себя наступление общественно опасных последствий в виде причинения крупного ущерба или же существенного нарушения прав, свобод и интересов граждан, организаций, а также общества и государства. При этом при квалификации преступления по ст. 293 УК РФ обязательным является установление причинно-следственной связи между совершенным деянием и наступившими общественно опасными последствиями.

Отметим, что преступление, предусмотренное ст. 293 УК РФ, может быть совершено не только в форме бездействия, но также в форме действия. Как указывает Р. Н. Боровских, «халатность в форме бездействия — наиболее распространенная форма, при которой должностное лицо не совершает действия, которые вхо-

дят в круг его служебных полномочий и которые он обязан исполнить в соответствии с нормативным правовым предписанием» [1, с. 89].

В свою очередь, П. С. Яни подчеркивает, что «халатность в форме действия имеет место в том случае, когда виновный исполняет обязанности ненадлежащим образом, т. е. несвоевременно, в неполном объеме, неточно, проявляя при этом недобросовестность и нерадивость» [3, с. 87–89].

Поскольку халатность относится к должностным преступлениям, следовательно, конструкция состава преступления предполагает наличие специального субъекта, являющегося должностным лицом.

При квалификации действий виновного по ст. 293 УК РФ определяющее значение имеет установление объема и особенности неисполненных или исполненных ненадлежащим образом должностных обязанностей, а также наличие реальной возможности лица исполнить свои обязанности с надлежащим качеством и в надлежащей форме. Так, к примеру, согласно постановлению Уфимского районного суда Республики Башкортостан по делу № 1–198/2023 от 20 сентября 2023 г. С. обвинялся в халатности, т. е. ненадлежащем исполнении должностным лицом своих обязанностей вследствие небрежного отношения к службе и обязанностей по должности, повлекшего по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека. При этом в ходе судебного разбирательства было установлено, что С. имел возможность исполнить свои должностные обязанности надлежащим образом и предотвратить наступление общественно опасных последствий [3].

Халатность как должностное преступление характеризуется неосторожной формой вины, которая может быть в виде легкомыслия или небрежности.

В процессе правоприменения наибольшие сложности возникают при отграничении халатности (ст. 293 УК РФ) от злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), которые обусловлены тем, что, во-первых, оба состава имеют схожий объект преступления; во-вторых, предполагают недобросовестное исполнение служебных обязанностей или их неисполнение вовсе; в-третьих, могут влечь последствия в виде существенного нарушения прав, свобод и интересов граждан, организаций, а также общества и государства.

Однако отграничить названные преступления все же возможно по объективной и субъективной сторонам преступления. В частности, при совершении халатности наступление обще-

ственно опасных последствий для прав, свобод, интересов граждан, организаций, общества, государства зачастую имеет альтернативный характер, т.е. такие последствия могут и не наступить вовсе (в подобном случае должен быть причинен крупный ущерб), в то время как, согласно ст. 285 УК РФ, эти последствия являются обязательными.

Кроме того, определяющее значение имеет форма вины. Преступление, предусмотренное ст. 285 УК РФ, совершается умышленно, из корыстной или иной личной заинтересованности. Халатность — неосторожное преступление.

Подводя итог, необходимо отметить, что квалификация любого преступления, в т.ч. халатности (ст. 293 УК РФ), предполагает точное и правильное установление всех признаков состава преступления, необходимых для привлечения виновных к ответственности.

Литература

1. Боровских Р. Н., Чумаков А. В. Должностные преступления: учеб. пособие для вузов. М.: Изд-во «Юрайт», 2024. 131 с.
2. Постановление Уфимского районного суда Республики Башкортостан по делу № 1–198/2023 от 20 сентября 2023 г. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 11.04.2024).
3. Яни П. С. Проблемы квалификации преступлений в сфере гособоронзаказа // Законность. 2023. № 9. С. 87–89.

О НЕОБХОДИМОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ СРОКА ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНОГО ШТРАФА

Н. В. Климович

Барнаульский юридический институт МВД России

Нормы материального процессуального права предусматривают дифференцированный подход к оценке противоправного поведения лица, совершившего преступление, в зависимости от его личности и степени общественной опасности. Следовательно, виновный может быть привлечен к уголовной ответственности либо освобожден от неё.

3 июля 2016 г. Федеральным законом Российской Федерации № 323–ФЗ [5] в ст. 76.2 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) был введен новый вид освобождения от уголовной ответственности — с назначением судебного штрафа. Такое законотворческое нововведение

указывает на то, что современное российское законодательство следует тенденциям гуманизации и восстановления справедливости, выраженным в защите прав и законных интересов граждан, назначении справедливого наказания виновному лицу и сокращении уровня преступности в нашей стране.

Изученная судебная практика показала, что указанная норма применяется достаточно активно. Несмотря на это, правоприменитель при назначении судебного штрафа сталкивается с рядом проблемных вопросов. Одним из таких пробелов является отсутствие закрепления в действующем законодательстве

предельных сроков исполнения судебного штрафа. Положения статьи 103.1 Федерального закона Российской Федерации от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [4] регламентируют исполнение судебного штрафа, назначенного в качестве меры уголовно-правового характера, однако предельные сроки его исполнения все же в данной норме не закреплены. На наш взгляд, такая позиция законодателя вполне обоснованна, т. к. судебный штраф — это не мера наказания, а мера уголовно-правового характера, поэтому не входит в предмет правового регулирования уголовно-исполнительного законодательства.

Следует отметить, что закрепления конкретного предельного срока нет как в ст. 104.4 УК РФ, так и в ст. 446.3 УПК РФ, посвященных рассматриваемой иной мере, что еще раз указывает на очевидный пробел.

Изучение судебных решений также показало неоднородный характер формулировок предельных сроков, в которые виновное лицо должно внести платеж. Так, например: «в течение 50 дней с момента вступления постановления в законную силу» [7], «в срок до <конкретная дата>» [8], «в течение десяти дней» [9], «в течение 60 календарных дней» [10] и др. Таким образом, сложно выявить какую-либо закономерность в решениях суда относительно назначения срока исполнения судебного штрафа.

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу, что правоприменитель трактует данную норму по своему усмотрению, что может привести к нарушению прав потерпевшей стороны.

Согласно разъяснениям постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» [6], неуплата лицом судебного штрафа в срок может рассматриваться как уклонение и впоследствии привести к отмене

данной меры уголовно-правового характера и привлечению виновного лица к уголовной ответственности.

В юридической литературе различные аспекты освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, с первого дня его появления в отечественном законодательстве, привлекают внимание отдельных представителей научного сообщества. В настоящее время не прекращаются споры среди ученых [1, с. 123; 11, с. 410; 12, с. 105] относительно сроков исполнения назначенного судебного штрафа. Так, одни исследователи полагают, что срок уплаты судебного штрафа следует ограничить сроком давности привлечения к уголовной ответственности [2, с. 60]. Другие авторы, напротив, считают, что такие сроки уже начинают исчисляться с момента совершения преступления, поэтому уплата судебного штрафа должна быть в значительно меньшие промежутки времени [3, с. 125–134].

Безусловно, данные точки зрения имеют право на существование, но видится, что с целью урегулирования рассматриваемого проблемного вопроса целесообразно внести конкретную формулировку в законодательство. Представляется, что сроки исполнения судебного штрафа как меры уголовно-правового характера следует рассматривать по аналогии со штрафом — наказанием.

Поэтому, по нашему мнению, возникла необходимость дополнить ч. 2 ст. 104.4 УК РФ положением следующего содержания: «Судам в постановлении о назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа указывать срок исполнения — в течение 60 суток и исчислять его со дня вступления постановления в законную силу».

Учитывая, что рассматриваемая мера уголовно-правового характера широко применяется в практической деятельности, считаем, что предложенная нами формулировка разрешит ряд проблемных вопросов на практике.

Литература

1. Анощенкова С. В. Назначение судебного штрафа: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 114–125.
2. Дудченко М. Ю. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: возможные проблемы на практике // Уголовный процесс. 2016. № 10. С. 59–63.
3. Молчанов Д. М., Куликов А. С. Судебный штраф в УК РФ и уголовно-правовая компенсация в УК Республики Беларусь: сравнительный анализ // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 12 (85). С. 125–134.
4. Об исполнительном производстве [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 25.12.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 03.07.2016 № 323–ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Постановление № 1–197/2023 от 24 октября 2023 г. по делу № 1–197/2023. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 20.01.2024).

8. Постановление № 1–830/2023 от 25 октября 2023 г. по делу № 1–830/2023. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 20.01.2024).

9. Постановление № 1–109/2023 от 26 октября 2023 г. по делу № 1–109/2023. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 20.01.2024).

10. Постановление № 1–254/2023 от 24 октября 2023 г. по делу № 1–254/2023. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 20.01.2024).

11. Соколова О. В., Столяров Д. А. Неуплата судебного штрафа лицом, освобожденным от уголовной ответственности: проблемные вопросы теории и практики // V Междунар. пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление». Рязань, 2021. С. 409–413.

12. Черненко Т. Г. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Вестник Кузбасского института. 2018. № 2 (35). С. 100–106.

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В ОБЛАСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СПОРТА

И. А. Крупник

Санкт-Петербургский университет МВД России

В настоящее время возникает острая необходимость в усилении мер, направленных на противодействие преступлениям в сфере допинга в Российской Федерации. Одним из основных аспектов профилактики и борьбы с преступлениями в этой сфере должны стать уголовно-правовые средства. Учёные подтверждают актуальность усиления мер противодействия допинговым преступлениям в РФ.

Многие ученые занимались исследованием улучшения действующего уголовного законодательства в отношении ответственности за «допинговые преступления». Например, И. В. Ботвин исследует вопросы регулирования уголовной ответственности за склонение спортсменов к использованию допинга [1, с. 101–102]. А. Р. Кутуев разрабатывает модели развития уголовного законодательства в данной области и предлагает рассматривать как уголовно нака-

зуемые такие действия, как организация, применение и распространение допинга.

Предложенное представление о необходимости изменения уголовно-правовых норм, касающихся преступлений, связанных с нарушением антидопинговых правил, кажется разумным и обоснованным. Вопросы, касающиеся введения уголовной ответственности за действия, вредящие отношениям в области спорта, должны рассматриваться в контексте улучшения уголовной политики и не могут ограничиваться только «допинговыми нарушениями».

Деяния, связанные с организацией применения и распространения допинга, также должны быть признаны уголовно наказуемыми. Такие меры помогут более эффективно бороться с коррупцией и нарушениями в спортивной среде, укрепляя принципы честной игры и справедливости. Развитие уголовного законодательства в этой области может способствовать улучше-

нию общественной морали и этики в спорте, а также обеспечить защиту интересов спортсменов, чьи права и здоровье подвергаются угрозе в результате допинговых нарушений.

Необходимо также учитывать и другие аспекты, такие как фальсификация результатов соревнований, коррупция в спорте, угрозы и давление на спортсменов для использования допинга. Развитие уголовного законодательства в этой области требует комплексного подхода и учета всех возможных видов преступлений, которые могут угрожать честности и этике спорта. Только таким образом можно обеспечить эффективную защиту спортивной общественности от недобросовестных действий и поддержать ценность справедливости и честной игры в спорте.

Именно поэтому мы предлагаем выделить особую группу правонарушений, которые негативно влияют на проведение спортивных мероприятий разного уровня. Эта группа правонарушений состоит из трёх основных категорий:

1. Нарушения закона, связанные с организацией и проведением спортивных мероприятий, такие как коррупционные преступления в спорте.

2. Преступления, связанные с поведением зрителей во время спортивных соревнований, например хулиганство.

3. Нарушения закона, связанные с соблюдением принципов честной конкуренции, например нарушения в области допинга.

Эти категории правонарушений требуют особого внимания и контроля со стороны соответствующих органов.

Мы выявили несколько проблем в уголовном праве, которые требуют особого внимания. С точки зрения эволюции законодательства важно рассмотреть возможность криминализации действий, которые в настоящее время не попадают под действие Уголовного кодекса Российской Федерации:

1) правонарушения, посягающие на правила организации проведения спортивных мероприятий (коррупционные правонарушения в сфере спорта) в контексте лиц, ответственных за организацию и проведение спортивных мероприятий (спортивных чиновников).

Уголовная ответственность за подобного рода нарушения необходима, потому что:

а) будет способствовать унификации вектора развития уголовной политики противодействия деяниям, направленным на отношения в сфере спорта;

б) степень их общественной опасности достаточна для признания таких деяний преступлениями. Они наносят вред экономическим отношениям, в т. ч. провоцируя убытки для госу-

дарств и организаторов спортивного мероприятия (в результате, например, коррупционных действий они могут измеряться сотнями миллионов долларов);

в) наличие специального субъекта преступления, признаки которого не всегда охватываются признаками должностного лица как субъекта общих норм об ответственности за должностные преступления, позволяет некоторым противоправным деяниям оставаться вне рамок правового поля. Представляется, что в целом данную группу субъектов можно обозначить следующим образом: «лица, выполняющие организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции в связи с организацией и проведением профессионального спортивного мероприятия»;

2) правонарушения, связанные с противоправным поведением зрителей во время проведения публичных спортивных мероприятий.

В международных правовых актах особое внимание уделяется вопросам противодействия противоправному поведению зрителей во время спортивных мероприятий. Для России этот вопрос особенно актуален, т. к. случаи причинения вреда имуществу и здоровью других людей во время профессиональных спортивных мероприятий встречаются довольно часто.

В этом контексте в пользу положительного решения вопроса об установлении специальной уголовной ответственности за преступления, связанные с противоправным поведением зрителей во время публичных спортивных мероприятий, можно привести следующие аргументы:

а) данные деяния в настоящий момент имеют большую степень общественной опасности, поскольку наносят значительный ущерб как экономическим интересам субъектов проведения профессиональных спортивных мероприятий, так и физический вред зрителям. При этом подобное поведение зрителей во время проведения спортивных мероприятий также наносит существенный репутационный ущерб для организаторов профессиональных спортивных мероприятий;

б) хулиганские действия, повлекшие причинение ущерба имуществу, здоровью зрителей, могут привести к срыву профессионального спортивного мероприятия и являются специфическими посягательствами, в полной мере вписывающимися в структуру посягательств на общественные отношения в сфере профессионального спорта.

Указанные аргументы свидетельствуют о необходимости закрепления специальной уголовно-правовой нормы об ответственности за

хулиганское поведение, связанное с уничтожением или повреждением имущества, причинением вреда здоровью иных лиц во время проведения профессионального спортивного мероприятия;

3) правонарушения, связанные с соблюдением установленных правил честной конкуренции во время проведения спортивных мероприятий (допинговые правонарушения), в контексте расширения ответственности за использование допинга спортсменом.

Резюмируем следующее:

Преступления в спорте — это действия, направленные на получение выгоды через злоупотребление служебным положением, взяточничество или иное незаконное использование своего статуса в сфере спорта. Криминализации в рамках действующего российского уголовного

законодательства подлежат следующие деяния, посягающие на отношения в сфере спорта: а) дача и получение подкупа лицами, выполняющими организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции в связи с организацией и проведением профессионального спортивного мероприятия; б) хулиганское поведение зрителей и иных присутствующих лиц во время проведения профессионального спортивного мероприятия. Полагаем, что предложенная модель уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере профессионального спорта обсуждаема и в данном варианте представляет авторский проект, способный в дальнейшем выступить в качестве основы самого подхода к законодательной позиции по исследуемой проблематике.

Литература

1. Ботвин И. В. Вопросы регламентации уголовной ответственности за склонение спортсмена к использованию допинга // Противодействие преступности в сфере профессионального спорта: тез. докл. и сообщений Междунар. науч.-практ. конференции (Омск, 14–15 марта 2019 г.). Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. С. 101–104.

2. Кутуев А. Р. Уголовная ответственность за склонение, распространение и применение субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте (уголовно-правовое и сравнительно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

КОНСТРУИРОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ СОСТАВОВ ХИЩЕНИЯ

М. В. Кукасов

Барнаульский юридический институт МВД России

В эпоху постоянного развития правовой системы и динамичного изменения общественных отношений уголовное право постоянно адаптируется к новым вызовам, принимая на вооружение дифференцированный подход к установлению уголовной ответственности. Особое внимание уделяется хищениям — одному из наиболее распространенных видов преступлений. Современная законодательная база Российской Федерации предусматривает широкий спектр норм, направленных на борьбу с данным видом преступлений, обеспечивая тем самым защиту собственности граждан и юридических лиц.

В современном уголовном законе хищения дифференцируются в зависимости от обстоятельств, связанных с различными признаками состава преступления, в числе которых способ

(ст. 158–162 УК РФ), предмет (ст. 164, 221, 226, 229 УК РФ) и обстановка преступления (ст. 227, 356¹ УК РФ). При этом общий родовой состав хищения содержится в примечании 1 к ст. 158 УК РФ. Исходя из формулировки указанной нормы, следует вывод о том, что законодатель устанавливает дефиницию хищения, которая распространяется на все статьи УК РФ, где деяние юридически оформлено таким образом.

В этой части следует отметить, что в составах преступлений, предусмотренных ст. 158–161, 164, 221, 226 и 229 УК РФ, деяние определено как хищение. Однако в ст. 162 и 227 УК РФ термин «хищение» применяется для обозначения цели, в свою очередь, действие определено как «нападение». Указанная ситуация создает дуализм в понимании природы разбоя, исхо-

да из чего некоторые ученые настаивают на позиции о том, что данное преступление не является формой хищения [3].

Полагаем, разбой обладает всеми признаками хищения. Так, при совершении этого преступления нарушаются отношения собственности, предметом выступает чужое имущество, объективная сторона заключается в противоправном изъятии чужого имущества (по крайней мере, из 100 проанализированных фактов только в двух случаях не произошло завладение имуществом). Следовательно, объективных причин, по которым правовая природа разбоя отличалась бы от иных преступлений, нет. Отсюда принципиально важным видится вывод, что все формы хищения и даже разбой, конструкция которого отличается от составов, предусмотренных ст. 158–161 УК РФ, выступают специальными составами по отношению к родовому понятию хищения. Законодателю следовало бы все формы хищения сконструировать единообразно и закрепить, что деяние в данных составах — это хищение.

Особые конструкции содержатся в ст. 164, 221, 226, 229, 356¹ УК РФ, в которых объединяются различные формы хищения. Вследствие решения законодателя установить «усеченную» дефиницию разбоя, конструкция основного и специальных перечисленных составов стала различаться, что вносит дискуссионные аспекты при анализе указанных преступлений, и, кроме того, такой подход существенно противоречит пониманию специальных составов преступлений.

Основной состав разбоя изложен в качестве «нападения с целью хищения» (ч. 1 ст. 162 УК РФ), в свою очередь, специальные составы разбоя сконструированы по-разному. Так, в п. «б» ч. 3 ст. 221, п. «б» ч. 4 ст. 226, п. «в» ч. 3 ст. 229 УК РФ конструкция изложена как «хищение с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия», в ч. 1 ст. 227 УК РФ аналогичное деяние описывается как «нападение с целью хищения». В свою очередь, в ч. 1 ст. 164 УК РФ законодатель объединяет все формы в один состав преступления, где определяет деяние как «хищение... независимо от способа хищения», в связи с чем возникают вопросы о критериях отнесения преступлений к формам и способам хищений. Иная проблема содержится в относительно нововведенном составе мародерства (ст. 356¹ УК РФ). Так, исходя из сравнительного анализа диспозиции ч. 1 ст. 356¹ УК РФ и примечания 1 к ст. 158 УК РФ следует сделать вывод о том, что мародерство — это вид хищения

с уточненной обстановкой в виде военного времени, вооруженного конфликта, ведения боевых действий. Уточнение законодателя о том, что данное хищение должно быть «не связано с вынужденной необходимостью», а также «имущество может находиться при убитых или раненых», представляется дискуссионным. Хищение, совершенное из-за крайней необходимости, не является преступлением, согласно ст. 39 УК РФ. В случае если пределы «вынужденной необходимости» отличаются от «крайней необходимости», то данный аспект необходимо изложить в уголовном законе. Помимо этого, имущество, находящееся при убитых, а тем более раненых, также является предметом хищения [1], исходя из чего непонятно, для чего законодатель дополнил, что данные обстоятельства также охватываются составом мародерства, если указанный факт априори предусмотрен законом.

Исходя из анализа судебной практики и теоретических исследований, следует вывод о том, что во всех рассмотренных конструкциях предусмотрены специальные составы разбоя, несмотря на то, что деяния юридически оформлены как хищения либо иными терминами. Из чего следует вывод, что законодатель, описывая специальные виды разбоя с помощью термина «хищение», относит указанное преступление к одной из форм хищений наряду с остальными.

При подведении итогов анализа действующего уголовно-правового регулирования хищений следует отметить, что разнообразие в формулировках основного и специальных составов разбоя по российскому законодательству порождает правовую неопределенность. Особенность заключается в том, что специальные составы разбоя юридически интерпретируются как «хищение», в то время как основной состав характеризуется как «нападение с целью хищения». Это различие существенно влияет на применение уголовного закона и, следовательно, требует корректировки норм для устранения данной неоднозначности.

В этом контексте представляется целесообразным пересмотреть конструкцию разбоя, приводя её в соответствие с общепризнанными признаками хищения. Для достижения системности и унификации уголовных норм необходимо стандартизировать конструкции хищений, ориентируясь на формулировки, закрепленные в примечании 1 к ст. 158 УК РФ. Такой подход поддерживает О. В. Ермакова, утверждая, что все деяния, подпадающие под категорию «хищение», должны соответствовать общим критериям этого преступления [2].

В свете предложений по улучшению законодательной базы предлагается переформулировать ч. 1 ст. 162 и ч. 1 ст. 227 УК РФ следующим образом: «хищение, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья лиц, либо с угрозой такого насилия». Кроме того, представляется обоснованным редактировать определение мародерства в ст. 356¹ УК РФ, которое должно звучать как: «мародерство, то

есть хищение, совершенное в период военного положения, во время военных действий или в условиях вооруженного конфликта».

Такие изменения позволят не только устранить существующие противоречия в трактовках различных видов хищений, но и значительно повысить эффективность применения уголовного закона, обеспечивая более четкую и предсказуемую юридическую среду.

Литература

1. Бердникова О. П., Ржанникова С. С., Пермяков А. Л. Хищение имущества умерших: уголовно-правовой и криминалистический аспекты // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 4 (91). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hischenie-imuschestva-umershih-ugolovno-pravovoy-i-kriminalisticheskiy-aspektu> (дата обращения: 05.04.2024).
2. Ермакова О. В. Особенности законодательной конструкции состава хищения предметов, имеющих особую ценность // Союз криминалистов и криминологов. 2014. № 4. С. 270–272. DOI: 10.7256/2310–8681.2014.4.15807. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=15807 (дата обращения: 05.04.2024).
3. Лопашенко Н. А. Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование. М., 2005.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА ПО СУБЪЕКТИВНЫМ ПРИЗНАКАМ (ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ)

Д. О. Куричков

Сибирский юридический институт МВД России

Актуальность названной темы обусловлена общественной опасностью такого вида посягательства на отношения собственности, как мошенничество. Оно проникает в различные сферы жизни общества, модифицируется, по-прежнему сложно выявляется и доказывается правоохранительными органами [9]. Колоссальный ущерб от совокупного объема совершаемых мошенничеств измеряется миллиардами, а возмещается не весьма успешно. В этом контексте уголовно-правовая политика по противодействию преступлениям против собственности, включая мошенничества, с одной стороны, должна получить наступательное и, что более важно, безошибочное развитие, а с другой — решить проблемы законодательства, которые критикуются как в научном сообществе, так и на практике [12, с. 318; 10, с. 310]. Судебно-следственная практика призвана уравновесить положение вещей путем отправления уголовно-

го правосудия, но эффективность правоприменительной деятельности во многом зависит от правильного понимания, толкования и собственно применения уголовно-правовых и иных норм.

Де-юре мошенничество определено в уголовном законе как сложное преступление, представленное двумя альтернативными общественно опасными деяниями — «хищение» или «приобретение», а также двумя способами, с расширенным, по сравнению с другими формами хищения, предметом (помимо чужого имущества, виновный может приобрести право на чужое имущество).

Де-факто мошенничество признано в науке уголовного права формой хищения, определение которого дано законодателем в примечании 1 к ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), вычленение одного из безальтернативных признаков, исходя из

буквального толкования нормы закона, означает отсутствие состава хищения. Хищение, по сути представляющее собой изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного либо других лиц, является противоправным и безвозмездным и совершается с корыстной целью, хотя нами ранее отмечалось, что данный признак требует пересмотра и корректировки на категорию мотива (побуждений) [1, с. 203–204]. Означает ли это фактическое обстоятельство, что мы вправе утверждать о необязательности корыстной цели в мошенничестве, связанном с приобретением виновным права на чужое имущество, и, как следствие, выделять отдельный вид мошенничества, не являющегося хищением?

Согласно кассационному определению Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20.02.2024, действия Ф. (Р.) правильно квалифицированы судом первой и второй инстанции как покушение на мошенничество, т. е. хищение чужого имущества и приобретение права на чужое имущество путем обмана, совершенное группой лиц по предварительному сговору, в особо крупном размере. Из текста определения следует, что целью всех заключенных сделок являлось намерение лишить граждан их единственного жилого помещения. Кроме того, заключение о недобросовестности кредиторов основано на исследованных судом доказательствах, в частности, отсутствия возможности у потерпевших внести изменения в заранее установленные договором со стороны кредитора обязанности, а также заниженной стоимости закладываемого имущества и осведомленности осужденных о неплатежеспособности лиц, обращавшихся за предоставлением займа. Более того, судом отмечено, что погашение частично осужденной в составе группы имевшейся кредиторской задолженности правомерно расценено судом как способ совершения преступления и не свидетельствует об отсутствии корыстной цели совершения преступления [6]. Несмотря на инкриминирование обоих деяний, входящих в объективную сторону мошенничества (хищение и приобретение), соисполнителям, суд установил наличие корыстной цели в действиях виновных лиц.

Кроме того, из приговора суда от 23.10.2023 следует, что ФИО1 был осужден за совершение мошенничества, т. е. приобретения права на чужое имущество, совершенного группой лиц по предварительному сговору, в особо крупном размере, при этом виновный, по мнению суда, действовал исходя из своих корыстных побуждений [11].

Не стало исключением и решение, изложенное в приговоре Сергиево-Посадского городского суда Московской области от 18.10.2023, согласно которому виновный осужден за совершение преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ, также путем приобретения ФИО2, действовавшего из корыстных побуждений, права на чужое имущество, и во многих других судебных актах по уголовным делам [11].

Обзор судебной практики по уголовным делам о мошенничестве, совершенном именно путем приобретения прав на чужое имущество, показывает, что суды, во-первых, интерпретируют признак хищения «корыстная цель» как корыстные побуждения (что считаем наиболее правильным) и, во-вторых, усматривают их среди прочих в такой специфичной форме мошенничества, которая не связана с изъятием и (или) обращением чужого имущества виновным.

Такое толкование и применение уголовного закона видится правильным, но одновременно с этим вряд ли можно считать законодательное определение хищения универсальным и содержащим в себе необходимые и обязательные признаки всех без исключения форм. Данный довод подкрепляется позицией Верховного Суда Российской Федерации, содержащейся в п. 22 постановления Пленума от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», согласно которой, разграничивая преступления, предусмотренные ст. 159 и 165 УК РФ, в последнем случае должны отсутствовать в своей совокупности или отдельно такие обязательные признаки мошенничества, которые изложены в понятии хищения, включая корыстную цель [9]. Законодатель, закрепив в диспозиции уголовно-правовой нормы, предусмотренной ч. 1 ст. 159 УК РФ, деяние, связанное с приобретением права на чужое имущество, как и в ч. 1 ст. 163 УК РФ, стремился расширить предмет преступления и обеспечить охраной максимально широкий спектр общественных отношений. Здесь мы полностью солидарны с О. В. Ермаковой в её позиции по законодательному акцентированию внимания на предмете мошенничества, который дополнен имущественными правами [4, с. 14–17].

Можно сделать умозаключение о том, что, поскольку путем приобретения права на имущество виновный причиняет ущерб потерпевшему, лишая его возможности удовлетворять потребности собственника или иного законного владельца, использовать прежде всего ценные бумаги, криптовалюту, недвижимое имущество в целях проживания, заработка, производства,

предпринимательской деятельности, отчуждения и других манипуляций, то он исходит не из каких-либо личных, а именно из корыстных мотивов.

Думается, изменение в законе термина «хищение» не просто целесообразно, а предопределено и продиктовано современными вызовами и угрозами, возникающими в сфере имущественных преступлений. И в этом абсолютно оправданное мнение высказал С. М. Кочои, констатировавший, что «приобретение права на чужое имущество хищением так и не стало. Об этом свидетельствует союз “или” в диспозиции ч. 1 ст. 159 УК РФ» [6, с. 176].

Ещё одной не менее важной особенностью состава мошенничества является учет момента возникновения умысла осужденного при совершении мошеннических действий и направленность умысла. В судебной практике встречаются случаи выявления ошибок, допущенных на досудебной стадии производства, что свидетельствует о наличии затруднений установления правоприменителями признаков субъективной стороны.

Так, в одном из судебных решений отмечено, что при описании преступного деяния не указано, в чем конкретно у ФИО1 выразились преступный умысел и корыстная заинтересованность; не раскрыта субъективная сторона мошенничества, а именно: в какой период у ФИО1 якобы возник умысел на хищение денежных средств и в чем заключается его корыстная цель [2].

А согласно определению Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 12.01.2023,

которым нижестоящие судебные акты отменены, было указано, что правильное установление вида умысла, его направленности и момента возникновения имеет значение для решения вопросов квалификации, в т. ч. отграничения мошенничества от неисполнения договорных обязательств, вменения соучастия [7].

Вместе с тем есть и позитивные примеры, когда суды провозглашают, что умысел и его направленность определены верно. Например, оформление Н.И.А. права собственности на несуществующий дом свидетельствует о том, что Н.И.А. достоверно было известно о том, что оформить право собственности на земельный участок № 36 без жилого дома было невозможно, что свидетельствует о ее умышленных противоправных действиях, направленных на совершение мошенничества [3]. Момент возникновения и направленность умысла виновного на совершение мошенничества могут быть установлены при наличии таких обстоятельств: повторность деяний, большое количество потерпевших и отсутствие объективной возможности исполнения принятых обязательств.

Итак, от того, насколько точно по делу будут установлены признаки субъективной стороны состава мошенничества, разумеется, наряду с объективными признаками, зависит правильность квалификации и соблюдение принципов уголовного законодательства, а также дифференциация и реализация уголовной ответственности, разграничение мошенничества с экономическими составами.

Литература

1. Агафонов А. В., Куричков Д. О. Обязательные признаки субъективной стороны преступлений против собственности как основа их дальнейшей классификации и идентификации // Юридическая наука. 2024. № 3.
2. Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 15.07.2021 по делу № 22–3287/2021 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Апелляционное определение Липецкого областного суда от 29.10.2020 по делу № 22–1291/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Ермакова О. В. Отдельные вопросы квалификации мошенничества в форме приобретения права на чужое имущество // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. № 1 (4).
5. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20.02.2024 по делу № 77–309/2024 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Кочои С. М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М.: Юристь, 2000. 288 с.
7. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 12.01.2023 № 77–5/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Россиян предупредили о новых способах мошенничества в 2024 году. URL: <https://rg.ru/2024/04/20/rossiian-predupredili-o-novyh-shemah-moshennichestva-v-2024-godu.html?ysclid=lvb5gazjxv427051070> (дата обращения: 14.04.2024).

10. Степанов М. В. Оценка эффективности отдельных направлений уголовно-правовой политики противодействия преступлениям против собственности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65).

11. Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 14.04.2024).

12. Шаутаева Р. Х., Петрянина О. А. Современные направления уголовной политики в области противодействия мошенничеству: общекритический анализ // Вестник Удмуртского университета. 2021. Т. 31, вып. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-napravleniya-ugolovnoy-politiki-v-oblasti-protivodeystviya-moshennichestvu-obschekriticheskiy-analiz/viewer> (дата обращения: 14.04.2024).

НЕКОТОРЫЕ СПОСОБЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОСТАВНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ

В. В. Медведева

Барнаульский юридический институт МВД России

Соблюдение принципов уголовного права — это механизм обеспечения прав и свобод человека. Процесс создания новой уголовно-правовой нормы должен выражаться именно в реализации принципов законности, равенства граждан перед законом, виновности, справедливости, гуманизма и неотвратимости мер уголовно-правового воздействия. Сложно переоценить необходимость соблюдения правил законодательной техники (в широком ее понимании), выполнение требований социальной и криминологической обусловленности, системности, научной и теоретической обоснованности при внесении изменений в уголовный закон и конструировании признаков состава преступления.

Конструирование составной нормы — задача еще более сложная и любопытная, потому что структура составного преступления уникальная и нетривиальная. В связи с этим вопросов к способам создания такой нормы как в научной доктрине, так и у законодателя возникает немало. Одним из них является выявление уже применяющихся способов конструирования составного преступления в уголовном законе.

Мы в рамках нашего исследования рассматриваем составное преступление как вид единичного сложного преступления, включающего в себя несколько самостоятельных (при других условиях) преступлений. Итак, в действующем Уголовном кодексе Российской Фе-

дерации (далее — УК РФ) насчитывается около 180 составов преступлений, в которых законодатель в рамках одной нормы описал признаки сразу нескольких общественно опасных деяний.

По конструкции составные преступления в большинстве случаев материальные, т. е. для констатации окончания посягательства необходимы указанные в диспозиции последствия и наличие причинно-следственной связи между деянием и их наступлением. Как из любого правила есть исключения, так две составных нормы имеют усеченный состав (разбой — ч. 1 ст. 162 УК РФ и пиратство — ст. 227 УК РФ) и шесть составов имеют формальный состав (например, похищение человека — п. «в» ч. 2 ст. 126 УК РФ, п. «ж» ч. 2 ст. 126 УК РФ и фальсификация избирательных документов — ч. 2 ст. 142 УК РФ).

Рассмотрим другие, менее очевидные, способы создания составного преступления в уголовном законе. Исходя из определения составного преступления, его конструкция должна содержать два самостоятельных преступления в рамках одной нормы. То есть материальный признак общественно опасного деяния, выраженный степенью и характером общественной опасности составного преступления, должен превышать типовую степень [3, с. 46–47] входящих в него самостоятельных преступных посягательств. Обращаем внимание, что квалифицированные составы также выделяют в связи

с повышением уровня их общественной опасности ввиду определенных объективных причин, зафиксированных в диспозиции.

При наблюдении указанного сходства может ошибочно показаться, что составные преступления имеют только один способ конструирования — когда составность выражена в квалифицированном составе. При анализе норм с составными преступлениями мы выявили несколько составов, в которых два преступления объединены в рамках одного уголовно-правового запрета вне квалифицированного состава, а в диспозиции основного — разбой и пиратство. Если рассматривать нападение как самостоятельное преступление, т. е. уголовно наказуемое насилие, то сомнений в том, что разбой (разбой на море — пиратство) — это составное преступление, не возникает. Кроме того, в науке уголовного права ст. 162 УК РФ часто приводится как классический пример составного преступления. Но его конструкция уникальна, потому что таких составов в УК РФ всего два. По общему правилу составные преступления выражаются в квалифицированном в составе, а исключение в виде уникального разбоя лишь подтверждает это правило.

Стоит отметить, что в науке уголовного права неоднократно высказывались сомнения в обоснованности конструкции разбоя и предлагались варианты разделить его на два самостоятельных деяния, при совершении которых одновременно использовать институт множественности [4, с. 23–24]. Мы склонны не согласиться с такими радикальными переменами в понимании единичных и множественных преступлений и полагаем, что существование подобного явления в отечественном уголовном праве в течение столь продолжительного времени и довольно обширная его распространенность позволяют воспринимать разбой как единичное составное преступление с особым способом конструирования [2, с. 433].

Интересным способом создания составных преступлений является внедрение в Особенную часть УК РФ норм из Общей части. Речь идет об особых формах соучастия, например ч. 3

ст. 205.1 УК РФ (пособничество в террористической деятельности) или ст. 205.5 УК РФ (организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации). Безусловно, в современных реалиях нестабильной внешнеполитической обстановки пересмотр уголовно-правовой политики по репрессивности подобных деяний выглядит целесообразным. Однако такая конструкция составного преступления противоречит всем научным и теоретическим правилам квалификации преступлений. Возникает справедливый вопрос о целесообразности закрепления в УК РФ запрета, если с уголовно-правовой оценкой указанных действий справляются нормы Общей части УК РФ.

Очевидно, норма, в которой наиболее полно указаны все возможные варианты поведения и криминальных последствий (согласно психологической теории Л. И. Петражицкого [1, с. 31–36]), упрощает восприятие сложных юридических терминов, т. е. позволяет любому лицу сразу понять возможность совершения действием составного преступления, за которое полагается более суровое наказание.

При этом объединение норм Общей и Особенной частей создает немало трудностей для правоприменителя, что явно не способствует решению задачи по борьбе с преступностью. Поэтому такой, довольно молодой, способ конструирования составных преступлений мы считаем не совсем эффективным и обоснованным.

Так, говоря о трех основных способах конструирования составного преступления, мы придерживаемся мнения, что наиболее правильным и соответствующим всем принципам уголовного права является способ конструирования составных преступлений в квалифицированных признаках, поскольку другие два типа конструирования составного преступления являются дискуссионными и подвергаются небезосновательной критике. В то время как составные преступления, заложенные в квалифицированном составе, соответствуют имеющимся в теории правилам конструирования преступлений.

Литература

1. Зуев А. В. Психологическая концепция права в современном правопонимании // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 9А. С. 31–36.
2. Козлов А. П. Понятие преступления. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. 721 с.
3. Козлов А. П., Севастьянов А. П. Единичные и множественные преступления. СПб.: Изд-во Litres, 2022. 1276 с.
4. Федякин К. П. Историко-правовой анализ разбоя как формы хищения // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: мат-лы XVIII Междунар. науч.-практ. конф-ции (Тольятти, 23–24 апреля 2021 г.). В 3 т. Тольятти: Волжский университет им. В. Н. Татищева (институт), 2021. Т. 3. С. 227–234.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 238 УК РФ

О. Б. Солдатова,

кандидат филологических наук

Барнаульский юридический институт МВД России

Процесс производства качественных товаров и продукции сложен и многомерен, в связи с чем правильная квалификация преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, требует привлечения специалистов и экспертов. Это обусловлено тем, что следует не только доказать факт отступления от технологии производства или условий хранения отдельных продукции или товара, но и определить реальность угрозы здоровью потребителя согласно п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» [2] (далее — Постановление Пленума).

Изучая судебную практику по ст. 238 УК РФ, можно сделать вывод, что чаще всего предметом преступления выступает спиртосодержащая жидкость, которая представляет собой алкогольную продукцию, не отвечающую требованиям безопасности для жизни и здоровья потребителя (из изученных нами 221 материала в 135 случаях уголовные дела были возбуждены по факту сбыта спиртосодержащей жидкости, опасной для жизни и здоровья (61 % случаев)).

В случае квалификации реализации алкогольной продукции, опасной для жизни и здоровья потребителя, возникают некоторые вопросы: является ли спиртосодержащая жидкость в рамках ст. 238 УК РФ продукцией или товаром (данный вопрос обуславливается наличием общеупотребительного термина «алкогольная продукция»)? Как определяется реальная опасность спиртосодержащей жидкости для жизни или здоровья человека?

Для того чтобы ответить на представленные вопросы, во-первых, нужно раскрыть содержание понятий «товар» и «продукция». В тексте Постановления Пленума данные понятия не трактуются, не отграничиваются и используются в качестве однородных членов. Отметим, что диспозиция ст. 238 УК РФ является бланкетной, в связи с чем Постановление Пленума делает отсылку к некоторым федеральным законам и международно-правовым актам,

в частности к Федеральному закону Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» (в ред. от 21.07.2011 № 255-ФЗ), ст. 2 которого определяет продукцию как «результат деятельности, представленный в материально-вещественной форме и предназначенный для дальнейшего использования в хозяйственных и иных целях» [3]. Следовательно, продукция — это промежуточное сырье, которое нуждается в последующих технологических процессах. Раскрывая дефиницию «товар», необходимо отметить, что ст. 455 ГК РФ называет его любой вещь в рамках договора купли-продажи. Употребление в обозначенных нормативных документах понятий «товар» и «продукция» указывает на тот факт, что продукция в отдельных случаях может выступать товаром.

Однако если обратиться к Единому перечню продукции, подлежащей обязательной сертификации, и Единому перечню продукции, подтверждение соответствия которой осуществляется в форме принятия декларации о соответствии [1], то мы находим, что продукция и товары существуют отдельно друг от друга, поскольку отдельно закреплены перечень категорий продукции и перечень категорий товаров.

Таким образом, полагаем, что неоднозначность исследуемых понятий может вызывать сложности их толкования у правоприменителей и в целом затруднять процесс квалификации деяний. По нашему мнению, в Постановлении Пленума необходимо либо раскрыть дефиниции «товар» или «продукция», либо обозначить их конкретные признаки.

Рассмотрим вопрос о критериях установления реальной опасности спиртосодержащей жидкости для жизни или здоровья человека. В пункте 2 Постановления Пленума разъясняется, что о реальной опасности товаров и продукции может свидетельствовать, в частности, наличие в них на момент производства, хранения, перевозки или сбыта веществ конструктивных недостатков, которые при употреблении или ином использовании этих товаров и про-

дукции в обычных условиях могли повлечь смерть или причинение тяжкого вреда здоровью человека.

Для подтверждения названного критерия в приговорах по ст. 238 УК РФ, связанных со сбытом алкогольной продукции, опасной для жизни и здоровья потребителя, отражаются нарушения следующего законодательства [4, 5 и др.]: ч. 1 ст. 7 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300–1 «О защите прав потребителей» (право потребителя на безопасность для жизни и здоровья при обычных условиях его использования, хранения и транспортировки); ч. 2 ст. 3 и ч. 2 ст. 17 Федерального закона Российской Федерации от 2 января 2000 г. № 29–ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» (запрет нахождения в обороте пищевых продуктов, не соответствующих требованиям нормативных документов, не имеющих установленных сроков годности, маркировки, содержащей сведения, которые предусмотрены законом или нормативными документами); ст. 16 Федерального закона Российской Федерации от 22 ноября 1995 г. № 171–ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» (запрет на розничную продажу алкогольной продукции без сертификатов соответствия и без маркировки федеральными специальными марками, акцизными марками).

Кроме того, в п. 13 Постановления Пленума подчеркивается обязанность в обвинительном акте указывать, в чем именно выразилось несоответствие товара или продукции требованиям безопасности. Для установления этого признака требуется привлекать экспертов и специалистов. К примеру, чаще всего эксперты выявляют в составе изъятой спиртосодержащей жидкости наличие следующих компонентов: ацетальдегид — 204,18 мг/дм³; ацетон — 3524,95 мг/дм³; этилацетат — 270,62 мг/дм³; 1–пропанол — 122,50 мг/дм³; изобутанол — 919,16 мг/дм³; изоамилол — 1605,04 мг/дм³; фенилэтанол — 109,34 мг/дм³ [5], бензальдегид — 0,61 мг/дм³, ацетон — 4,21 мг/дм³; кротональдегид — 0,87 мг/дм³ [4].

В заключениях экспертиз подчеркивается, что указанная жидкость в силу превышения содержания ядовитых и сильнодействующих веществ при употреблении внутрь может вызвать опасные для жизни и здоровья человека состоя-

ния (нарушение деятельности центральной нервной системы, сердечно-сосудистой и дыхательной систем), которые могут повлечь причинение тяжкого вреда здоровью человека или его смерть. Именно наличие в заключении такого вывода позволяет отнести жидкость к предмету преступления (ст. 238 УК РФ), а не административного деликта (ст. 14.4 КоАП РФ). Приводимые заключения экспертов содержат детальную информацию о компонентах спиртосодержащей жидкости, потребление которых может отрицательно сказаться на состоянии здоровья человека, о последствиях потребления, а также информацию о возможно допустимом содержании или недопустимости содержания подобных компонентов в составе лицензированной алкогольной продукции, что способствует объективности заключения суда о степени вины подсудимого.

Отметим также, что в диспозиции ст. 238 УК РФ речь идет о безопасности для жизни и здоровья потребителя, а пункт 4 Постановления Пленума определяет возможность признания потерпевшим физического лица независимо от того, состояло ли оно в договорных отношениях с субъектом преступления или нет. Наличие данного правила характеризуется актуальностью, поскольку правоприменительная практика доказывает, что изготовление спиртосодержащей жидкости, не отвечающей требованиям безопасности жизни и здоровья, которая затем сбывается другим лицам, практически всегда осуществляется в домашних условиях, что исключает наличие официальных правовых отношений. Возможны случаи отравления алкогольной продукцией, изготовленной в домашних условиях при нарушении технологии ее изготовления и опасной для жизни и здоровья, третьими лицами, потребляющими данную продукцию вместе с лицом, которое ее приобрело, что также исключает возможность наличия договорных отношений между потерпевшим и лицом, распространяющим продукцию.

Таким образом, для правильного определения предмета преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, следует унифицировать понятия «товар» и «продукция» в соответствующем Постановлении Пленума. Кроме того, следует признать практику установления признака реальной опасности товаров и продукции для жизни или здоровья сложившейся, отвечающей требованиям, предъявляемым Верховным Судом РФ.

Литература

1. Об утверждении единого перечня продукции, подлежащей обязательной сертификации, и единого перечня продукции, подлежащей декларированию соответствия, внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 2467 и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2021 г. № 2425. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.06.2019 № 18. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О техническом регулировании [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 27.12.2002 № 184-ФЗ (ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.12.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Приговор Сакмарского районного суда Оренбургской области от 7 февраля 2020 г. по делу № 1[1]-7/2020. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.01.2024).

5. Приговор Урупского районного суда Карачаево-Черкесской Республики от 4 февраля 2020 г. по делу № 1-15/2020. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.01.2024).

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОСНОВАНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ К УЧАСТИЮ В СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

С. Е. Суверов,

кандидат юридических наук

Барнаульский юридический институт МВД России;

П. Д. Фризен,

кандидат юридических наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

Регулирование института освобождения от уголовной ответственности представляется одной из наиболее актуальных проблем современного уголовного права, поскольку он стал неотъемлемым инструментом уголовной политики нашего государства. Выстроенный законодателем механизм, позволяющий прекратить уголовное преследование в отношении лиц, совершивших преступления, подвергается изменениям, которые неоднозначно оцениваются в научной среде. Вместе с тем не вызывает сомнения тот факт, что отказ от него невозможен, а значит, институт освобождения от уголовной ответственности необходимо совершенствовать.

Подчеркнем, что выгодность использования обозначенных процедур заключается в противодействии вовлечению лиц в криминальную

субкультуру (поскольку они не отбывали наказание в пенитенциарных учреждениях), в ограждении их от такого уголовно-правового последствия, как судимость (которая существенным образом влияет на возможность успешной ресоциализации лица); в сокращении процессуальной нагрузки на правоохранительные органы (что позволяет переадресовать большие силы для осуществления судопроизводства на более тяжкие преступления); в создании мотивации для положительной посткриминальной деятельности виновных лиц, которые могут быть освобождены от неблагоприятных обременений (что является особенно актуальным в контексте избранной темы). Примечательно, что реализация поощрительных по своему механизму мер позволяет достичь учета

мнения нескольких субъектов уголовных правоотношений: государства (в лице правоохранительных органов), лиц, совершивших общественно опасные деяния, а в некоторых случаях — потерпевших от преступных посягательств.

В контексте изложенных рассуждений актуальным видится моделирование нормы, освобождающей от уголовной ответственности в связи с привлечением к участию в специальной военной операции. Началом для серьезной дискуссии о возможности воплощения такой идеи стало принятие Федерального закона Российской Федерации от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» (далее — Закон) [8]. Данный нормативный правовой акт имел своей целью закрепление юридических гарантий и оснований освобождения от уголовной ответственности для таких лиц, которые были привлечены на военную службу в период мобилизации, военного положения или в военное время. Подчеркнем, что Закон также затрагивал вопросы освобождения упомянутых лиц от наказания, а равно снятия с них судимости, хотя это не было отмечено в его наименовании [5, с. 102].

Вместе с тем многими исследователями было обращено справедливое внимание на то обстоятельство, что необходимые дополнения не были внесены в уголовный и уголовно-процессуальный законы, чем было создано препятствие для воплощения обозначенных правовых обязательств со стороны государства для лиц, исполняющих свой гражданский долг, поскольку в процессуальных актах об освобождении от уголовной ответственности было невозможно сослаться на указанный Закон.

По верному замечанию А. Г. Антонова, В. Г. Павлова и Р. А. Ромашова, исходя из смысла ст. 1 УК РФ следует, что уголовное законодательство включает в себя лишь положения УК РФ, поэтому рассмотренный федеральный закон не может являться его источником [2, с. 60–61]. Действительно, понимание принципа законности (ст. 3 УК РФ) позволяет заключить, что уголовно-правовые последствия (к коим относится освобождение от уголовной ответственности и наказания) совершенного деяния определяются исключительно УК РФ. Сложившаяся ситуация привела к широкому применению иных норм уголовного закона (например, ст. 80¹ УК РФ «Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки», ст. 84 УК РФ «Амнистия») [12, с. 156]. Это обу-

словило рассмотрение предложений о внесении необходимых коррективов в уголовный и уголовно-процессуальный законы [2, с. 39; 6, с. 242].

Обратим внимание на то, что в научной среде остро стоит и иной вопрос, относящийся к использованию норм, освобождающих от уголовной ответственности, при реализации такого правового института, как освобождение от наказания, в случае, когда суд изменяет категорию преступления на менее тяжкую, а затем освобождает лицо от отбывания назначенного ему наказания со ссылкой на положения гл. 11 УК РФ [11, с. 80–81]. Принятые законодателем новые нормы уголовного закона были включены сразу в несколько глав УК РФ, что исключило подобную проблему.

Стоит отметить, что приведенная ранее противоречивая ситуация стала очевидна не только представителям научного сообщества, поскольку на момент написания настоящей статьи в законодательных органах власти активно обсуждалось возможное внесение изменений в УК РФ и УПК РФ, которыми предусматривалась бы процедура освобождения от уголовной ответственности и наказания, а также снятия судимости в отношении лиц, которые заключили контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах РФ в период проведения специальной военной операции [10]. Логическим завершением данного процесса стало внесение в УК РФ новых положений (ст. 78¹ УК РФ и ст. 80² УК РФ), а также дополнение ст. 86 УК РФ частью 3¹.

Представляется целесообразным рассмотреть внесенные коррективы с точки зрения конструирования таких правовых норм и их соответствия уже включенным в гл. 11 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности» положениям. Важно, что применяемая при этом законодательная техника должна учитывать необходимость отражения в норме одного основания, т. е. главного (специального) требования к освобождаемому лицу, и иных условий. Такое основание отражается в наименовании самой нормы и, как нам представляется, удачно формулируется законодателем через использование терминологии, отражающей юридический факт вовлечения лица в защиту своего Отечества (призыв на военную службу, заключение контракта о ее прохождении, а равно ее прохождение, что следует из отмеченных новелл).

Рассматривая иные условия реализации нормы, необходимо четко ограничить сферу ее правового регулирования. За определенными исключениями (ст. 76¹ и ст. 78 УК РФ), нормы

упомянутой главы традиционно применяются к преступлениям небольшой и средней тяжести. Как точно отмечает Х. Д. Аликперов, в нормах Общей части УК РФ затруднительно закрепить перечень конкретных составов преступлений, допускающих компромисс [1, с. 179].

Однако очевидно, что обозначенную область действия целесообразно сократить относительно лиц, совершивших такие общественно опасные посягательства, как: преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних; преступления террористической и экстремистской направленности; преступления против основ конституционного строя и безопасности государства; против мира и безопасности человечества. Аналогичные исключения содержатся и в ст. 2 вышеназванного Закона. Данное уточнение представляется принципиально верным, поскольку допущение лиц к прохождению военной службы требует учета их личностных и моральных качеств, что было точно отражено в ст. 78¹ УК РФ.

Кроме того, возникает вопрос об установлении такого условия, как «заглаживание вреда, причиненного потерпевшему», что является особенно актуальным для некоторых преступлений, посягающих на персонифицированных лиц. Видится, что закрепление такого требования будет излишним, исходя из специфики правовых отношений, возникающих между лицом, совершившим преступление, и государством (обществом), в интересах которого совершается социально полезное действие. Кроме того, упомянутый вопрос может быть решен в порядке гражданского судопроизводства при подаче соответствующего иска.

Ключевым, думается, является вопрос о том, какой характер должна иметь моделируемая норма: условный или безусловный? Интересно, что в комментируемых поправках указывалось, что если лицо вновь совершает преступление, находясь в зоне проведения специальной военной операции, то ранее принятое решение о его освобождении отменяется и уголовное преследование возобновляется [4]. Воплощение такого подхода выражено в дополнении ч. 1 ст. 208 УПК РФ пунктом 3¹, из которого следует, что предварительное следствие приостанавливается в отношении лица, призванного на военную службу, заключившего контракт о ее прохождении, а равно ее проходящего.

В самом деле, одного лишь факта участия в проведении специальной военной операции может быть недостаточно в связи с дальнейшим противоправным поведением такого лица

(оно может совершать новые преступления, в т. ч. против военной службы), поэтому указание в диспозиции нормы на наступление объективных обстоятельств является необходимым: 1) награждение государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы; 2) увольнение с военной службы в связи с достижением предельного возраста пребывания на военной службе; в связи с признанием военно-врачебной комиссией лица не годным к военной службе; в связи с окончанием периода мобилизации, отменой (прекращением действия) военного положения и (или) истечением военного времени. Сущность такого условного характера заключается в том, что на освобождаемое от уголовной ответственности лицо будут наложены определенные обязанности, при невыполнении которых процессуальное решение будет отменено [9, с. 591].

Заключительным вопросом, требующим разрешения, представляется определение того, необходимо ли было вносить соответствующие изменения в отдельные главы УК РФ (поскольку речь идет как о возможности освобождения от уголовной ответственности, так и от наказания, а равно снятия с лица судимости). Согласно принятому законодателем варианту, данные основания не могут одновременно действовать относительно сразу нескольких правовых институтов. Однако в проекте УК РФ, внесенном в октябре 1992 г. Президентом Российской Федерации на рассмотрение в Верховный Совет Российской Федерации, предлагалось предусмотреть нормы, освобождающие от уголовной ответственности, в одной главе с освобождением от наказания, при этом некоторые из них носили комбинированный характер [7, с. 21].

Полагаем, что в контексте рассуждения о возможном проекте нового УК РФ является обоснованным рассмотреть предложение о принятии такой концепции, поскольку она позволила бы исключить многие законодательные барьеры этих близких по правовой природе инструментов уголовной политики и повысить эффективность ее претворения.

Таким образом, нами были сформулированы основные положения относительно сущности и содержания включенной в УК РФ нормы об освобождении от уголовной ответственности в связи с привлечением к участию в специальной военной операции, рассмотрены целесообразные способы ее конструирования с учетом специфики принятой законодателем системы поощрительных мер.

Литература

1. Аликперов Х. Д. Преступность и компромисс. Баку, 1992. 193 с.
2. Антонов А. Г., Павлов В. Г., Ромашов Р. А. Нормы об освобождении от уголовной ответственности должны быть включены в Уголовный кодекс! // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 59–63.
3. Антонова Е. Ю. Особенности уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции: новый вектор уголовно-правовой политики или уголовное законодательство военного времени? // Искусство правоведения. The art of law. 2023. № 3. С. 37–42.
4. Госдума отменила уголовное наказание за участие в СВО. Кого коснется закон? URL: [https://www.amic.ru/news/gosduma-otmenila-ugolovnoe-nakazanie-za-uchastie-v-svo-kogo-kosnetsya-zakon-539798](https://www.amic.ru/news/gosduma-otmenila-ugolovnoe-nakazanie-za-uchastie-v-svo-kogo-kosnetsya-zakon/) (дата обращения: 20.03.2024).
5. Загвоздкин Н. Н., Коршикова Е. О. Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 270–ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции»: заметки на полях // Образование. Наука. Научные кадры. 2023. № 4. С. 101–106.
6. Можайская Л. А. Специальная норма об освобождении от уголовной ответственности участников специальной военной операции // Закон и право. 2023. № 11. С. 240–242.
7. Нечепуренко А. А. Перспективы законодательного регулирования института освобождения от уголовной ответственности // Вопросы правовой теории и практики: сб. науч. тр. Омск, 2019. Вып. 14. С. 15–26.
8. Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 24 июня 2023 г. № 270–ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Пудовочкин Ю. Е. Теоретические вопросы совершенствования законодательства об освобождении от уголовной ответственности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. № 3. С. 584–603.
10. Совфед одобрил закон о механизме освобождения контрактников СВО от уголовного наказания. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20293749> (дата обращения: 20.03.2024).
11. Суверов С. Е. Применение норм института освобождения от уголовной ответственности при освобождении от наказания // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 4. С. 79–83.
12. Тепляшин П. В., Ступина С. А. Освобождение осужденных от отбывания наказания в связи с их участием в специальной военной операции: правовые возможности и законодательные перспективы // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2022. № 4. С. 152–159.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВОДИТЕЛЕЙ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ: ПОЗИТИВНЫЙ ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

К. А. Сычев

Об ДПС Госавтоинспекции УМВД России по Томской области

Управление транспортным средством в состоянии опьянения отнесено Всемирной организацией здравоохранения к важнейшим факторам риска совершения дорожно-транспортных происшествий. Как свидетельствует анализ официальных статистических данных по Российской

Федерации, водители, имеющие признаки опьянения, в 2022 г. признаны виновными в 93,4 % всех ДТП с их участием. Отметим, что в 2021 г. с участием водителей, находившихся в состоянии опьянения, было совершено 19 789 дорожно-транспортных преступлений, в 2020 г. дан-

ный показатель составлял 18 408 [3]. Вышеуказанные статистические данные свидетельствуют о том, что проблема уголовной ответственности лиц, совершивших дорожно-транспортные преступления в состоянии опьянения, с каждым годом не только не теряет своей актуальности, но и становится более острой.

Состояние опьянения оценивается законодателем в качестве негативного фактора, не исключающего уголовную ответственность. Данный вывод следует из содержания ст. 23 УК РФ. Являясь конструктивным и квалифицирующим признаком ряда составов преступлений в УК РФ, состояние опьянения подлежит доказыванию посредством прохождения медицинского освидетельствования. Уклонение от его прохождения презюмирует нахождение водителя в состоянии опьянения.

Зарубежный законодатель также уделяет большое внимание правовой регламентации влияния состояния опьянения на ответственность по делам о дорожно-транспортных преступлениях. При этом подходы зарубежного законодателя к решению данного вопроса различаются. В одних государствах состояние опьянения признается в качестве квалифицирующего признака составов транспортных преступлений, в других странах управление транспортным средством в состоянии опьянения законодателем выделено в качестве отдельного состава преступления. Остановимся более детально на исследовании уголовно-правовой регламентации влияния состояния опьянения на ответственность за дорожно-транспортные преступления на примере ряда стран как дальнего, так и ближнего зарубежья.

Одной из отличительных особенностей нормативно-правовой регламентации ответственности за управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, по Уголовному кодексу Республики Германия является так называемая «уменьшенная вменяемость». Если лицо намеренно употребляло спиртные напитки, осознавая, что после этого ему необходимо будет управлять транспортным средством, то в данном случае речь идет о намеренном опьянении, за которое предусмотрено ужесточение уголовной ответственности. При отсутствии намеренного опьянения можно говорить о наличии уменьшенной вменяемости [2, с. 180].

Весьма специфическим является опыт борьбы с пьянством за рулем на территории Малайзии. Так, нормами уголовного законодательства данного государства ответственность за управление транспортным средством лицом,

находящимся в нетрезвом состоянии, предусмотрена как в отношении самого нарушителя, так и в отношении его супруги. Безусловно, данный пример нарушает основные принципы уголовного законодательства, ведь к ответственности должны привлекаться только виновные лица, совершившие преступление. Однако законодатель Малайзии ввел данную уголовно-правовую норму с целью обеспечения профилактического эффекта, чтобы в дальнейшем супруга контролировала и предотвращала случаи управления супругом транспортным средством в нетрезвом состоянии.

Сходным с УК РФ в части регулирования ответственности за совершение дорожно-транспортных преступлений лицами, находящимися в состоянии опьянения, является УК Республики Беларусь. По своему содержанию ст. 317, 317.1, 318 и 321 УК РБ являются аналогичными ст. 264, 264.1, 266 и 268 УК РФ. Основное отличие заключается в том, что белорусский законодатель в качестве минимальных общественно опасных последствий при совершении дорожно-транспортных преступлений предусматривает не тяжкий вред здоровью, как это указано в УК РФ, а средней тяжести вред здоровью (в российском законодательстве за совершение такого противоправного деяния предусматривается административная ответственность). Также УК РБ предусмотрена уголовная ответственность за допуск к управлению транспортными средствами лиц, находящихся в состоянии опьянения. В российском уголовном законе аналогичная самостоятельная норма отсутствует.

Уголовная ответственность за допуск и передачу транспортного средства для управления нетрезвому лицу также предусмотрена УК Республики Казахстан. Положительной стороной уголовно-правовой регламентации состава вышеуказанного преступления является конкретизация субъекта. Так, в ч. 1 ст. 346 УК РК предусмотрено, что субъектом допуска и передачи транспортного средства может быть как собственник или иной его владелец, так и должностное лицо [1, с. 711].

По результатам проведенного анализа опыта некоторых зарубежных стран в сфере правового регулирования уголовной ответственности водителей за совершение дорожно-транспортных преступлений в состоянии опьянения можно сделать вывод о том, что уголовные кодексы ряда стран СНГ предусматривают ответственность за передачу транспортного средства, а равно допуск к управлению им лица, находящегося в состоянии опьянения. Данный поло-

жительный опыт может быть принят во внимание российским законодателем в ходе совершенствования норм УК РФ, предусматриваю-

щих составы дорожно-транспортных преступлений.

Литература

1. Бакишев К. А. Уголовная политика Казахстана в сфере противодействия управлению транспортным средством в состоянии опьянения // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2021. Вып. 3. С. 711–727.
2. Верзилин С. В. Зарубежный опыт по совершенствованию системы юридической ответственности в области обеспечения безопасности дорожного движения и порядка привлечения к ней // Регион: системы, экономика, управление. 2021. № 1 (52). С. 180–188.
3. Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения. URL: <http://stat.gibdd.ru> (дата обращения: 23.11.2023).

ПОДДЕЛКА ИЛИ УНИЧТОЖЕНИЕ ИДЕНТИФИКАЦИОННОГО НОМЕРА ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ДРУГОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

М. С. Титеев

Барнаульский юридический институт МВД России

Рассмотрение вопросов квалификации преступлений различной степени тяжести позволило установить, что подделка или уничтожение идентификационного номера транспортного средства (ст. 326 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ)) [4] зачастую выступает способом, позволяющим совершить или скрыть, или облегчить совершение других уголовно наказуемых деяний. Встречающиеся на практике случаи создают условия, требующие правильной оценки содеянного, что и определяет актуальность исследуемой темы.

На фоне политических событий и ухода мировых производителей транспортных средств с территории Российской Федерации сформировался дефицит конкретных марок, способствующий хищению транспортных средств и их незаконному обороту. Следует сказать, что подделка или уничтожение идентификационного номера транспортного средства зачастую взаимосвязана с подобными кражами.

Так, Нагатинским районным судом г. Москвы вынесен обвинительный приговор по уголовному делу в отношении 43-летнего гражданина РФ Р. А. Левина. Он осужден по п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ (кража, совершенная в крупном размере) и ч. 1 ст. 326 УК РФ (использование заведомо подложного государственного ре-

гистрационного знака транспортного средства в целях сокрытия преступления). Судом установлено, что Р. А. Левин 30 января 2020 г. похитил автомобиль марки Mercedes G 300 D черного цвета, 1996 года выпуска, стоимостью 840 000 рублей, припаркованный в районе улицы Москворечье, причинив собственнику автомобиля крупный материальный ущерб. С помощью ключа от другого автомобиля злоумышленник сумел открыть дверь, проникнуть в салон, после чего не установленным следствием предметом, предположительно отверткой, привести двигатель в рабочее состояние, затем скрыться с места совершения преступления на похищенном автомобиле. С целью скрыть следы своего преступления Р. А. Левин установил на похищенный им автомобиль заведомо подложный государственный регистрационный знак, что привело к ошибочному восприятию окружающими сведений об автомобиле. От подлинных регистрационных знаков он избавился [3].

Вышеуказанный пример наглядно иллюстрирует ситуацию, когда собственникам наносится материальный ущерб, а использование подложных регистрационных знаков создает невозможность установления преступников, что в целом усугубляет криминогенную обстановку

и снижает эффективность раскрытия преступлений.

Кроме того, некоторые преступления, где способом выступает подделка или уничтожение идентификационного номера, имеют направленные экологического характера. В основном такие деяния связаны с незаконной рубкой лесных насаждений. Например, в августе 2023 г. на территории Новосибирской области сотрудниками лесничества обнаружена незаконная рубка березы. В ходе скрытого наблюдения за территорией с использованием технического оборудования сотрудники министерства природных ресурсов и экологии Новосибирской области заметили передвижение по землям лесного фонда автомобиля ГАЗ–66 без одного регистрационного знака. Позже выяснилось, что регистрационный знак, закрепленный на заднем бампере автомобиля, был поддельным. Двое граждан, находившихся в данном автомобиле, совершили незаконную рубку шести деревьев породы береза. Виновные были задержаны с поличным на месте совершения преступления. По факту незаконной рубки и использования подложного регистрационного знака в целях совершения преступления возбуждены уголовные дела [2].

Другим наглядным примером по исследуемой теме выступает ситуация, которая имела место в январе 2023 г. в Иванове, где к магазину подъехал неизвестный мужчина и совершил убийство 32-летнего местного жителя, несколько раз выстрелив из пистолета Макарова, когда последний выходил из магазина. Виновный скрылся на автомобиле с подложными регистрационными знаками, пострадавший скончался на месте [1].

Таким образом, лица, совершающие рассматриваемого рода преступления, хорошо осведомлены о том, что изменение маркировочного обозначения основного компонента, номера двигателя или государственного регистрационного знака транспортного средства может способствовать избежанию уголовной ответственности, а также служит основанием для повторного совершения уголовно наказуемых деяний. Тем самым мы приходим к выводу о том, что подделка или уничтожение идентификационного номера транспортного средства в большинстве случаев является не самостоятельным противоправным деянием, а выступает способом, позволяющим совершить или скрыть, или облегчить совершение других преступлений.

Литература

1. Водитель на машине с подложными номерами застрелил мужчину в Иванове. URL: <https://www.gazeta.ru/auto/news/2023/01/19/19522927.shtml?yscl-id=lvwohk2q2r159714500> (дата обращения: 10.04.2024).
2. Еще одна незаконная рубка: виновные задержаны. URL: <https://mpr.nso.ru/news/6911?ysclid=lvwoctd5px515219593> (дата обращения: 10.04.2024).
3. Обвинительный приговор по уголовному делу за кражу автомобиля и использование заведомо подложного государственного регистрационного знака транспортного средства в целях сокрытия преступления. URL: <https://gazeta-novosti-zyablikovo.ru/2021/04/01/86448/> (дата обращения: 10.04.2024).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63–ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

О НЕОБХОДИМОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОВТОРНОЕ СОВЕРШЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ЭКОЛОГИИ

Е. А. Федорова

Барнаульский юридический институт МВД России

Для науки и практики особый интерес представляют вопросы о дальнейших перспективах применения административной преюдиции, поскольку в настоящее время она максимально востребована у законодателя, что наглядно иллюстрируется наличием норм с административной преюдицией во всех разделах УК РФ, за исключением преступлений против военной службы.

В данной связи можно затронуть, в частности, экологические правонарушения, поскольку они, по нашему мнению, образуют вероятную перспективу пополнения УК РФ новыми составами с административной преюдицией, либо корректировки и поправки уже действующих статей.

Вопросы экологии являются максимально острыми среди актуальных проблем в сфере охраны общественных благ. Ежегодно природе наносится столь серьезный вред, что игнорировать его не представляется возможным. Так, важной является кризисная ситуация, касающаяся загрязнения водных ресурсов. По данным Росприроднадзора, ущерб экологии, нанесенный в 2022 г., предварительно составляет порядка 78 млрд рублей, при этом ущерб водным объектам оценен в 17,5 млрд рублей [5]. В этой же связи стоит отметить, что в 2022 г. количество загрязнений водоемов России возросло на 9 % [3].

Однако за 2022 г. по ст. 252 УК РФ, предусматривающей ответственность за загрязнение морской среды, ни одно лицо не привлекалось к уголовной ответственности, а по ст. 250 УК РФ, предусматривающей ответственность за загрязнение вод, привлечено только два лица по всей стране. Стоит отметить, что такая плачевная ситуация с применением ст. 252 УК РФ характерна не только для 2022 г. Так, с 2019 по 2022 г. по данной статье, согласно данным Судебного департамента Верховного Суда РФ, ни одно лицо не привлекалось к уголовной ответственности, а в 2018 г. суд вынес приговор лишь одному лицу [6].

Статистика по применению судами ст. 250 УК РФ иллюстрирует аналогичную практику: за 2018 г. привлечено к уголовной ответственности 2 лица, за 2019 г. — 2 лица, за 2020 г. — 2 лица, за 2021 г. — 1 лицо [6].

За административные правонарушения в смежной области, а именно за нарушение правил охраны водных объектов (ч. 2 ст. 8.13 КоАП РФ) и правил водопользования (ч. 1 ст. 8.14 КоАП РФ), подвергнуто административному наказанию: в 2018 г. — 98 лиц, в 2019 г. — 68 лиц, в 2020 г. — 58 лиц, в 2021 г. — 70 лиц, в 2022 г. — 32 лица [6].

Считаем, что такая картина привлечения виновных к ответственности абсолютно несопоставима с ежегодно наносимым экологии России вредом.

Статистика в сочетании с данными о реальном состоянии водных ресурсов подтверждает давно существующую в науке традиционную позицию о том, что экологические преступления обладают критически высоким уровнем латентности, а большую часть норм УК РФ в сфере охраны окружающей среды, в частности рассматриваемые нами ст. 250 и 252 УК РФ, фактически можно называть декларативными, нерабочими [2, с. 490; 4, с. 56].

В этой связи считаем возможным согласиться с Т. Н. Бородкиной и Е. Ю. Самолаевой, высказавшими мысль о необходимости наличия административной преюдиции в структуре ответственности за загрязнение вод для усиления профилактической эффективности норм уголовного закона в сфере охраны экологии [1, с. 94–95].

Однако считаем, что вводить для этого отдельную статью 250.1 УК РФ не является рациональным, и полагаем, что нужно дополнить ст. 250 УК РФ частью 1.1, гласящей:

«Статья 250. Загрязнение вод

1.1. Деяния, предусмотренные частью 1 настоящей статьи, совершенные лицом, подвергнутым административному наказанию за правонарушение в области охраны окружающей среды и природопользования».

Также полагаем необходимым внести аналогичные изменения и в ст. 252 УК РФ, дабы «оживить» неработающую на настоящий момент норму.

Помимо того, считаем, что рационально было бы рассмотреть вопрос о том, чтобы подобным образом конструировать административную преюдицию и в других экологических преступлениях. Введение административной преюдиции в сфере охраны экологии могло бы снизить уровень латентности экологических преступлений, скорректировать недостатки су-

ществующих конструкций административно-правовых и уголовно-правовых норм, а также в перспективе оказать значительный профилактический эффект в отношении правонарушителей, тем самым уменьшая наносимый природе вред. Отметим, что указанные предложения, безусловно, не могут являться исчерпывающими, поскольку необходима дальнейшая непрерывная глубокая разработка перспектив применения административной преюдиции в уголовном праве.

Литература

1. Бородкина Т. Н., Самолаева Е. Ю. Административная преюдиция уголовной ответственности за загрязнение вод: как не допустить экологического бедствия // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2. С. 93–96.
2. Гладких В. И., Коновалова А. Б., Мосечкин И. Н., Редикульцева Е. Н. Пути совершенствования уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за загрязнение морской среды (статья 252 УК РФ) // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 3. С. 489–497.
3. Количество сильных загрязнений рек и озер в России выросло на 9 % в 2022 году. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17866915> (дата обращения: 11.03.2024).
4. Лавыгина И. В. Правовая основа уголовной политики в сфере охраны природы // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 4. С. 56–62.
5. Росприроднадзор оценивает ущерб экологии в 2022 году в 78 млрд рублей. URL: <https://spb.mk.ru/social/2023/04/05/rosprirrodnadzor-ocenil-nanesennyu-predpriyatiyami-ushherb-ekologii-v-78-mlrd-rublej.html> (дата обращения: 11.03.2024).
6. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 11.03.2024).

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА МАРОДЕРСТВО ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ГОСУДАРСТВ — ЧЛЕНОВ СНГ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

О. М. Шаганова,

кандидат юридических наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

Согласно официальным данным Министерства иностранных дел Российской Федерации, в настоящий момент государствами — членами региональной международной организации Содружество Независимых Государств выступают девять государств [2], в восьми из которых в национальном законодательстве содержатся уголовно-правовые нормы об ответственности за мародерство (Республики Азербайджан, Армения, Казахстан, Киргизия, Молдова, Таджикистан, Узбекистан и Российская Федерация).

В теории уголовного права подчеркивается, что «состав мародерства был хорошо известен уголовному законодательству советского периода» [1, с. 64–68] (речь идет о ст. 266 УК РСФСР 1960 г. [5]). В период существования Советского Союза государства — члены СНГ руководствовались единым Уголовным кодексом. В настоящее время у каждого государства есть собственное национальное законодательство, в связи с чем интерес представляет изуче-

ние особенностей современных норм, предусматривающих ответственность за мародерство.

Проанализировав статьи УК указанных стран, содержащие ответственность за мародерство, можно условно разделить их на пять групп по признаку схожести со ст. 266 УК РСФСР 1960 г.

В первую группу входит ст. 457 УК Казахстана [4], которая по признакам состава преступления, содержащимся в ней, и по месторасположению в главе, связанной с воинскими преступлениями, является идентичной аналогичным признакам ст. 266 УК РСФСР. Так, мародерством признается похищение на поле сражения вещей, находящихся при убитых и раненых. Таким образом, обязательными признаками состава преступления выступают: предмет, действие (хищение), место (поле сражения), субъект преступления (лицо, связанное с военной службой).

Ко второй группе следует отнести ст. 142 УК Армении [3] и ст. 118 УК Азербайджана [4], поскольку конструкции составов, закрепленных в них, также очень близки с составом преступления, предусмотренным ст. 266 УК РСФСР. Значимым отличием выступает размещение статей в главе (разделе) «Преступления против мира и безопасности человека», что обуславливает изменения в объекте и субъекте преступлений.

Третья группа содержит ч. 3 ст. 137–1 УК Молдовы [4], в которой преступной формой поведения выступает мародерство в отношении раненых или павших на поле боя и наличествует добавочный обязательный признак объективной стороны — время (во время международного либо немеждународного вооруженного конфликта).

Четвертая группа включает ст. 286 УК Узбекистана [4], особенностью объективной стороны которой выступает деяние в виде завладения вещами, находящимися при убитых и раненых, которое должно быть осуществлено не в определенном месте, как в ст. 266 УК РСФСР, а в конкретной обстановке — боевой.

Пятая группа объединяет ст. 412 УК Киргизии [4], ст. 405 УК Таджикистана [4] и ст. 356.1 УК РФ [4], поскольку в них содержится большое количество отличительных от состава преступления, предусмотренного ст. 266 УК РСФСР, признаков.

Так, согласно ст. 412 УК Киргизии, мародерство — это похищение вещей, в т. ч. принадлежащих убитым или раненым, во время военных действий, стихийных бедствий, техногенных, авиа-, железнодорожных и иных видов катастроф, чрезвычайных ситуаций или массовых

беспорядков с целью завладения ими. Таким образом, мародерством признается хищение не только во время чрезвычайной ситуации военного характера, но и в любой другой чрезвычайной ситуации, вызванной иными причинами. При этом потерпевшими могут выступать не только убитые или раненые, но и живые граждане.

Статья 405 УК Таджикистана предусматривает ответственность за нарушение норм международного гуманитарного права, осуществляемое не в ходе вооруженного конфликта, к которому в т. ч. относится и мародерство. Под ним понимается завладение в боевой обстановке вещами, находящимися на убитых и раненых, а также имуществом граждан, оставленных в районе боевых действий. Отметим, что в диспозиции статьи кроме мародерства перечисляется еще ряд преступлений, относящихся к посягательствам на мир и безопасность человечества, т. е. состав преступления является альтернативным.

Особенностью российской уголовно-правовой нормы о мародерстве (ст. 356.1 УК РФ) является закрепление в ней совокупности следующих обязательных признаков состава преступления, необходимых для привлечения лица к ответственности: предмет — чужое имущество; деяние — противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение в пользу виновного или других лиц; способ — не связанный с вынужденной необходимостью; время — период военного положения, или военное время, или условия вооруженного конфликта, или ведение боевых действий; цель — корысть. Кроме того, российский законодатель предусмотрел широкий перечень квалифицированных видов мародерства, дифференцируемых в зависимости от того, каким способом совершено преступление (насилованным или групповым), либо повлекло ли оно последствия и в каком размере (крупном или особо крупном).

Анализ санкций представленных норм показывает единодушие государств — членов СНГ в типе их построения, поскольку они все единичные, выражены в виде лишения свободы. Безусловно, что сроки данного вида наказания в статьях разные, но законодатели, понимая высокую общественную опасность мародерства, относят преступления к тяжкой (в большинстве своем — 5 государств (62,5 %)) или особо тяжкой (3 государства (37,5 %)) категориям.

При этом минимальный срок лишения свободы в виде двух месяцев содержится в ч. 1 ст. 356.1 УК РФ (санкция относительно-определенная, т. к. представлена максимальная

ее граница — до 6 лет). Напротив, самая строгая санкция в ст. 405 УК Таджикистана — 20 лет лишения свободы. Чаще всего за мародерство встречается санкция до 10 лет лишения свободы (в четырех государствах (50 %)).

Таким образом, следует отметить, что практически все государства — члены СНГ предусмотрели уголовную ответственность за мародерство. В большинстве стран уголовно-правовые нормы схожи, обладают тождественными признаками состава преступления, практически неотличимыми от существовавшей ранее ст. 266 УК РСФСР. Однако в некоторых случаях статья располагается в главе, связанной

не с военными преступлениями, а с посягающими на мир и безопасность человечества, следовательно, меняются признаки предмета и (или) субъекта преступления. В отдельных кодексах вместо признака места совершения мародерства закреплена обстановка. Самыми непохожими по конструкции составов преступлений не только на ст. 266 УК РСФСР, но и между собой выступают ст. 412 УК Киргизии, ст. 405 УК Таджикистан и ст. 356.1 УК РФ.

Все исследуемые кодексы содержат наказание в виде лишения свободы. Минимальный размер (2 месяца) — в УК РФ, максимальный (20 лет) — в УК Таджикистана.

Литература

1. Кибальник А. Г. «Реанимация» мародерства в уголовном праве // Российский следователь. 2024. № 1. С. 64–68.
2. О Содружестве Независимых Государств // Министерство иностранных дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnyye-struktury-prostranstva-sng/sng/1813264/ (дата обращения: 05.04.2024).
3. Правовая информационная система Армении. URL: <https://www.arlis.am/> (дата обращения: 05.04.2024).
4. Уголовное законодательство стран СНГ // Информационная система «Континент». URL: <http://continent-online.com> (дата обращения: 05.04.2024).
5. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (утратил силу) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

СТАТЬЯ 210 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Л. В. Яковлева,

доктор юридических наук, доцент

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России

В современном обществе способы совершения отдельных преступлений неизбежно требуют вовлечения в них нескольких лиц, объединяющихся либо в группы, либо в формирования более высокой степени организации, такие как преступные сообщества. Цели привлечения к ответственности и наказания виновных за подобную организаторскую деятельность служит ст. 210 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

Данная статья неоднократно подвергалась изменениям и дополнениям (в 2009, 2019, 2020 г.). Для разъяснения ее положений в 2010 г. было принято соответствующее поста-

новление Пленума Верховного Суда Российской Федерации [4] (далее — постановление Пленума Верховного Суда РФ № 12), которое ни разу не подвергалось пересмотру. В названном документе с исчерпывающей полнотой раскрыты и описаны все признаки преступного сообщества (преступной организации) (далее — преступного сообщества), позволяющие рассматривать его именно как сообщество, а не как иной вид преступной группы. Тем не менее у правоприменителей до сих пор возникают вопросы, связанные с правильной квалификацией содеянного, несмотря на то, что судебная практика по ст. 210 УК РФ достаточно обширная.

Наиболее репрезентативный массив судебной практики представлен числом осужденных по ч. 1 и 2 ст. 210 УК РФ. Так, в 2020 г. по основной статье и по дополнительной квалификации было осуждено 304 чел. (127 и 217 чел. соответственно), в 2021 г. — 295 чел. (103 и 192 чел.), в 2022 г. — 408 чел. (117 и 291 чел.). Из них от 85,4 % (в 2021 г.) до 88,0 % (в 2022 г.) приходится на долю лиц, осужденных по ч. 2 ст. 210 УК РФ. Практически все остальные лица осуждались по ч. 1 ст. 210 УК РФ. Случаи вменения остальных частей ст. 210 УК РФ единичны [5].

Понятие преступного сообщества основано на понятии организованной группы, и действовать оно может в форме структурированной организованной группы либо объединения организованных групп, действующих под единым руководством. В связи с этим для доказывания наличия преступного сообщества необходимо устанавливать не только характеризующие его признаки (структурированность, организованность, единое руководство, цель создания), но и признаки организованной преступной группы (устойчивость, наличие руководителя и плана совместной преступной деятельности, распределение функций и ролей между членами группы). Признак «сплоченности» преступного сообщества доказывать в отношении деяний, совершенных после 15 ноября 2009 г., не требуется.

На необходимость установления всех указанных признаков обращается внимание в теоретических исследованиях, посвященных правовой регламентации деяний, закрепленных в ст. 210 УК РФ [3].

Таким образом, для вменения лицу ст. 210 УК РФ необходимо устанавливать перечисленные выше «материальные» признаки преступного сообщества, которые являются обязательными. Раскрываются эти признаки через описание существования в преступном сообществе разветвленных управленческих, организационных, финансовых связей; наличия единой идеологии и кодекса поведения с мерами ответственности за его нарушение, соблюдение требований которого является обязательным для всех членов; системы конспирации; географии и масштабно-сти деятельности и др.

«Формальный» признак, под которым понимается число участников сообщества, для квалификации не важен. Тем не менее, руководствуясь разъяснениями, содержащимися в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 12, можно определить минимальное число участников преступного сообщества. Так, если преступное сообщество действует в форме

структурированной организованной группы, оно должно включать в себя хотя бы два подразделения, каждое из которых должно состоять не менее чем из двух лиц, включая руководителя. Следовательно, в таком преступном сообществе должно быть минимум четыре человека. Если лицо, создающее преступное сообщество, не входит ни в одно из его структурных подразделений, в преступном сообществе будет пять человек.

Аналогично определяется и число участников преступного сообщества, действующего в форме объединения организованных групп: в каждой организованной группе должно быть минимум два человека, таких групп не может быть меньше двух. Если руководитель одной из организованных групп является одновременно и руководителем преступного сообщества, минимальный состав его участников должен равняться четырем человекам. В случае наличия руководителя, не входящего ни в одну из организованных групп, преступное сообщество может состоять из пяти человек.

Изучение и обобщение материалов судебной практики показало, что преступные сообщества действуют в обеих формах и насчитывают минимум 5–6 человек. Максимальное число лиц, входящих в преступное сообщество, может достигать до нескольких тысяч.

Недоказанность признаков преступного сообщества, таких как наличие организационно-управленческих структур, общей финансовой базы, единых и жестких правил взаимоотношений и поведения с санкциями за их нарушение, внутренней жесткой дисциплины, отработанной системы конспирации и защиты от правоохранительных органов, существование самостоятельных подразделений, подгрупп, звеньев, имеющих отдельных руководителей, подотчетных лицу, возглавляющему преступное сообщество, и др., ведет к исключению из обвинения ст. 210 УК РФ и вменению признака «совершение деяния организованной группой».

Так, в апелляционном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Хакасия от 15.05.2021 по делу № 22–466/2021, исключившем ч. 2 ст. 210 УК РФ из обвинения в отношении К. и Р., указывалось, что наличие соподчиненности, разделение функций между соучастниками не может квалифицироваться как структурированная организованная группа. Отсутствие руководителей в группах не позволяет рассматривать их как структурные подразделения или обособленные группы преступного сообщества. При этом в определении не утверждалось, что руководи-

телей действительно не было. В нем отмечалось, что они либо не установлены, либо руководство конкретных лиц не подтверждалось исследованными доказательствами [1].

В то же время, несмотря на наличие и подтверждение фактами признаков преступного сообщества, суд может дать им неправильную оценку, что повлечет за собой необоснованное исключение из обвинения ст. 210 УК РФ.

Так, Судебной коллегией по уголовным делам Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции было рассмотрено уголовное дело по апелляционному представлению государственного обвинителя и апелляционной жалобе осужденного С. на приговор Верховного суда Республики Башкортостан от 14 марта 2023 г. В ее апелляционном определении было указано, что суд первой инстанции сделал неверный вывод об отсутствии в действиях подсудимых признаков ч. 2 ст. 210 УК РФ, несмотря на установленные в ходе судебного заседания обстоятельства, свидетельствующие о их участии в преступном сообществе. В частности, было подтверждено наличие обособленных структурных подразделений; единое руководство; осуществление со стороны вышестоящих по иерархии участников группы постоянного контроля за деятельностью нижестоящих; четкое распределение функций; существование общей финансовой базы, складывавшейся, помимо прочего, из первоначальных взносов членов общества, ко-

торые вступали в него с целью получения материального вознаграждения, и др.

Вместе с тем в апелляционном определении подчеркнуто, что мнение суда первой инстанции о том, что «преступное сообщество должно характеризоваться такими обязательными признаками, как вливание организованной группы в легальный бизнес, поддержание связей с корумпированными сотрудниками правоохранительных и других государственных органов, основаны на неверном толковании закона, противоречат положениям статьи 210 УК РФ и разъяснениям, данным в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12» [2]. Приведенное мнение судебной инстанции позволяет признать, что перечень подлежащих доказыванию признаков преступного сообщества является исчерпывающим. Иные характеристики могут только дополнить общее представление о преступном сообществе, но не повлиять на квалификацию.

Из материалов судебной практики следует, что сложнее всего выявить лиц, создающих преступное сообщество, особенно если для этого использовалась сеть «Интернет». Подобные способы образования и дальнейшего функционирования преступных сообществ присущи деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств либо оружия, при организации незаконной миграции и пр. Такие преступные сообщества могут состоять из международных организованных групп.

Литература

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Хакасия от 15.05.2021 по делу № 22–466/2021 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 30.05.2023 по делу № 55–253/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Долгих Т. Н. Понятие и признаки фальшивомонетничества как состава преступления [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2010 № 12 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8.
5. Отчет о числе привлеченных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам // Ф. 10–а. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru?ref=w3use.com> (дата обращения: 10.04.2024).

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ И ПРАКТИКИ В КРИМИНОЛОГИИ

НЕЙРОТЕХНОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

Р. М. Абызов,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

Проблема определения личности преступника в науке криминологии остается одной из актуальных и не решенных до сих пор. Дискуссии ученых по поводу того, что или кого следует понимать под личностью преступника и насколько правомерно вообще существование подобного термина, который действительно сегодня оспаривается определённой частью криминологов, присутствуют на многих научно-представительных мероприятиях и в научных трудах.

В рассматриваемом направлении следует отметить выдающегося криминолога, доктора юридических наук, профессора Ю. М. Антояна, которому удалось проблему личности преступника раскрыть с точки зрения различных отраслей знаний: социологии, криминологии, педагогики, психологии, психиатрии [2, с. 68]. Несмотря на солидный объем научных исследований, связанных с личностью преступника, все же он указывает на недостаточную изученность в отечественной и зарубежной криминологии биологического аспекта личности преступника в силу: во-первых, огромного количества специфических параметров, черт, признаков, различных проявлений биологических свойств личности; во-вторых, сама биологическая наука сегодня располагает главным образом фрагментарными исследованиями личности человека, отсутствуют глубокие системные разработки в данной области, прежде всего в сфере генома человека; в-третьих, объёмы информации, имеющиеся в различных отраслях знаний по данной проблеме, невозможно обработать известными, традиционными методами.

В связи с этим в криминологических исследованиях личности преступника наблюдается некоторая стагнация, неспособность выйти за традиционно устоявшиеся методы её изучения. Нужны новые подходы, представленные современными информационно-цифровыми технологиями, позволяющими охватить самый широкий спектр исследуемой проблемы, проникнуть в глубины человеческой сущности, объяснив их с точки зрения нейронауки, получившей в последнее время колоссальное внимание со сторо-

ны различных учёных — философов, психологов, психиатров, социологов, правоведов.

Сегодня уже очевидно, что распространение нейротехнологий коснется и использования их в изучении личности преступника, если результатом развития нейросетей станет внедрение искусственного интеллекта в правоохранительную деятельность [5, с. 33]. Однако это потребует изменений в методах работы правоохранительных органов.

В нейроэпоху мерилom всех вещей выступает мозговая деятельность. Чтобы обозначить онтологический характер «отождествления себя со своим мозгом», историк науки Ф. Видаль ввел термин «мозголичность», т. е. личность стала мозголичностью. В этом понятии отразилось широко распространённое мнение о том, что мозг является единственным органом, который нам нужен, чтобы быть самим собой. Раньше действовали личности, теперь — мозги.

Действительно, одним из сложнейших объектов научного познания является мозг человека, в изучении которого сегодня осуществлен кардинальный прорыв. Исследования деятельности мозга на молекулярном уровне открывают перспективы выявления сложнейших связей «мозг — гены», а значит, обнаружения блоков генетической информации, которые определяют особенности поведения человека, позволяют идентифицировать личность. Однако уподоблять нейронную сеть мозгу весьма рискованно, поскольку такая аналогия приписывает уровень абстракции и общих знаний моделям нейронных сетей. Поэтому даже последние достижения в рассматриваемой области нельзя считать аналогом человеческого мозга.

Главное отличие искусственных нейронных сетей от экспертных систем состоит в том, что если в экспертной системе знания извлекаются из опыта специалистов, то искусственная нейронная сеть сама накапливает опыт на основе просмотра набора аналогичных примеров и фиксирует его в виде набора связей.

Уже сегодня нейротехнологии способны помочь правоохранительным органам при поиске преступников, прогнозировании вероятности

их исправления, принятии более обоснованных решений при оценке рисков рецидива. Так, например, Чикагский полицейский департамент совместно с Иллинойским технологическим институтом разработал и использует алгоритм для определения людей, способных совершить преступление. Программное обеспечение проверяет судимость человека, принадлежность к банде, затем помещает его в специальный протокол SSL и определяет рейтинг лица — чем выше число, тем оно опаснее [1].

Ученые из Шанхайского университета транспорта попытались дать ответ на вопрос: можно ли по фотографии отличить преступников от обычных людей? Они использовали различные алгоритмы машинного зрения, чтобы изучить лица преступников и законопослушных граждан, а затем проверили, может ли машина выявить разницу. Используя 1856 фотографий китайцев в возрасте от 18 до 55 лет, половина из которых были преступники, ученые обучили нейронную сеть распознавать разницу между обычными гражданами и правонарушителями. По итогам исследований было установлено, что нейронная сеть может идентифицировать личность преступника с точностью до 89,5 % [3].

Сегодня достижения нейротехнологий наиболее активно начинают использоваться криминологией, что, по мнению некоторых авторов, свидетельствует о становлении частной криминологической теории — нейрокриминологии [4, с. 158]. Существует убеждение, что новые знания о мозге позволят не только предвидеть и предотвратить проблемное поведение, но также сформировать и оптимизировать человеческие качества.

Типичное для определённого возраста рискованное поведение, подростковые эксперимен-

ты с наркотиками и ранний сексуальный опыт считаются теперь не признаками незрелости характера и представлений о нравственности, а свидетельствами недоразвитости мозга. Даже юношеский максимализм, цинизм, бунт против родителей и учителей во многом связаны с симптомом недоразвитого мозга в связи с незавершённостью нейропластических процессов.

Специалисты в области криминальной биологии давно уже ищут не самые общие биологические причины преступлений, а совершенно конкретные нейрохимические аномалии и специфические сочетания генов, связанные с агрессией, уменьшением контроля над побуждениями, передачей их по наследству. Не случайно учёные задаются вопросами: не дадут ли нейробиологические и генетические исследования более надёжных прогнозов по поведению правонарушителей, чем контрольные проверки психиатров и субъективные мнения экспертов? Нужны ли нам нейрокриминологи, чтобы изучать мозги преступников?

Таким образом, можно констатировать, что развитие технологий, в т. ч. нейротехнологий, в настоящее время выступает актуальным направлением, используемым в разных отраслях знаний. С точки зрения практической реализации было установлено, что в науке криминологии изучение нейронных связей в головном мозге человека, а также биологическое их проявление позволяет изучать человека, прогнозировать его возможное преступное поведение, кроме того, может способствовать его предотвращению. Думается, что подобные методы анализа личности преступника в скором будущем будут активно использоваться органами внутренних дел с целью предупреждения преступлений и административных правонарушений.

Литература

1. Алгоритм уже сегодня называет людей, которые совершат преступление в будущем. URL: <https://pravo.ru/review/view/101980/> (дата обращения: 20.04.2024).
2. Антонян Ю. М. Криминология будущего: междисциплинарные научные связи // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4 (30). С. 67–75.
3. Китайские ученые научили нейросеть распознавать преступников по фотографиям. URL: <https://habr.com/ru/articles/372905/> (дата обращения: 20.04.2024).
4. Судакова Т. М. Междисциплинарность криминологии в контексте методологической и структурной трансформации науки // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16. № 2. С. 151–162.
5. Филипова И. А. Нейротехнологии в праве и правоприменении: прошлое, настоящее и будущее // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 2. С. 32–49.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В Г. РОСТОВЕ-НА-ДОНУ

К. Р. Абызов,

кандидат юридических наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России;

М. К. Абызов

МБОУ «Гимназия № 35» г. Ростов-на-Дону

Преступное поведение несовершеннолетних по своей структуре имеет свои отличия от общей структуры преступности. В первую очередь это связано с возрастными особенностями несовершеннолетнего преступника.

Наибольшая криминальная активность свойственна 16- и 17-летним подросткам. Их удельный вес в общем количестве несовершеннолетних, заключенных под стражу, составляет 69 %.

Анализируя те позитивные изменения, которые наблюдаются последние годы в противодействии подростковой преступности, необходимо отметить, что произошло снижение количества таких тяжких преступлений, как убийство, изнасилование, причинение тяжкого вреда здоровью [2, с. 33].

Среди преступлений, которые наиболее характерны для подростков, преобладает примерно десяток деяний, составляющих до 85 % случаев их преступного поведения. Наиболее часто совершаемыми подростками преступлениями являются кражи, грабежи, разбои, вымогательство, хулиганство, убийства, изнасилования, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и др. [3, с. 16].

Анализ данных статистики ГУ МВД России по Ростовской области за 2023 г. показывает, что среди выявленных преступников несовершеннолетнего возраста 10,1 % совершили преступления против личности. За последние 10 лет снизилось число несовершеннолетних, которые совершили убийство, — с 41 до 6.

Кроме того, снизилось количество изнасилований, совершенных подростками.

Количество разбойных нападений, совершенных подростками в г. Ростове-на-Дону, имеет тенденцию к некоторому снижению. Проведя анализ возрастных особенностей подростков, совершивших разбойные нападения, мы видим, что удельный вес возрастной группы 16- и 17-летних подростков в 4 раза выше

удельного веса подростков 14 и 15 лет. Кроме того, наибольшее число разбойных нападений совершается с февраля по апрель. Если же говорить о наиболее частом времени совершения рассматриваемого преступления, то это период с 22 до 3 часов.

Если количество разбойных нападений, совершенных несовершеннолетними, имеет тенденцию к снижению, то грабежи, напротив, имеют тенденцию к росту количества преступлений, совершенных подростками в г. Ростове-на-Дону. Возрастная группа 16- и 17-летних подростков и здесь опережает возрастную группу 14–15-летних подростков по числу совершенных преступных деяний примерно в 3 раза. Наибольшее число преступлений совершается подростками в феврале и в период с июля по август. Кроме того, необходимо отметить и тот факт, что грабежи чаще всего совершаются в период с 22 до 3 часов.

В последние годы отмечается снижение зарегистрированных фактов тайного хищения чужого имущества (краж), совершенных подростками, в г. Ростове-на-Дону. По числу совершенных краж также наблюдается преобладание возрастной группы 16–17-летних подростков над 14–15-летними. Самое большое число краж, совершенных несовершеннолетними, регистрируется в апреле и в период с июля по август, а также в октябре. Наибольшее число рассматриваемых преступлений совершается подростками в группе своих же сверстников в период времени с 20 до 2 часов.

Проведенный анализ статистических данных, предоставленных ГУ МВД России по Ростовской области, позволяет предположить, что незначительные количественные показатели подростковой преступности могут быть следствием неполной или неправильной их регистрации.

Анализ статистики преступлений, совершенных подростками в г. Ростове-на-Дону, по-

казывает, что происходит устойчивое снижение числа преступлений, совершенных несовершеннолетними, т. е. снижается общее число совершенных ими преступлений; снижается число преступлений, которые совершены подростками в группе; снижается рецидивная преступность несовершеннолетних; снижается и количество подростков, осужденных и состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, а также количество условно осужденных подростков.

Анализируя количество преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их участии в г. Ростове-на-Дону, можно констатировать следующее: в 2018 г. ими было совершено 1375 преступлений, в 2019 г. — 1425, в 2021 г. — 1181, в 2022 г. — 1295.

В свою очередь, из этого числа преступлений в группе было совершено: в 2018 г. — 1272, в 2019 г. — 1044, в 2021 г. — 827, в 2022 г. — 832.

При анализе числа несовершеннолетних, совершивших преступления повторно, мы видим следующую картину: в 2018 г. — 743, в 2019 г. — 489, в 2021 г. — 412, в 2022 г. — 415.

Число осужденных несовершеннолетних, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях в рассматриваемый период: в 2018 г. — 1986, в 2019 г. — 1836, в 2021 г. — 1642, в 2022 г. — 1651.

В свою очередь, количество повторных преступлений, совершенных несовершеннолетними, состоящими на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, в анализируемый период составило: в 2018 г. — 116, в 2019 г. — 116, в 2021 г. — 102, в 2022 г. — 104.

Необходимо отметить и факты условного осуждения несовершеннолетних в рассматриваемый период: в 2018 г. — 22, в 2019 г. — 16, в 2021 г. — 14, в 2022 г. — 9.

Статистические данные свидетельствуют о том, что увеличивается число несовершеннолетних, находящихся в конфликте с законом, пользующихся услугами учреждений социального обслуживания (в 2018 г. — 435 чел., в 2022 г. — 1038 чел.).

Сопоставление приведенных данных позволяет сделать вывод о снижении в 2018–2022 гг. в г. Ростове-на-Дону количества преступлений, совершенных несовершеннолетними.

Вместе с тем, несмотря на определенные успехи, по-прежнему значительным остается число детей и подростков, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, совершающих преступления и правонарушения и нуждающихся в социальной реабилитации [1, с. 14].

Необходимо также отметить, что растет число несовершеннолетних, ушедших из дома, из государственных учреждений, что является одним из факторов, способствующих совершению уличных правонарушений и преступлений.

Вместе с тем необходимо отметить, что характерной особенностью является ярко выраженное структурное изменение преступности несовершеннолетних в сторону корыстно-насильственной направленности в последние годы, причем большинство преступлений составляют противоправные деяния, связанные с незаконным завладением собственностью.

Литература

1. Звенигородская Н. Ф. Социальное сиротство: причины и следствия // Вопросы ювенальной юстиции. 2020. № 1. С. 9–15.
2. Чечель Г. И. Личность преступника как фактор, влияющий на назначение наказания // Российский следователь. 2022. № 5. С. 30–39.
3. Шахбанова Х. М. Основные причины преступности несовершеннолетних на современном этапе развития российского общества // Уголовное право. 2022. № 23. С. 12–18.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В. В. Бабурин,

доктор юридических наук, профессор

Барнаульский юридический институт МВД России

Показатели, характеризующие актуальное состояние преступности в Российской Федерации, всегда имеют важное значение для стратегии и тактики противодействия преступности, поскольку являются отправной базой для определения конкретных мер борьбы с преступностью и организации комплекса необходимых мер предупреждения преступлений. При этом большое значение имеют как общие количественные показатели объема всей преступности, так и ее качественные характеристики, которые определяют основные, базовые свойства преступности.

Характеризуя общие количественные показатели объема всей современной преступности, необходимо отметить продолжение в 2023 г. общей тенденции на постепенное снижение количества зарегистрированных преступлений. Так, за 2023 г. в России было зарегистрировано 1 947 161 преступление, что на 1,0 % (или на 19 634 преступления) меньше, чем за аналогичный период прошлого года [6]. За 2022 г. было совершено 1 966 795 преступлений, или на 1,9% меньше, чем за аналогичный период прошлого года (2 004 404 преступления), при таком же общем снижении преступности прошлого года на 1,9 % по сравнению с позапрошлым годом [5].

Характеризуя качественные характеристики современной российской преступности, необходимо отметить продолжение современной тенденции роста числа киберпреступлений.

Термин «киберпреступление» в целом можно считать условным, поскольку в юридической литературе, среди ученых и практиков последние несколько лет очень активно ведутся дискуссии, как называть эту группу преступлений. Так, А. Ж. Саркисян и Г. Ф. Коимшиди отмечают, что «термин “компьютерные преступления” мы взяли в кавычки: до сих пор вопросы терминологии в данной сфере законодательно нигде не закреплены. Следует отметить, что речь идет именно о преступлениях, связанных напрямую или косвенно с применением высоких технологий, а не только о главе 28 УК РФ

“Преступления в сфере компьютерной информации”» [4, с. 75].

К. В. Воднева отмечает, что «преступления, совершаемые в цифровом пространстве, именуется как киберпреступления. Киберпреступность — это незаконная преступная деятельность лиц, направленная на завладение частной конфиденциальной информацией с помощью электронных устройств разного типа, через Интернет, Wi-Fi и Bluetooth» [3, с. 65–66]. Так или иначе, несмотря на то, что многие данную группу преступлений называют по-разному, все выделяют ее в силу значительности тех объемов, которые она представляет.

Г. А. Барашко справедливо отмечает, что «существенным фактором, оказывающим негативное влияние на криминогенную ситуацию в стране, продолжает оставаться рост ИТ-преступности» [1, с. 2].

И действительно, нельзя не отметить постоянное увеличение доли киберпреступлений в общем объеме всей преступности. Так, если в 2021 г. удельный вес данных преступлений в общей массе составлял 25,8 %, в 2022 г. — 26,5 %, то в 2023 г. их удельный вес увеличился до 34,8 % от всей преступности.

Поэтому неслучайно многие авторы отмечают, что проблема киберпреступности на современном этапе исторического развития приобретает глобальный масштаб и представляет угрозу информационному обществу. Статистические данные по числу выявленных киберпреступлений за последние годы указывают на их рост и изменение качественных признаков [2, с. 47].

По мнению К. В. Водневой, «в настоящее время Россия входит в число трех стран, которые являются лидерами в сфере киберпреступности. Все это неизбежно привело к тому, что за последнее десятилетие на фоне общего количественного роста и качественного изменения преступности в нашей стране был совершен скачок показателей преступности, так или иначе связанный с использованием информационных технологий, тех или иных систем и средств свя-

зи и в целом в сферы высоких технологий» [3, с. 65–66].

Большое значение имеет анализ структуры современной киберпреступности. В настоящее время официально к такой категории можно отнести группу преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а также в сфере компьютерной информации.

По данной категории преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, было зарегистрировано 676 951 преступление, что на 29,7 % больше, чем за аналогичный период прошлого года (522 065) при общем росте этого вида преступности за прошлый год на 0,8 % (517 722 преступления, и 1,4 % по сравнению с позапрошлым годом).

При этом из всех преступлений названной группы киберпреступления в экономической сфере составили в 2023 г. 475 291 преступление, в т. ч. кражи — 119 212 преступлений и мошенничества по ст. 159, 159.3, 159.6 УК РФ — 356 079 преступлений, что составляет 70,2 % от всех киберпреступлений. В то время как в 2022 г. было совершено 371 171 преступление, в т. ч. краж — 113 565 преступлений и мошенничества по ст. 159, 159.3, 159.6 УК РФ — 257 606 преступлений. Это составляло 71 % от всех киберпреступлений, в то время как в 2021 г. — 406 041 преступление, в т. ч. кражи — 156 792 преступления и мошенничества по ст. 159, 159.3, 159.6 УК РФ — 249 249 преступлений. Но это составляло тогда 78 % от всех киберпреступлений. Таким образом, видно, что доля киберпреступлений в экономической

сфере в общей киберпреступности с 2021 г. снижается почти на 8 %.

Это связано с большим ростом преступлений, совершенных в сфере компьютерной информации. В 2023 г. было зарегистрировано 37 101 преступление, совершенное в сфере компьютерной информации, что на 270,0 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. Это очень существенный рост для данного вида преступлений, учитывая, что за 2022 г. было зарегистрировано 10 027 преступлений, совершенных в сфере компьютерной информации, что было только на 46,0 % больше, чем за аналогичный период 2021 г.

При этом рост числа преступлений, совершенных в сфере компьютерной информации, произошел в основном за счет роста преступлений, предусмотренных ст. 272 УК РФ «Неправомерный доступ к компьютерной информации», на 295,2 %, и их общее число составило 36 788 преступлений, что составляет 99,1 % от всех преступлений в сфере компьютерной информации, предусмотренных гл. 28 УК РФ.

Таким образом, можно отметить, что современная киберпреступность постепенно переходит в экономическую сферу и начинает определять общую направленность всей преступности в Российской Федерации. При этом состояние киберпреступности характеризует ее большой объем, она составляет 34,8 % от всей преступности и конкурирует с объемом общей корыстной преступности, значительная положительная динамика (29,7 % по сравнению с предыдущим годом) и, по структуре, резко выраженная корыстная направленность (70,2 % от всех киберпреступлений связаны с кражей и мошенничеством).

Литература

1. Барашко Г. А. Анализ состояния преступности в сфере высоких технологий // Евразийское научное объединение. 2021. № 1–5 (71). С. 1–2.
2. Белоусова М. Н., Белоусов В. А., Данилина О. М. Статистический анализ тенденций развития киберпреступности в условиях современной экономики // Развитие территорий. 2022. № 4. С. 42–48.
3. Воднева К. В. Основные показатели преступлений в сфере высоких технологий // Современные стратегии и цифровые трансформации устойчивого развития общества, образования и науки: сб. мат-лов II Междунар. науч.-практ. конф-ции. М., 2022. С. 64–68.
4. Саркисян А. Ж., Коимшиди Г. Ф. Состояние преступности в сфере высоких технологий и современные тенденции борьбы с ней в Следственном комитете Российской Федерации // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2021. № 1 (31). С. 74–90.
5. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2022 г. URL: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 20.01.2024).
6. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2023 г. URL: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 20.01.2024).

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСУЖДЕННЫХ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ДОКУМЕНТОВ

В. Р. Булгакова

Барнаульский юридический институт МВД России;

Р. К. Кабулов

доктор юридических наук, профессор

Академия МВД Республики Узбекистан

В настоящее время социально-экономические причины выступают фактором совершения преступлений против жизни или здоровья, собственности, в сфере незаконного оборота оружия или наркотиков. При этом зачастую, чтобы получить необходимый объем прав или освободиться от обязанностей, реализовать свою преступную цель, граждане используют похищенные, приобретенные, поддельные официальные документы, удостоверяющие юридически значимые факты и влекущие правовые последствия. Обозначенные противоправные деяния с документами можно именовать как незаконный оборот, под которым понимаются действия, нарушающие установленный законом или иным нормативным актом порядок создания, выдачи либо заверения официальных документов, предоставляющих права или освобождающих от обязанностей. Кроме того, к незаконному обороту следует относить и использование документов частного характера, например, гражданско-правовых договоров, справок и др., ввиду того, что они либо сами способны предоставлять права или освобождать от обязанностей, либо выступают необходимым условием для получения официального документа [1, с. 153]. К числу противоправных деяний, образующих незаконный оборот документов, относятся:

– приобретение или сбыт официальных документов, предоставляющих права или освобождающих от обязанностей (ст. 324 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ));

– похищение, уничтожение, повреждение или сокрытие официальных документов (ч. 1, 2 ст. 325 УК РФ);

– подделка официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, в целях его использования или сбыт такого документа (ч. 1, 2 ст. 327 УК РФ);

– приобретение, хранение, перевозка в целях использования или сбыта либо использова-

ние заведомо поддельных паспорта гражданина, удостоверения или иного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей (ч. 3 ст. 327 УК РФ);

– использование заведомо подложного документа, за исключением случаев, предусмотренных ч. 3 ст. 327 УК РФ (ч. 5 ст. 327 УК РФ) [3].

Исследование статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ (формы № 11.1, 11.2) за период с 2020 по 2023 г. [2] позволило сделать следующие выводы о социально-демографических признаках осужденных по ст. 324 УК РФ (всего в данный период было осуждено 142 человека):

1. Пол. Чаще всего совершают рассматриваемые противоправные деяния мужчины. В 2020 г. было привлечено к ответственности 42 мужчины / 1 женщина; в 2021 г. — 40 мужчин / 3 женщины; в 2022 г. — 24 мужчины / 5 женщин; в 2023 г. — 22 мужчины / 5 женщин.

2. Возраст. Примечательно, что наибольшее количество осужденных за приобретение или сбыт официальных документов, предоставляющих права или освобождающих от обязанностей, составляют лица в возрасте 30–49 лет (76 человек, или 53 %), а также в возрасте свыше 50 лет (46 человек, или 32 %).

3. Гражданство и место жительства. Исследуемые противоправные деяния совершаются зачастую гражданами РФ, имеющими постоянное место жительства.

4. Образование. Как правило, осужденные по ст. 324 УК РФ имеют среднее профессиональное (60 человек, или 42 %), высшее (34 человека, или 24 %) или среднее общее образование (30 человек, или 21 %).

5. Род занятий. Преобладают в анализируемой сфере трудоспособные осужденные без постоянного источника дохода (76 человек, или 54 %), а также рабочие (44 человека, или 31 %).

Отметим, что из общего количества осужденных по ст. 324 УК РФ в период с 2020 по 2023 г. лишь 6 человек (4 %) совершили рассматриваемые противоправные деяния в состоянии алкогольного опьянения и 21 человек (15 %) имел неснятую или непогашенную судимость на момент совершения преступления.

Подобный анализ социально-демографических признаков осужденных проводился и по ст. 325 УК РФ (всего в исследуемый период было осуждено по ч. 1 — 112 человек, по ч. 2 — 564 человека, по ч. 3 — 0 человек):

а) пол. Чаще всего совершают рассматриваемые противоправные деяния мужчины. В 2020 г. было привлечено к ответственности 178 мужчин / 43 женщины; в 2021 г. — 141 мужчина / 34 женщины; в 2022 г. — 123 мужчины / 37 женщин; в 2023 г. — 99 мужчин / 21 женщина;

б) возраст. Наибольшее количество осужденных за похищение, уничтожение, повреждение или сокрытие официальных документов составляют лица в возрасте 30–49 лет (396 человек, или 59 %). Примечательно, что примерно одинаковым выступает показатель количества осужденных среди следующих возрастных групп: 18–24 лет (88 человек, или 13 %), 25–29 лет (94 человека, или 14 %), старше 50 лет (90 человек, или 13,3 %);

в) гражданство и место жительства. Исследуемые противоправные деяния совершаются зачастую гражданами РФ, имеющими постоянное место жительства;

г) образование. Осужденные по ст. 325 УК РФ имеют среднее профессиональное (275, или 41 %), среднее общее (240 человек, или 35 %) или основное общее, начальное образование или его нет (117 человек, или 17 %);

д) род занятий. Преобладают в анализируемой сфере трудоспособные осужденные без постоянного источника дохода (435 человек, или 64 %), а также рабочие (155 человек, или 23 %).

Подчеркнем, что из общего количества осужденных по ст. 325 УК РФ в период с 2020 по 2023 г. 243 человека (36 %) совершили рассматриваемые противоправные деяния в состоянии алкогольного опьянения и 336 человек (50 %) имели неснятую или непогашенную судимость на момент совершения преступления.

Согласно статистическим данным, в сфере незаконного оборота документов преобладают осужденные по ст. 327 УК РФ. Так, в период с 2020 по 2023 г. было осуждено: по ч. 1 — 1144 человека, по ч. 2 — 413 человек, по ч. 3 — 26 305 человек, по ч. 4 — 67 человек, по ч. 5 —

11 107 человек (всего 39 036 человек). Анализ социально-демографических признаков позволил выявить следующие особенности:

1. Пол. Зачастую совершают рассматриваемые противоправные деяния мужчины. В 2020 г. были привлечены к ответственности 6881 мужчина / 1129 женщин; в 2021 г. — 8916 мужчин / 898 женщин; в 2022 г. — 9628 мужчин / 1415 женщин; в 2023 г. — 8871 мужчина / 1298 женщин.

2. Возраст. Наибольшее количество осужденных за подделку, изготовление или оборот поддельных документов составляют лица в возрасте 30–49 лет (19 023 человека, или 49 %). Однако высок анализируемый показатель и среди молодежи. Так, в возрасте 18–24 лет было осуждено 9189 человек (23 %), а 25–29 лет — 7472 человека (19 %).

3. Гражданство и место жительства. Исследуемые противоправные деяния совершаются зачастую гражданами РФ, имеющими постоянное место жительства, однако и количество осужденных лиц, являющихся гражданами СНГ (кроме РФ), также является достаточно большим — 18 196 человек (47 %).

4. Образование. Осужденные по ст. 327 УК РФ имеют среднее общее (18 663 человек, или 48 %) или среднее профессиональное образование (12 796, или 33 %).

5. Род занятий. Преобладают в анализируемой сфере трудоспособные осужденные без постоянного источника дохода (21 712 человек, или 56 %), а также рабочие (10 520 человек, или 27 %).

Необходимо отметить, что из общего количества осужденных по ст. 327 УК РФ в период с 2020 по 2023 г. лишь 129 человек (0,3 %) совершили рассматриваемые противоправные деяния в состоянии алкогольного опьянения и 2945 человек (7 %) имели неснятую или непогашенную судимость на момент совершения преступления.

Исходя из проведенного анализа, можно выделить типичную социально-демографическую характеристику лиц, совершающих преступления в сфере незаконного оборота документов (ст. 324, 325, 327 УК РФ): мужчина без постоянного источника дохода, в возрасте от 30 до 49 лет, имеющий постоянное место жительства, среднее профессиональное или среднее общее образование, а также гражданство РФ (подделку, изготовление или оборот поддельных документов также довольно часто осуществляют лица, являющиеся гражданами СНГ). Кроме того, необходимо отметить, что похищение, уничтожение, повреждение или со-

крытие официальных документов зачастую совершаются лицами в состоянии алкогольного опьянения (36 %) либо лицами, имеющими неснятую или непогашенную судимость на момент совершения преступления (50 %).

Думается, что подобный портрет наблюдается вследствие социально-экономических причин. Учитывая то, что лица, совершающие преступления в исследуемой сфере, имеют зрелый возраст, но при этом не нашли постоянного источника дохода и образование не позволяет им устроиться на высокооплачиваемую работу, то самым легким способом обогащения и получе-

ния прав или освобождения от обязанностей выступает либо похищенный или приобретенный официальный документ, либо официальный документ, который был видоизменен (подделан) необходимым образом. Таким образом, проведенный анализ причин и социально-демографических характеристик осужденных в исследуемой сфере может способствовать созданию комплекса как общесоциальных, так и специально-криминологических мер, позволяющих наиболее эффективно осуществлять предупреждение преступлений в области незаконного оборота документов.

Литература

1. Булгакова В. Р. Подделка и использование заведомо подложного гражданско-правового договора: межотраслевой подход к квалификации // Алтайский юридический вестник. 2021. № 3 (35). С. 151–155.
2. Данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о состоянии судимости в России за 2020–2023 гг. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 10.04.2024).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63–ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

К ВОПРОСУ О ПРОФИЛАКТИКЕ НАРКОТИЗМА В СРЕДЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)

И. Н. Заварькин,

кандидат юридических наук

Сибирский юридический институт МВД России

Дети — это будущее любого государства. От того, какое новое поколение мы воспитаем, зависит дальнейшее существование и развитие нашей страны. Наркотизм среди несовершеннолетних и молодежи является крайней формой проявления их аддиктивного поведения, которое ведет к такому заболеванию, как наркомания.

Статистические данные наркопреступности в России в 2023 г. демонстрируют существенный рост распространения синтетических наркотиков, который в основном происходит в молодежной среде [6]. Данный вид одурманивающих веществ вызывает быстрое и сильное привыкание, влечет тяжкие последствия для здоровья населения, а также негативные тенденции, связанные с преступностью.

Несмотря на то что, по сведениям Министерства здравоохранения Российской Федерации, количество несовершеннолетних, употребляющих наркотики, за последние 5 лет снизилось на 20 %, вопросы, связанные с профилактикой наркотизма в подростковой и молодежной среде, остаются актуальными [2; 3, с. 26].

Действующая Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 г. ставит перед обществом, институтами России и правоохранительными органами конкретные задачи по снижению наркотизма населения. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733 мерами профилактики и раннего выявления незаконного потребления наркотиков в т. ч. являются:

– развитие инфраструктуры, форм и методов первичной профилактики незаконного потребления наркотиков, в т. ч. совершенствование педагогических программ и методик профилактики противоправного поведения несовершеннолетних и включение таких программ и методик в электронные образовательные ресурсы, расширение практики использования универсальных педагогических методик (тренинг, проектная деятельность и другие методики);

– организация сотрудничества со средствами массовой информации по вопросам антинаркотической пропаганды, направленного на повышение уровня осведомленности граждан, в первую очередь несовершеннолетних и их родителей (законных представителей), о рисках, связанных с незаконным потреблением наркотиков, и последствиях такого потребления [4].

В Красноярском крае в 2023 г. было выявлено 4131 (+1,1 % к аналогичным показателям предыдущего года (АППГ)) преступление, связанное с незаконным оборотом наркотиков, более половины из которых связаны со сбытом наркотиков (всего 2550, +2 % к АППГ).

Организованы и проведены оперативно-профилактические мероприятия «Мак», «Сообща, где торгуют смертью», межведомственная комплексная оперативно-профилактическая операция «Дети России — 2023», федеральная комплексная оперативно-профилактическая операция «Канал — Перехват», а также Месячник антинаркотических мероприятий, приуроченных к Международному дню борьбы с наркоманией, конкурс антинаркотической рекламы «Спасем жизнь вместе», спортивные соревнования и ряд других.

В целях профилактики правонарушений несовершеннолетних, в т. ч. связанных с незаконным оборотом наркотиков и их потреблением, проведено 5576 рейдов и мероприятий.

Проверено 1218 мест массового пребывания несовершеннолетних и молодежи. В результате выявлено 32 преступления, связанных с незаконным оборотом наркотиков, из незаконного оборота изъято 14,6 кг различных видов подконтрольных веществ, из них 13,8 кг — растительного происхождения, 663 г — синтетических наркотиков и 88 г — опийной группы. При отработке сообщений выявлено 118 административных правонарушений в сфере незаконного оборота наркотиков.

Всего за 2023 г. сотрудниками полиции совместно с представителями органов образования и здравоохранения с учащимися образовательных организаций проведено 24 544 инфор-

мационно-пропагандистских мероприятия (лекции и беседы на правовые темы, брифинги, круглые столы), в т. ч. по предупреждению алкоголизма и наркомании, с их родителями — 2384 [5].

Несмотря на реализованные в Красноярском крае мероприятия по профилактике правонарушений несовершеннолетних и наркотизма в подростковой среде, проблемными представляются вопросы предупреждения потребления наркотиков молодежью. Студентов и молодых жителей региона, не проживающих с родителями и употребляющих наркотики, выявить сложно. Как правило, они попадают в поле зрения субъектов оперативно-розыскной деятельности и становятся фигурантами соответствующих разработок с целью их привлечения к уголовной ответственности.

По нашему мнению, именно в среде молодежи следует проводить профилактические мероприятия, направленные на снижение правонарушений и уровня наркотизма.

Так, Антинаркотическим волонтерским движением Красноярского края с 1 апреля по 31 октября 2024 г. реализуется конкурс по выявлению незаконной рекламы распространения психоактивных веществ «Наркоконтроль», в котором могут принять участие жители региона в возрасте от 14 до 35 лет. Суть его заключается в фотографировании подобной рекламы и отправке в специальный чат-бот мессенджера Telegram. Вся полученная информация будет направлена в компетентные органы Красноярского края для реагирования.

С 2015 г. в регионе функционирует добровольная народная дружина «Антидилер» (далее — ДНД), которая является одной из самых эффективных в выявлении и пресечении преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Многие из ее членов — представители молодежи. Помимо вышеуказанной деятельности, ДНД занимается просвещением учащихся школ, образовательных организаций высшего и среднего образования, проводит с ними занятия, рассказывает о вреде употребления наркотиков, о социальных и правовых последствиях их незаконного оборота.

При ДНД работает «Школа дружинников», в которой проводятся мастер-классы по традиционной и цифровой криминалистике, ознакомлению с навыками проведения судебной экспертизы, сбору доказательств на месте преступления и выявлению подозреваемых. Участники также изучают основы правовой грамотности.

В 2023 г. дружинниками ДНД «Антидилер — Красноярск» совместно с ФСБ, транс-

портной полицией и отделами наркоконтроля Красноярска и Красноярского края изъято более 32 кг наркотических веществ. Для этого обработано 156 сигналов от подписчиков группы в социальной сети «ВКонтакте» и жителей региона. Также по полученным сигналам проведено более 400 рейдов и проверок по выявлению нарушений в сфере торговли контрафактной алкогольной и табачной продукцией, в т. ч. продажи снюса и вейпов детям. Выявлено 278 правонарушений, выведено из оборота более 170 тыс. пачек безакцизных сигарет и более 300 электронных никотиновых устройств, опасных для жизни и здоровья. Также в 2023 г. выведен из оборота контрафактный алкоголь в количестве более 48 тыс. литров.

Совместно с ГУ МВД России по Красноярскому краю, МУ МВД России «Красноярское», Сибирским ЛУ МВД России и ФСБ России про-

ведено 78 профориентационных и патриотических встреч, спортивных мероприятий и профилактических бесед в учебных заведениях и молодёжных центрах Красноярска и Красноярского края на тему ответственности за незаконный оборот наркотиков, вреда их употребления, а также вреда употребления никотина и алкоголя [1].

По нашему мнению, в Красноярском крае проводится значительная работа по противодействию наркотизму в среде несовершеннолетних и молодежи, опыт проведения которой могли бы перенять и другие регионы России.

Большее вовлечение подростков и молодых людей в деятельность Антинаркотического волонтерского движения и добровольных народных дружин, их совместная работа с правоохранителями позволят сократить рассматриваемое негативное социальное явление.

Литература

1. Антинаркотическое волонтерское движение // Страница Антинаркотического волонтерского движения Красноярского края в социальной сети «ВКонтакте». URL: https://vk.com/avd_krsk (дата обращения: 01.04.2024).
2. Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2022 году (выдержка). URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/4905796> (дата обращения: 01.04.2024).
3. Киржанова В. В., Григорова Н. И., Бобков Е. Н. [и др.]. Состояние и деятельность наркологической службы в Российской Федерации в 2021 году: аналитический обзор. М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В. П. Сербского» Минздрава России, 2022. 202 с.
4. Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Отчет начальника ГУ МВД России по Красноярскому краю за 2023 год // Главное управление МВД России по Красноярскому краю: офиц. сайт. URL: https://24.mvd.pf/slujba/Otcheti_pered_naseleniem/Otcheti_nachalnika_GU_MVD_Rossii_po_Kras (дата обращения: 01.04.2024).
6. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2023 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://mvd.pf/reports/item/35396677/> (дата обращения: 01.04.2024).

ПРОФИЛАКТИКА КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, АНТИКОРРУПЦИОННЫЕ МЕРЫ

П. Н. Кобец,

доктор юридических наук, профессор

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России

Отдельные российские правоведы и ученые, среди которых А. В. Габов, Н. И. Гайдаенко-Шер, И. В. Глазкова и другие, полагают, что «фундамент системы противодействия корруп-

ции в Российской Федерации должен основываться на положительном зарубежном опыте противодействия коррупционным проявлениям» [5, с. 82], и с этим утверждением трудно не со-

гласиться. В то же время многие представители международного сообщества, как, например, Индия, Китай, Бразилия, уже с середины прошлого столетия предпринимают активные шаги по поиску способов решения, снижения в своих странах коррупционных проявлений, и к этому необходимо стремиться и нам [9, с. 560].

Анализ зарубежного опыта противодействия рассматриваемым преступным проявлениям позволяет выделить ряд государств, в которых мероприятия, противодействующие коррупционным проявлениям, наиболее результативны. В частности, это «такие страны, как Китай, Сингапур, Республика Корея, Япония, Германия, Финляндия и др.» [3, с. 82].

Так, в частности, Финляндия является страной с высоким антикоррупционным рейтингом, поскольку деятельность органов госвласти и управления этой страны направлена «на развитие гражданских институтов, обладающих серьезным уровнем развития, а также сведение вмешательства государства в экономику до минимума, принятие различных подзаконных актов, защита лиц, оказавших помощь в противодействии коррупционным проявлениям, практически полное отсутствие кастовости и высокий уровень заработной платы госслужащих» [8, с. 55]. Кроме того, в этом государстве противодействие коррупционным проявлениям отражается в «Программе по борьбе с преступлениями в экономической сфере» [1, с. 171]. Причем главный коррупционный состав в этой стране — это должностное взяточничество.

Опыт Японии по противодействию коррупции свидетельствует о том, «что отсутствие в стране специализированного законодательного акта в рассматриваемой сфере не может стать причиной решения данной проблематики. Японские законодатели придают важную ценность табу, направленному на граждан, занимающих политические, государственные и муниципальные должности» [12, с. 72]. Важнейшим японским антикоррупционным направлением, как и в ряде других государств, является политика борьбы с коррупционной преступностью. Особое внимание противодействию коррупционных проявлений «уделено Законом Японии “Об этике государственных служащих” нравственному поведению государственных служащих, кроме того, в этой стране существуют правила этики государственных служащих, в которых обозначены понятия заинтересованных лиц, а также перечисляются деяния, нарушающие этику, благодаря чему интерпретация норм в произвольной форме полностью исключена» [13, с. 35].

Нельзя не согласиться с рядом экспертов, полагающих, что многие из мер, направленных на противодействие коррупционной преступности, могут быть применены на основе изучения опыта борьбы с данным явлением в других странах. Так, в частности, возможно отменять презумпцию невиновности, используя положительный опыт борьбы с коррупцией в Гонконге. Многие столетия, «вплоть до 1974 г. в Гонконге взяточничество было традиционно и охватывало 94 % населения страны, поэтому в этой стране было реализовано три меры, которые положили начало эффективному противодействию коррупции: отмена презумпции невиновности для чиновников; создание Независимой комиссии по борьбе с коррупцией» [4, с. 89]. По мнению руководства этого государства, не устанавливая строгие меры борьбы с рассматриваемой преступностью, невозможно ее победить, поэтому чиновники лишены презумпции невиновности. В этой стране также существует законодательное закрепление правил, согласно которым чиновник либо члены его семьи, которые имеют достаточно высокий уровень жизни, должны предоставлять для специально созданных комиссий доказательства относительно законности имеющихся у них материальных и денежных средств. В противном случае их ждет суровое тюремное наказание [16, с. 45].

Также важно стремиться к тому, чтобы было как можно меньше наличных средств, а больше электронных платежей, как практикуется в большинстве государств мира, поскольку это является одной из причин коррупционной преступности [10, с. 345]. В частности, в этом отношении весьма эффективен опыт Республики Корея [7, с. 45].

Важно, чтобы чиновники были лишены неприкосновенности, как, например, в Сингапуре [2, с. 573]. В этой стране решили, что одержать победу против коррупционной преступности возможно, только ведя борьбу без всяких исключений, а также на всех государственных уровнях. Поскольку сингапурским властям было совершенно очевидно, что в том случае, если ими будут предприняты все необходимые меры борьбы с коррупцией, но не будут привлекаться к уголовной ответственности уличенные в коррупции их друзья либо родственники, то начатый антикоррупционный процесс невозможно будет довести до конца, как и победить коррупцию. Поэтому методы борьбы с коррупционными проявлениями премьер-министра Сингапура Ли Куан Ю были просты — преследовать за коррупцию всех и каждого [17, с. 323].

Однако, несмотря на предпринятые мировым сообществом серьезные усилия, направленные на уменьшение коррупционной преступности, вся эта работа не привела к серьезному и устойчивому сокращению коррупционных нарушений. Как правило, общие выводы по данному вопросу состоят в том, что многочисленные усилия, направленные на противодействие коррупционной преступности, не дали достаточных результатов во всех странах. Существующие современные оценки рассматриваемого вопроса свидетельствуют о том, что настоящих успехов в борьбе с коррупционной преступностью в виде значительного и устойчивого снижения ее уровня удалось добиться малому числу государств. Вполне возможно, что такое положение дел сложилось вследствие слабости традиционных антикоррупционных подходов. Сегодня совершенно очевидно, что по большей части продекларированные задачи борьбы с коррупционными проявлениями оказались чрезвычайно трудными для реализации во многих странах и не настолько простыми, как это еще совсем недавно казалось некоторым ученым.

В этой связи современные исследования и оценки, проводимые учеными и правоведами, анализирующими опыт и практику прошлого антикоррупционного реформирования, а также достигнутые в ходе этой деятельности положительные результаты ориентируют современных субъектов борьбы с рассматриваемой преступностью главным образом на прикладывание гораздо более существенных усилий по противодействию данному преступному явлению. Перспективные оценки антикоррупционного воздействия должны выстраиваться с учетом новых горизонтов, чтобы у практиков сложилось понимание новых подходов к борьбе с коррупционной преступностью. Для этого в дальнейшем субъектам борьбы с коррупционной преступностью свою предупредительную работу необходимо выстраивать на положительных примерах антикоррупционных мероприятий, которые имели лучшее целенаправленное воздействие, нежели чем остальные [15, с. 12].

Важно отметить, что антикоррупционные мероприятия могут иметь глобальный, региональный, национальный, субнациональный, отраслевой или учрежденческий характер. В том числе они могут также носить явный характер, в виде законов по декларированию активов, либо неявный — реформирование госслужбы. Также они могут быть автономными и реализо-

ванными в процессе разработки национальных стратегий противодействия коррупции, а также интегрированными в процесс обучения в рамках широких образовательных программ [6, с. 13]. Еще различают нисходящие либо восходящие антикоррупционные меры, а также технические, политические, внутренние и внешние. Кроме того, существуют прямые и не прямые подходы борьбы с коррупционными проявлениями. Также различают косвенные подходы, которые разрабатывают не в целях прямой борьбы с коррупционной преступностью, а для того, чтобы они способствовали снижению ее показателей. В процессе противодействия рассматриваемому феномену, на основе подобных подходов стремятся расширить доступ к образованию либо продвижению валового внутреннего продукта.

Немаловажно отметить, что большая часть антикоррупционных мероприятий направлена на устранение коррупционных детерминантов. В то же время определенная часть мероприятий направлена на изменение социальных норм и проблематики коллективных действий против роста коррупционной преступности. Примером может служить реализация подходов, направленных на поддержку этики и борьбы с коррупцией; ротация персонала, формализация экономики. Также хотелось бы отметить, что существенная роль в рассматриваемой сфере направлена на разработку и внедрение международных антикоррупционных конвенций, а также разного рода международных норм и стандартов.

Как отмечают отечественные эксперты, в настоящее время существенной мерой противодействия рассматриваемым преступным проявлениям «является разработка законодательства и усиление работы по антикоррупционной деятельности правоохранителей, в том числе усиление их оперативных возможностей по контролю» [11, с. 12], а именно требовательности к сотрудникам, которыми осуществляется борьба с этим явлением, а также «усиление индивидуально-аналитической работы, привлечение к мерам ответственности виновных лиц» [14, с. 370]. Кроме того, мероприятия по профилактике преступных проявлений должны быть направлены на формирование в сознании общества нетерпимости к коррупционным проявлениям. И чтобы достичь поставленные цели, необходимо также прибегать к антикоррупционным экспертизам нормативных правовых актов, результаты которых в обязательном порядке публиковать.

Литература

1. Акбашев О. Ф., Алексеев К. В., Беркут В. П. [и др.]. Обзор II Всероссийской научно-практической конференции «Правовое обеспечение национальной безопасности. Памяти А. А. Прохожева» (РАНХиГС, Москва, 21 апреля 2023 г.) // Транспортное право и безопасность. 2023. № 4 (48). С. 158–191.
2. Брагина М. С. Противодействие коррупции в Сингапуре // Аллея науки. 2021. Т. 2. № 12 (63). С. 571–575.
3. Гайдаенко-Шер Н. И. Формирование системы альтернативных механизмов разрешения споров: бесконфликтное общество как основа противодействия коррупции. М., 2015. 176 с.
4. Гладких В. И. Противодействие коррупции на государственной службе: учеб.-метод. пособие. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2014. 232 с.
5. Глазкова Л. В. Взаимодействие систем организованной преступности и коррупции // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 7 (104). С. 77–86.
6. Далгатова А. О. Борьба с коррупцией в частном секторе // Современное право. 2013. № 10. С. 59–61.
7. Кобец П. Н. Антикоррупционные законодательные основы Республики Корея // Международное публичное и частное право. 2023. № 3. С. 44–47. DOI: 10.18572/1812–3910–2023–3–44–47.
8. Кобец П. Н., Краснова К. А. Особенности предупреждения коррупции за рубежом // Актуальные проблемы противодействия коррупционным преступлениям: сб. мат-лов Всерос. науч.-практ. конф-ции (Хабаровск, 19 апреля 2013 г.) / под ред. Т. Б. Басовой, К. А. Волкова. Хабаровск: ООО «Издательство “Юрист”», 2013. С. 54–58.
9. Кобец П. Н. О важности совершенствования антикоррупционной деятельности // Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов: сб. мат-лов XXVI Междунар. науч.-практ. конф-ции (Москва, 22 декабря 2023 г.). М.: Печатный цех, 2023. С. 557–564.
10. Кобец П. Н. Опыт и проблемы деятельности многоцелевых антикоррупционных агентств по борьбе с коррупционными проявлениями // Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов: сб. мат-лов XXIII Междунар. науч.-практ. конф-ции (Москва, 7 сентября 2023 г.). М.: Печатный цех, 2023. С. 342–348.
11. Краснова К. А. Причины и условия коррупции в сфере спорта // ГлаголЪ правосудия. 2022. № 1 (27). С. 12–16.
12. Парфиненко И. П. Коррупция в органах государственной власти как угроза обеспечению национальной безопасности // Философия права. 2021. № 2 (97). С. 70–74.
13. Противодействие коррупции в Российской Федерации: проблемы, приоритеты, технологии / под ред. А. П. Кошкина. Вып. 3. М., 2015.
14. Роман Е. М., Юнусов С. А. Роль институтов гражданского общества в противодействии коррупции в России и уголовно-исполнительной системы РФ // Евразийский юридический журнал. 2022. № 1. С. 369–370.
15. Сидоров А. И. Коррупция как монополия: осуществима ли ее ликвидация // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2010. № 1 (14). С. 8–15.
16. Трунцевский Ю. В., Молчанова М. А. Борьба с коррупцией в Гонконге // Международное публичное и частное право. 2017. № 5. С. 42–47.
17. Шаликова Н. И. Особенности противодействия коррупции в Сингапуре // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 2–2. С. 323–324.

ВОПРОСЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НЕЗАКОННОЙ РУБКИ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ

А. С. Комаров

ОЭБиПК МО МВД России «Рубцовский»

Незаконная рубка леса на территории России является одной из проблем национального масштаба, что обуславливает актуальность темы.

Под рубкой лесных насаждений или не отнесенных к лесным насаждениям деревьев, кустарников и лиан следует понимать их спиливание, срубание или срезание, т. е. отделение различными способами ствола дерева, стебля кустарника и лианы от корня. Незаконной является рубка указанных насаждений с нарушением требований законодательства, например: рубка лесных насаждений без оформления необходимых документов; рубка лесных насаждений в объеме, превышающем разрешенный; рубка лесных насаждений с нарушением породного или возрастного состава; рубка лесных насаждений за пределами лесосеки [5].

По данным ГУ МВД России по Алтайскому краю, в нашем регионе в 2023 г. зарегистрировано 196 фактов незаконных рубок леса, в их числе и произведенные «новогодними» браконьерами. Самые неблагополучные по незаконным рубкам: Первомайский, Тальменский, Троицкий, Бийский районы, а также Барнаул в районе поселка Южный. Браконьеры активно орудовали в Рубцовском, Угловском, Михайловском и Волчихинском районах [4].

По данным Федерального агентства лесного хозяйства, объем легально заготовленной древесины в 2022 г. составил 194,6 млн кубометров. Еще 647,4 тыс. кубометров (0,33 %) было заготовлено нелегально. В том же году число случаев незаконной рубки леса достигло 11,6 тыс., ущерб составил 12 млрд рублей. Возбуждено более 7,3 тыс. уголовных дел, привлечено к ответственности более 2,2 тыс. человек [7]. Наибольшее количество нарушений выявлено в Иркутской, Амурской областях, Красноярском крае и Республике Бурятия [2].

За незаконную рубку леса предусмотрена административная или уголовная ответственность. Так, статьей 8.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) предусмотрена административная ответственность за незаконную рубку лесных насаждений. На виновное лицо

может быть наложен штраф: на граждан — в размере от 3 до 4 тысяч рублей; на должностных лиц — от 20 до 40 тысяч рублей; на юридических лиц — от 200 тысяч до 300 тысяч рублей. В случае незаконной рубки с применением механизмов, автотранспортных средств, самоходных машин и других видов техники (ч. 2 ст. 8.28 КоАП РФ) на виновное лицо может быть наложен административный штраф: на граждан в размере от 4 до 5 тысяч рублей, на должностных лиц — от 40 до 50 тысяч рублей, на юридических лиц — от 300 до 500 тысяч рублей. Кроме того, у виновного конфискуется продукция незаконного природопользования, а также орудия совершения административного правонарушения [3].

Согласно примечанию к ст. 260 УК РФ значительным размером признается ущерб, причиненный лесным насаждениям или не отнесенным к лесным насаждениям деревьям, кустарникам и лианам, исчисленный по утвержденным Правительством Российской Федерации таксам и методике, превышающий пять тысяч рублей, крупным размером — пятьдесят тысяч рублей, особо крупным размером — сто пятьдесят тысяч рублей [6].

Санкция части 1 ст. 260 УК РФ предусматривает наказание в виде штрафа в размере от пятисот тысяч до одного миллиона пятисот тысяч рублей, либо лишением свободы на срок до четырех лет со штрафом в размере от ста пятидесяти тысяч до трехсот тысяч рублей или без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового. Частью 2 и 3 той же статьи Уголовного кодекса РФ предусмотрена ответственность за совершение незаконной рубки, совершенной в крупном и особо крупном размере, лицом с использованием своего служебного положения, а также группой лиц, группой лиц по предварительному сговору и организованной группой. В качестве максимального наказания за совершение перечисленных преступлений может быть назначено лишение свободы сроком

до семи лет либо штраф до трех миллионов рублей [6].

Помимо привлечения к уголовной либо административной ответственности, совершивший незаконную рубку деревьев обязан возместить причиненный им лесному фонду ущерб, который рассчитывается в соответствии с требованиями постановления Правительства Российской Федерации от 08.05.2007 № 273 «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» [5].

Совершаются такие преступления чаще сельскими жителями для заготовки дров, строительства дворовых построек и продажи древесины. Незаконной рубкой леса занимаются официально нигде не работающие люди — этим они пытаются заработать на своё существование. Такое положение дел обуславливает существующую судебную практику, которая в основном сводится к применению в отношении подсудимых условной меры наказания с учетом их социального, имущественного и семейного положения.

Одним из способов решения вопросов, связанных с незаконной рубкой лесных насаждений, является увеличение проверки состояния лесов. Сигналы чаще всего поступают от специалистов лесной охраны, которые ежедневно патрулируют лесные массивы, а также от бдительных и смелых местных жителей. Когда они замечают в лесу самовольные порубы, сразу же сообщают в отдел обеспечения Министерства природных ресурсов, а если застают браконьеров — вызывают полицию. Вследствие чего в 2022 г. проводилось 830 тыс. проверок, что на 29 % больше, чем в 2021 г., сообщает Рослесхоз [7].

Другим решением вопроса является дистанционный мониторинг, а именно применение искусственного интеллекта и спутниковых снимков, которые обнаруживают незаконные рубки леса и транспортировку древесины. Так, например, в Алтайском крае на базе Управления уголовного розыска был создан специальный отдел по борьбе с экологическими преступлениями. Появился отдел беспилотных воздушных судов. Также постоянно проводится целый комплекс мероприятий совместно с Министерством

природы. Все это дало положительный эффект, и, согласно статистике, объем добычи «черных лесорубов» каждый год снижается: например, в 2023 г. — на 65 % в 40 регионах Российской Федерации на площади 250 млн га, по данным пресс-службы Федерального агентства лесного хозяйства [4]. В 2022 г. ущерб лесному хозяйству Алтайского края составил около 150 млн рублей, а в 2023 г. — 50 млн рублей [4].

ЛесЕГАИС — Единая государственная информационная система учета, которая проводит контроль в регионах и лесничествах, где наиболее активна рубка леса, переработка и заготовка. Инфосистема отслеживает весь путь древесины от делянки до переработки и экспорта, что сделало невозможной перевозку пиломатериалов по одному и тому же документу, например по договору аренды лесного участка [7].

Таким образом, дистанционный мониторинг инфосистемы ЛесЕГАИС и космических снимков — отличное современное решение, которое спасает российские леса от незаконной рубки.

Помимо изложенного, сегодня также необходим возврат к советской системе лесной охраны, где реализация государственной лесоохранной политики возлагалась на лесную стражу, к которой относились лесники и объездчики (например, в казенных лесах Сибири), младшие и старшие объездчики (например, в Алтайском округе). Лесники несли пешую службу, а объездчики, являвшиеся начальниками над несколькими лесниками, осуществляли объезд поднадзорной им территории на лошадях. На лесную стражу возлагались обязанности по обеспечению сохранности лесов, правильности его использования, надзору за соблюдением противопожарных правил, борьбе с лесными пожарами и т. д. Лесная стража имела и некоторые полицейские функции: так, например, могла задержать человека, который нарушил требования лесоохранного законодательства.

Важно отметить, что непривлечение лица к административной, уголовной или дисциплинарной ответственности не исключает возможности возложения на него обязанности по возмещению вреда окружающей среде, что и представляет собой реализацию гражданско-правовой ответственности.

Литература

1. Адвокат по ст. 260 УК РФ «Незаконная рубка лесных насаждений». URL: <https://advokat-krasnogorsk.ru/uslugi/zachita-po-ugolovnim-delam/ecologicheskie-prestupleniya/260-uk-rf/> (дата обращения: 03.04.2024).

2. В 40 регионах РФ площадь незаконной рубки лесов уменьшилась на 65 % в 2023 году. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19707203> (дата обращения: 03.04.2024).

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195–ФЗ (ред. от 11.03.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. На Алтае «черные лесорубы» распилили 50 млн рублей. URL: <https://www.alt.kp.ru/daily/27585/4855143/> (дата обращения: 03.04.2024).

5. Ответственность за самовольную рубку лесных насаждений. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_76/activity/legal-education/explain?item=69865330 (дата обращения: 03.04.2024).

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63–ФЗ (ред. от 23.03.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Щепки лежат: за полгода в России выявили 4,3 тыс. незаконных рубок леса. URL: <https://iz.ru/1552241/iana-shturma-ksenii-a-nabatkina-mariia-perevoshchikova/shchepki-lezhat-za-polgod-a-v-rossii-vyiavili-43-tys-nezakonnykh-rubok-lesa> (дата обращения: 03.04.2024).

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

М. А. Малетина,

кандидат юридических наук

Барнаульский юридический институт МВД России

С каждым годом количество средств индивидуальной мобильности (далее — СИМ) во всем мире стремительно растет, и наша страна не является исключением. Так, в 2018 г. в Российской Федерации реализовано более 50 тысяч единиц, в первом полугодии 2019 г. объем продаж вырос более чем в 4 раза по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [1]. Согласно данным, представленным директором Ассоциации операторов микромобильности, в 2020 г. продажи составили 145 тысяч СИМ, а в 2022 г. на рынке России было продано порядка 230 тысяч СИМ, причем 85 % из них — электросамокаты, остальные 15 % — менее популярные средства передвижения в виде электроскейтбордов, сигвеев, моноколес и гироскутеров [7].

Следует отметить, что с широким распространением СИМ, находящихся как в собственности физических лиц, так и хозяйствующих субъектов (кикшеринг), усложняется ситуация на дорогах, многократно увеличиваются риски для жизни и здоровья граждан. Так, согласно официальным статистическим данным, в период с 2018 по 2020 г. количество дорожно-

транспортных происшествий (далее — ДТП) с участием СИМ увеличилось в 8 раз. Вместе с повышением их общего числа возросло также количество погибших и раненых (в 6 и 8 раз соответственно). В 2020 г. в общей сложности зарегистрировано 331 ДТП, в которых погибли 6 и ранены 347 человек [2]. В 2021 г. зафиксировано уже 672 ДТП с участием СИМ, в результате которых погибли 20 человек, в т. ч. 1 несовершеннолетний в возрасте до 16 лет. Ранения получили 704 человека, в числе которых 133 ребенка в возрасте до 16 лет [3]. В 2022 г. количество ДТП с участием СИМ составило 941, в их результате погибли 19 человек, в т. ч. 2 несовершеннолетних в возрасте до 16 лет. Ранения получили 976 человек, в числе которых 192 ребенка в возрасте до 16 лет [4]. За 9 месяцев 2023 г. количество ДТП с участием СИМ возросло до 2647 случаев (+215,9 %), в их результате погиб 31 человек (+63,2 %), в т. ч. 3 несовершеннолетних в возрасте до 16 лет. Ранения получили 2723 человека (+213 %), в числе которых 919 детей в возрасте до 16 лет [5].

Анализ представленных статистических данных позволяет сделать вывод о том, что ава-

рийность с использованием СИМ имеет прогрессивную динамику роста. Кроме того, пострадавшими от ДТП с участием СИМ в основном является молодая часть населения — почти половину из них (42 %) по итогам 9 месяцев 2023 г. составляют лица в возрасте до 20 лет. При этом возраст наибольшего количества пострадавших (36,3%) — от 16 до 25 лет [5]. Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости разработки рекомендаций по повышению безопасности движения рассматриваемых устройств.

Обращает на себя внимание тот факт, что согласно последним изменениям, внесенным в 2022 г. в правила дорожного движения (п. 24.2(1)), лица в возрасте старше 14 лет, использующие СИМ, при соблюдении ряда условий, к которым, в частности, относится отсутствие велосипедной и велопешеходной дорожек, полос для велосипедов, тротуаров, пешеходных дорожек, обочин, могут использовать для передвижения правый край проезжей части дороги [6]. Указанное обстоятельство является причиной увеличения количества ДТП, связанных со столкновением транспортных средств и наездом на лиц, использующих СИМ.

Так, согласно официальным статистическим данным, самыми распространенными видами ДТП с участием СИМ со смертельным исходом являются наезды на СИМ:

- пересекавшие проезжую часть вне пешеходного перехода;
- двигавшиеся в попутном направлении по краю проезжей части;
- пересекавшие проезжую часть по пешеходному переходу не спешившись;
- пересекавшие проезжую часть на запрещающий сигнал светофора.

Кроме того, отдельные случаи со смертельным исходом связаны с опрокидыванием СИМ во время движения по проезжей части, тротуару или в пешеходной зоне в результате того, что водитель не справился с управлением, а также с наездом на СИМ во время его выезда с прилегающей территории.

Отдельного внимания заслуживает п. 24.3 правил дорожного движения, согласно которому движение лиц в возрасте от 7 до 14 лет, ис-

пользующих СИМ, должно осуществляться только по тротуарам, пешеходным, велосипедным и велопешеходным дорожкам, а также в пределах пешеходных зон.

Статистические данные, согласно которым тротуар, пешеходная дорожка, пешеходная зона являются наиболее распространенными объектами улично-дорожной сети, на которых регистрируются ДТП с участием СИМ (26,1 %), свидетельствуют о том, что потерпевшими в данном случае являются дети. Кроме того, незнание ими правил дорожного движения способствует увеличению ДТП с использованием СИМ на других объектах дорожной сети: регулируемых пешеходных переходах (22,8 %); перекрестках (15,0 %); выездах с прилегающей территории (13,3 %); нерегулируемых пешеходных переходах (11,9 %); внутривозрастной территории (11,3 %); регулируемых перекрестках (9,5 %); нерегулируемых перекрестках неравнозначных улиц (9,0 %). На автостоянках и нерегулируемых перекрестках равнозначных дорог ДТП с участием СИМ регистрируются немного реже — их удельный вес составляет 1,9 % и 1,3 % соответственно [5].

Анализ статистических данных, представленных Научным центром безопасности дорожного движения МВД России, позволяет сделать вывод о том, что минимизации числа происшествий с участием СИМ могут способствовать создание безопасных условий передвижения (например, специализированных полос для движения), установление обязанности ношения водителями электросамокатов и иных СИМ защитной экипировки (шлемов и светоотражающих элементов), проведение профилактических мероприятий и рейдовых операций в период активного использования СИМ. Кроме того, представляется, что основной причиной ДТП с участием СИМ, пострадавшими в результате которых становятся подростки, является их невнимательность, несвоевременное обнаружение опасности, а также отсутствие определенных знаний правил дорожного движения. В этой связи минимизации аварийности может способствовать усиление информационной и просветительской работы о рисках и мерах безопасности среди детей и их родителей.

Литература

1. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2019 год // Научный центр безопасности дорожного движения МВД России: офиц. сайт. URL: <https://xn--90aga7a7b.xn--b1aew.xn--p1ai/> (дата обращения: 03.04.2024).

2. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2020 год // Научный центр безопасности дорожного движения МВД России: офиц. сайт. URL: <https://xn--90aga7a7b.xn--b1aew.xn--p1ai/> (дата обращения: 03.04.2024).

3. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2021 год // Научный центр безопасности дорожного движения МВД России: офиц. сайт. URL: <https://xn--90aga7a7b.xn--b1aew.xn--p1ai/> (дата обращения: 03.04.2024).

4. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2022 год // Научный центр безопасности дорожного движения МВД России: офиц. сайт. URL: <https://xn--90aga7a7b.xn--b1aew.xn--p1ai/> (дата обращения: 03.04.2024).

5. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 9 месяцев 2023 года // Научный центр безопасности дорожного движения МВД России: офиц. сайт. URL: <https://xn--90aga7a7b.xn--b1aew.xn--p1ai/> (дата обращения: 03.04.2024).

6. О правилах дорожного движения (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 02.06.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Продажи средств индивидуальной мобильности в 2022 году выросли почти в два раза. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17151691> (дата обращения: 03.04.2024).

К ВОПРОСУ О ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В. В. Мальченкова,

кандидат педагогических наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России;

Е. В. Мальченков,

кандидат педагогических наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

Рассмотрение такого аспекта, как преступность несовершеннолетних, является базовым и необходимым в рамках проведения государственной политики Российской Федерации, поскольку те лица, которые на данный момент являются несовершеннолетними, уже либо вовлечены в преступную деятельность, либо предпринимают подобные попытки, стремясь вести образ жизни, близкий к криминальному, могут совершать более общественно опасные преступления в будущем, ведь их взгляд на мир, моральные и этические качества оказываются абсолютно не соответствующими объективной действительности, что в итоге полностью меняет мировоззрение человека.

Количество совершенных несовершеннолетними преступлений в 2022 г. уменьшилось на 4,4 % и составило 30,5 тыс. против 31,9 тыс. случаев в 2021 г. С 3,1 % до 2,9 % в 2022 г. сни-

зилась доля уголовно наказуемых деяний подростков в общей структуре преступности [2].

За последние 10 лет (2012–2022 гг.) число уголовно наказуемых деяний, совершенных подростками, сократилось более чем в два раза (с 64,3 тыс. до 30,5 тыс.). При этом тенденция к их снижению (–9,4%, с 21,8 тыс. до 19,7 тыс.) сохранялась и в 2023 г.

На фоне снижения подростковой преступности более чем в полтора раза увеличилось число особо тяжких противоправных деяний, среди которых преобладают правонарушения, связанные со сбытом наркотиков путем их закладок, с диверсиями и насильственными преступлениями [1].

Преступность несовершеннолетних, как уже было определено ранее, является достаточно уникальным явлением, которое изучается такой наукой, как криминология. Преступник, а именно несовершеннолетнее лицо, имеет ряд

отличительных особенностей от иных субъектов преступной деятельности, важнейшей из которых является возраст. Именно эта характеристика преступника определяет целый комплекс элементов для исследования по данному вопросу, поскольку от указанного критерия во многом зависит и характер преступного деяния, совершенного таким лицом [4, с. 157].

Обратим внимание, что употребление термина «преступность несовершеннолетних» является не вполне корректным, о чем говорится в различных литературных источниках, поскольку само по себе употребление данной дефиниции указывает на то, что одним из свойств такой группы, как несовершеннолетние, является совершение преступлений, что вполне обоснованно вызывает некоторые сомнения, т. к. «бросает тень» на абсолютно каждого подростка, а это, разумеется, несправедливо.

Так, подростковая преступность прежде всего важна для исследования, поскольку совершение преступлений в несовершеннолетнем возрасте приводит к значительной деформации такой личности, что влечет продолжение совершения преступлений уже в зрелом возрасте, т. е. увеличение количества преступников [5, с. 157].

Так, В. Е. Эминов выделяет следующие признаки преступности несовершеннолетних [4, с. 336–337]:

1) преступления совершаются в отношении близких родственников и близких лиц;

2) преступления относятся к уличным, могут быть квалифицированы в качестве хулиганства;

3) большая часть совершаемых несовершеннолетними преступлений приходится на ночное время;

4) преобладает групповая преступность;

5) в преступной группе может иметь место наличие неформального лидера — лица, как правило, являющегося совершеннолетним, имеющим корыстный умысел на совершение преступлений;

6) преступления, совершенные несовершеннолетними, в основном в отношении представителей этой же возрастной группы, отличаются неоправданной жестокостью, поскольку подобные преступления, как правило, носят «статусный» характер, т. е. совершаются с целью утвердиться в определенной социальной роли.

Важно понимать, что несовершеннолетнее лицо, совершившее преступление, имеет серьезные отличия от совершеннолетнего, которые заключаются в психической и эмоциональной

неустойчивости, отсутствии плана действий преступления, что, как правило, определяется внезапно возникшим умыслом на совершение преступления [5, с. 158].

Преступления несовершеннолетних зачастую обладают существенной эмоциональной окраской, т. е., как правило, совершаются из-за обиды, зависти, желания отомстить или утвердить свой персональный статус в определенной группе, либо среди одноклассников, либо друзей во дворе.

Однако не стоит забывать и об иных видах детерминантов преступного поведения несовершеннолетних. Одним из таких можно назвать окружающую его среду, социальную сферу.

Если первым этапом социализации личности является семья, то последующими будут школа, университет, друзья, товарищи по секциям и кружкам, преподаватели и т. д.

В случае если несовершеннолетний попадет под негативное влияние сверстников, учеников старших классов или и вовсе взрослой личности, существует возможность появления негативных последствий для психики, что в итоге будет выражено в совершении противоправных деяний [6, с. 82].

Временной промежуток, приходящийся на процесс школьного обучения несовершеннолетнего лица, совпадает с наиболее серьезными психическими и физиологическими изменениями для подростка. Если ранее беспрекословным авторитетом пользовались родители или учителя, то в возрасте 12–14 лет все полностью меняется [5, с. 156]. Подросток ищет авторитет среди представителей «школьной элиты» или других взрослых, которые чаще всего зарабатывают его в процессе ухода от различных видов юридической ответственности и многократным совершением противоправных действий [3, с. 22].

Пагубное влияние окружающих, которые твердят о нормальности нелегального поведения и возможности избежать юридической ответственности за подобные действия, нелицеприятные примеры в виде членов семьи, также ведущих не вполне добропорядочный образ жизни, злоупотребляя спиртными напитками или наркотическими средствами, а также, возможно, применяющих насилие по отношению к несовершеннолетним, проживающим с ними, является своеобразным «пропуском» в мир, связанный с криминалом.

Подобное влияние, разумеется, может оказать для несовершеннолетнего губительным видом воздействия на психику и самооценку, учитывая, что некоторые психологические спо-

способности в рассматриваемом возрасте еще сформированы не до конца, например, возможность адекватно оценивать себя, способность рефлексировать и анализировать окружающую действительность.

В связи с этим обращаем внимание, что правоохранительные органы и иные субъекты государственной власти должны осуществлять пристальный надзор за подобными жизненными обстоятельствами, невольными участниками которых зачастую становятся невинные дети, которые без должного внимания в итоге и становятся несовершеннолетними преступниками.

В качестве отличительной особенности преступности несовершеннолетних многие авторы выделяют применение жестоких способов и методов совершения преступления. Данное определение не стоит путать с критерием особой жестокости, применяемым в уголовном законодательстве нашей страны, здесь речь, прежде всего, идет о моральных унижениях, насмешках, придании факта совершения преступления публичности.

Отдельного внимания заслуживает обеспечение информационной безопасности детей и противодействие вовлечению несовершеннолетних в деструктивные сообщества. Массовые убийства в российских школах (Керчь, Казань, Ижевск), жертвами которых стали десятки школьников, свидетельствуют о необходимости усиления контроля в т. ч. и за оборотом оружия. Государственные ограничения, направленные на решение данной проблемы, существенно затрудняют представителям криминального мира возможность вовлекать несовершеннолетних в совершение преступлений террористической и экстремистской направленности, в распространение наркотических средств и психотропных веществ.

Преступность несовершеннолетних — аспект, который требует максимально пристального внимания со стороны всех уровней государственной власти, а не только лишь со стороны специально уполномоченных на то субъектов.

Литература

1. В МВД обсудили рост числа особо тяжких преступлений подростков преступников. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/07/28/987335-v-mvd-obsudili-rost-chisla-osobotyazhkih-prestuplenii-sredi-podrostkov> (дата обращения: 28.02.2024).
2. В России в 2022 году отмечен рост особо тяжких преступлений с участием подростков. URL: <https://www.interfax.ru/russia/914033> (дата обращения: 28.02.2024).
3. Дикаев С. У. Преступность несовершеннолетних в отношении несовершеннолетних // Преступность несовершеннолетних и её профилактика: мат-лы межвуз. науч.-практ. конф-ции, посвящ. памяти профессора А. В. Комарницкого / под общ. ред. С. У. Дикаева. М., 2020.
4. Криминология: учебник / отв. ред. В. Е. Эминов. М.: Проспект, 2015. 368 с.
5. Кумскова И. Д. Причины и условия преступности несовершеннолетних в Российской Федерации // Молодежь и наука: шаг к успеху: сб. науч. ст. 4-й Всерос. науч. конф-ции перспективных разработок молодых ученых / отв. ред. А. А. Горохов. В 5 т. М., 2020.
6. Сибиряков С. Л. Предупреждение девиантного поведения молодежи: методологические и прикладные проблемы: монография. Волгоград: ВЮИ МВД России, 1998. 156 с.
7. Статистики подсчитали подростков-преступников. URL: <https://www.mk.ru/social/2023/12/28/statistiki-podschitali-podrostkovprestupnikov-rezultaty-uzhasnuli.html> (дата обращения: 28.02.2024).

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИЙ И ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ В КИТАЕ

С. В. Моисеев,

кандидат исторических наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

В рамках противодействия преступлениям, совершаемым в сфере телекоммуникаций в Китайской Народной Республике (далее — КНР), применяется комплексный подход, сочетающий меры по предотвращению преступной деятельности, государственный контроль, а также организацию управления телекоммуникационной сетью. Народная полиция, департаменты безопасности, бюро безопасности (далее — органы общественной безопасности) и прокуратура активно сотрудничают с государственными учреждениями и общественными организациями, обеспечивающими безопасность, и другими ведомствами в рамках реализации различных мер по пресечению преступлений, в т. ч. мошенничества в сфере телекоммуникаций, на систематической основе. Однако, по мнению генерального прокурора Верховной народной прокуратуры КНР Инь Юна, ситуация с такими преступлениями остается сложной [1].

В 2023 г. в общей сложности 51 тыс. человек были привлечены к ответственности за мошенничество в сфере телекоммуникаций, что на 66,9 % больше, чем в 2022 г. За совершение преступлений, связанных с мошенничеством в сфере телекоммуникаций, а также причастных к преступной деятельности в информационных сетях, к уголовной ответственности в КНР были привлечены 147 тыс. человек [5]. Около 75 тыс. человек были привлечены к ответственности за сокрытие преступных и незаконных доходов с использованием телекоммуникационных сетей.

Отдельной проблемой, требующей разрешения, является посягательство на личную информацию граждан, что серьезно подрывает доверие населения к государственным органам управления. Активизация деятельности специальных служб в этом направлении привела к возбуждению 8,5 тыс. уголовных дел. Мошенничество в сфере телекоммуникаций и связанные с ним преступления, по мнению китайских специалистов, являются хорошо организованными. В последние годы в КНР получили распространение различные формы мошенничества, включая клик-фермерство, услуги фиктив-

ных покупок, имитацию службы поддержки клиентов электронной коммерции, создание подложной кредитной отчетности [3]. Аферисты применяют возможности искусственного интеллекта и иные новейшие технологии, используют дипфейки для совершения шантажа.

В Законе Китайской Народной Республики о борьбе с преступлениями в сфере телекоммуникаций обозначено, что органы общественной безопасности создают и совершенствуют механизм противодействия мошенничеству в секторе телекоммуникаций через использование потенциала специальных служб и применение ими современных технологий [2]. Полиции и местным органам общественной безопасности поставлено в обязанность эффективно пресекать факты мошенничества в сфере телекоммуникаций в строгом соответствии с законом [4]. Так, орган общественной безопасности, получивший сообщение о мошенничестве или ином преступлении в сфере телекоммуникаций (технические системы передачи информации) или в интернете, а также самостоятельно установивший данный факт, должен возбудить и расследовать дело в соответствии с уголовно-процессуальным законом КНР.

Представители департаментов финансов, телекоммуникаций и управления киберпространством обязаны контролировать и проверять выполнение Закона о борьбе с преступлениями в сфере телекоммуникаций банковскими учреждениями, небанковскими платежными учреждениями, операторами телекоммуникационного бизнеса и поставщиками интернет-услуг. Сотрудники организаций, имеющие право на обработку личной информации граждан, обязаны осуществлять свою деятельность в строгом соответствии с действующими в стране законами, обеспечивать защиту личной информации и предотвращать использование личной информации в секторе телекоммуникаций и преступных махинациях. При этом соответствующие структуры, обязанные защищать личную информацию, концентрируют внимание на максимальном ограничении доступа к сведениям, со-

браным в ходе предоставления логистических, торговых, кредитных, медицинских, образовательных и других услуг, которые могут быть использованы в преступных целях [2].

В ходе разбирательства по делам об онлайн-мошенничестве в телекоммуникациях и интернете органы общественной безопасности занимаются поиском точек раскрытия источников конфиденциальной информации, используемой в преступных схемах, с последующим привлечением виновных физических или юридических лиц к ответственности в соответствии с законом.

Операторы телекоммуникационного бизнеса, банковские учреждения, небанковские платежные учреждения и провайдеры интернет-услуг организуют профилактику правонарушений и преступлений в сфере телекоммуникаций и онлайн-мошенничества среди своих сотрудников и пользователей, информируют абонентов о новых случаях мошенничества в рамках своего бизнеса, а также предупреждают о юридической ответственности за незаконную торговлю, аренду сайтов, выдачу кредитов, карт, регистрацию счетов и т. п., которые могут использоваться для совершения преступлений.

Каждое юридическое или физическое лицо вправе сообщить о мошенничестве в сфере телекоммуникаций и интернете. Соответствующие ведомства обязаны своевременно принять меры по изучению полученной информации в соответствии с законом, а также обеспечить вознаграждение и безопасность источника, предоставившего достоверные сведения.

Все юридические и физические лица не имеют право незаконно продавать, сдавать в аренду или одалживать телефонную карту, карту интернета вещей, телекоммуникационную линию, порт СМС, банковский счет, платежный счет или интернет-счет и т. д. или оказывать помощь в проверке настоящего имени [6]. Также ни одно юридическое или физическое лицо не может подавать заявку на получение какой-либо из вышеупомянутых карт или счетов, выдавая себя за другое лицо или фабрикуя агентские отношения [2].

Для юридических и физических лиц, совершивших деяния, указанные в предыдущем пункте, при подтверждении органами общественной безопасности уровня городов и районов, а также для физических лиц, подвергнутых уголовному наказанию за участие в мошенничестве в сфере телекоммуникаций и интернета или связанных с ним преступлений, соответствующая информация может быть записана в их кредитных историях. В соответствии с действующими

в КНР законами против них могут быть приняты соответствующие меры в виде ограничения функций их карт и счетов, приостановки предложений по услугам, введение лимитированного доступа в интернет. Заинтересованные физические или юридические лица, несогласные с принятыми мерами, имеют право на ходатайство по существу решения. Конкретные меры для разрешения таких ситуаций предусмотрены департаментом общественной безопасности при Госсовете КНР.

Для поддержки операторов телекоммуникационного бизнеса, банков, небанковских платежных организаций и поставщиков интернет-услуг государство гарантирует содействие в научных исследованиях и разработках технологий борьбы с преступлениями в сфере телекоммуникаций и онлайн-мошенничеством для последующего мониторинга, выявления, блокирования и устранения опасного контента.

Департамент общественной безопасности Государственного совета, а также государственные органы КНР, контролирующие финансовую систему телекоммуникации и киберпространство страны, координируют разработку технических контрмер в своих секторах ответственности, организуют обмен информацией и данными о фактах телекоммуникационного и онлайн-мошенничества, проводят перекрестную проверку подозрительной пользовательской информации, создают условия для функционирования механизмов мониторинга, выявления и эффективной нейтрализации источника распространения опасной информации [2].

В настоящее время в КНР развивается национальная служба онлайн-аутентификации личности. Государство поощряет добровольное использование этой услуги отдельными лицами и предприятиями. Операторы телекоммуникационного бизнеса, банковские учреждения, небанковские платежные организации и поставщики интернет-услуг могут повторно подтвердить личность пользователей через национальную службу аутентификации личности в онлайн-сети. Это происходит после обнаружения подозрительных телефонных карт, банковских счетов, платежных счетов или учетных записей в интернете, а также выявления подозреваемых в мошенничестве.

Органы общественной безопасности совместно с департаментами финансов, телекоммуникаций и управления киберпространством контролируют деятельность банков, небанковских платежных учреждений, операторов телекоммуникационного бизнеса, провайдеров интернет-услуг в рамках функционирования си-

стемы оповещения и сдерживания. Эти структуры принимают соответствующие меры в зависимости от различных обстоятельств для предупреждения об угрозах потенциальных жертв мошенничества.

Органы государственной власти, обладающие полномочиями в области иммиграционной политики, в определенных ситуациях имеют право на принятие решения о запрете на выезд из КНР лица, которое находится в регионе, где зафиксировано большое число преступлений и правонарушений, зафиксированных в сфере телекоммуникаций и интернет-пространстве, а также находится под подозрением в связи совершаемыми такого рода преступлениями.

Органы общественной безопасности городского уровня могут запретить выезд из Китая лицу, подвергнутому уголовному наказанию за мошенничество в сфере телекоммуникаций и в интернете, на срок от шести месяцев до трех лет. Лица, организующие, подготавливающие, совершающие или являющиеся соучастниками совершения данного вида преступлений, подлежат уголовной ответственности в соответствии с законом КНР. При этом лица, совершившие вышеназванное деяние, при отсутствии состава преступления задерживаются органами общественной безопасности на срок не менее 10 и не более 15 дней, незаконные доходы конфискуются. Далее следует наложение штрафа не менее одного и не более десятикратного размера незаконных доходов; в случае отсутствия незаконных доходов или если незаконные доходы составляют менее 10 000 юаней, лицо подлежит штрафу на сумму не более 100 000 юаней [2]. При неиспользовании оператором телекоммуникационного бизнеса механизмов внутреннего контроля против мошенничества в сфере телекоммуникаций, предусмотренных соответствующими государственными нормативными актами; неспособности осуществлять регистрацию настоящего имени пользователей телефонных карт или карт интернета вещей; невыполнении обязанностей по мониторингу или идентификации телефонных карт или карт интернета вещей, предупреждению или принятию соответствующих мер по утилизации; неспособности провести оценку рисков для пользователей карт интернета вещей или неспособности ограничить функции, сценарии или применение оборудования для карт интернета вещей; непринятии мер по отслеживанию или борьбе с поддельными номерами, ложными вызовами или использованию незаконного оборудования с аналогичными

функциями соответствующий специальный отдел обязывает его исправить ситуацию и наложить на него предупреждение, циркуляр с критикой или штраф от 50 000 до 500 000 юаней, если обстоятельства незначительны. В ситуации, когда обстоятельства считаются серьезными, налагается штраф от 500 000 до 5 миллионов юаней. Кроме того, возможно приостановление соответствующей деятельности или полное ее прекращение до исправления ситуации. Также применяется отзыв разрешения на ведение бизнеса или лицензии на ведение бизнеса с наложением штрафа от 10 000 юаней до 200 000 юаней на непосредственных ответственных лиц [2].

Таким образом, противодействие мошенничеству в сфере телекоммуникаций в Китае имеет комплексный характер и базируется на детально разработанном законодательстве. Внимание государственных структур, связанных с обеспечением общественной безопасности, сосредоточено на таких ключевых областях, как защита личной информации граждан, контроль управления сим-картами и банковскими картами, на корпоративных обязательствах по борьбе с данным видом мошенничества. В качестве мер противодействия преступной деятельности в сфере телекоммуникаций и интернет-пространства применяются: санкционирование арестов, судебное преследование, судебное разбирательство. Активизация усилий органов общественной безопасности и прокуратуры КНР в настоящее время направлена на борьбу с транснациональным мошенничеством в сфере телекоммуникаций.

В рамках дальнейшего развития противодействия преступлениям в сфере телекоммуникаций и интернет-пространстве в КНР планируется проведение исследований и создание специализированных групп, постоянное совершенствование и применение моделей юридического надзора за большим объемом данных, интенсификация пропагандистской работы с использованием конкретных примеров для разъяснения законов. Предполагается продолжение интегрированной работы по возвращению активов и уменьшению ущерба в рамках судебных процессов с использованием системы снисхождения в случаях признания вины для минимизации экономических потерь, понесенных потерпевшими. Отдельным направлением в борьбе с мошенничеством в сфере телекоммуникаций и в интернете в Китае является международное сотрудничество.

Литература

1. Вичат Вейбо. В 2023 году в Китае будут привлечены к ответственности более 50 000 человек за телекоммуникационное и онлайн-мошенничество. 微信微博。到2023年，中国将有超过5万人因电信和网络诈骗而被起诉 URL: <https://en.spp.gov.cn/index.html> (дата обращения: 23.01.2024).
2. Закон Китайской Народной Республики о борьбе с телекоммуникациями и онлайн-мошенничеством. 中华人民共和国打击电信网络诈骗法 URL: https://en.spp.gov.cn/2022-09/02/c_948415.htm (дата обращения: 16.02.2024).
3. Клик-фермы: тысячи лайков из ниоткуда. URL: <https://botfaqtorg.ru/blog/click-farms-thousands-of-likes-from-nowhere/> (дата обращения: 12.02.2024).
4. Министерство общественной безопасности КНР. URL: <https://specsluzhby-all.ru/china/mob-china/> (дата обращения: 16.02.2024).
5. Минсян Лю. Китайская система соучастия в преступлении как монистическая система. URL: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/15153/1/09-Liu%20Ming%20Xiang.pdf> (дата обращения: 16.03.2024).
6. Связь всего: Китай и Интернет вещей. URL: <https://prc.today/svyaz-vsego-kitaj-i-internet-veshhej-chast-2/> (дата обращения: 16.03.2024).

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШТАБНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МВД РОССИИ В СФЕРЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ КРИМИНОГЕННОЙ СИТУАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ОБСЛУЖИВАНИЯ

Т. Н. Обьедкова

ГУ МВД России по Алтайскому краю

Указом Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» определено, что основные направления государственной политики в сфере внутренних дел формируются на основе анализа и прогнозирования состояния преступности, положения дел в области охраны общественного порядка и собственности, обеспечения общественной безопасности, миграционных процессов [6]. Исходя из указанного полномочия, прогнозно-аналитическая деятельность в органах внутренних дел рассматривается как одно из ключевых направлений работы, обеспечивающих выработку эффективных управленческих решений, для реализации функции управления.

В теории управления существует несколько подходов к дефиниции прогнозирования, но большинство авторов применительно к системе

органов внутренних дел выделяют её как особый вид профессиональной деятельности, связанный с научным исследованием перспектив (прошлых тенденций) развития каких-либо явлений.

Ряд авторов, таких как Г. А. Аванесов, Ю. Д. Блувштейн, М. П. Клейменов, приводят различные определения криминологического прогнозирования, в целом понимая под ним повторяющийся непрерывный процесс научного предвидения и указывая в качестве элементов криминологического прогнозирования, раскрывающих его содержание, данные о будущем состоянии, тенденциях, закономерностях развития преступности, личности преступника, детерминантах преступности, мерах борьбы с преступностью.

Наиболее точное определение, на наш взгляд, дает В. В. Лунеев, по мнению которого, криминологическое прогнозирование представляет собой научное предсказание основных изменений (тенденций) развития преступности или вероятности совершения уголовно наказуе-

мых деяний конкретными лицами в обозримом будущем, базирующееся на исследованиях, проводимых научными и практическими сотрудниками [4, с. 801].

Криминологическое прогнозирование, как и любой другой управленческий процесс, имеет свои цели, задачи, виды, этапы. Многие авторы в качестве базовой цели прогнозирования указывают минимизацию неопределенности и выбор наиболее точного (наилучшего) варианта развития события для решения конкретной задачи. В свою очередь, основная задача криминологического прогнозирования, характеризуемого Г. А. Аванесовым как «саморазрушающий, самопроверяющийся процесс» [1, с. 52], состоит в том, чтобы на основе выявленных тенденций и закономерностей будущего изменения преступности определить наиболее важные и эффективные пути борьбы с правонарушениями в прогнозируемом периоде [1, с. 37].

Поскольку прогнозирование не только предполагает предвидение развития криминогенной ситуации, но и выполняет функцию научно-аналитического обоснования его целей, использование результатов прогнозирования подразделениями органов внутренних дел, на наш взгляд, должно стать обязательным элементом в рамках разработки и принятия управленческих решений и, как следствие, способствовать совершенствованию процесса принятия управленческих решений.

В органах внутренних дел функции анализа и прогнозирования возложены в соответствии с приказом МВД России от 26 октября 2017 г. № 808 «Об утверждении Типового положения о штабе территориального органа Министерства внутренних дел Российской Федерации» [7] на штабные подразделения как субъекты управленческой деятельности.

В системе МВД России единственным действующим нормативным правовым актом, затрагивающим вопросы прогнозирования, является приказ МВД России от 26 сентября 2018 г. № 623 «Об утверждении Инструкции по организации информационно-аналитической работы в управленческой деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» [5] (далее — Приказ № 623 или Инструкция по организации информационно-аналитической деятельности).

Согласно основным понятиям, приводимым в указанном ведомственном нормативном правовом акте, прогнозирование — это определение вероятных путей и результатов предстоящего развития явлений и процессов, оценка пока-

зателей, характеризующих эти явления и процессы в будущем.

Криминологическое прогнозирование закреплено Приказом № 623 как один из этапов проведения анализа оперативной обстановки. Вместе с тем приказ не раскрывает содержания криминологического прогнозирования, ограничившись общим понятием прогнозирования, формулировкой задачи прогнозирования состояния оперативной обстановки, перечнем видов прогнозов по одному критерию (периоду прогнозирования) и перечислением трех базисных методов.

Кроме того, Приказ № 623 не содержит положений, касающихся объектов криминологического прогнозирования, к которым, по нашему мнению, можно отнести преступность, ее отдельные виды и группы в определенной ситуации; наиболее вероятные варианты развития криминологической ситуации под влиянием комплекса детерминирующих факторов; вероятностные криминологические характеристики преступника в разрезе его типов по направлениям криминальной деятельности и уровню криминогенного воздействия, а также потерпевшего; группы риска; социальные последствия преступности и др.

Также Инструкцией по организации информационно-аналитической работы не определены этапы криминологического прогнозирования, хотя в теории существует несколько подходов к выделению этапов (фаз) прогнозирования. Например, О. А. Котельникова отмечает три фазы прогнозирования: первичное (выводятся ожидаемые тенденции преступности и указываются детерминанты, определяющие эти тенденции), вторичное (определяются мероприятия по устранению, ослаблению или нейтрализации криминогенных факторов, а также по активизации антикриминогенных), а также коррекции первичного прогноза (формируется предположение об ожидаемом управленческом эффекте) [3, с. 9].

Иные авторы к этапам криминологического прогнозирования относят этапы, которые, на наш взгляд, характерны для предпрогнозной работы (определение целей, задач, гипотез, сбор данных о процессах и явлениях, определяющих направления развития преступности) и отнесены Приказом № 623 к первому и второму этапам поведения анализа оперативной обстановки.

Приказом № 623 предусмотрено, что прогнозирование состояния оперативной обстановки должно давать возможность представить вероятные изменения ее состояния на предстоящий период и на этой основе разработать

и осуществить необходимые меры предупредительного характера, нацеленные на нейтрализацию (ослабление действия) криминогенных факторов. Несмотря на это, положения Инструкции по организации информационно-аналитической работы, закрепившие, что осуществление криминологического прогнозирования осуществляется при необходимости (т. е. носит необязательный характер), практически нивелируют роль прогнозирования в аналитической деятельности в целом.

На наш взгляд, указанные пробелы положений Приказа № 623 и отсутствие отдельных руководящих документов по организации работы в сфере криминологического прогнозирования негативным образом влияют на результаты деятельности штабных подразделений как подразделений управления.

Как показывает практика, в территориальных органах внутренних дел криминологическое прогнозирование реализуется только в рамках первого (первичного) этапа прогнозирования, позволяющего выявить, какое состояние преступности следует ожидать при обычном течении событий. В основном такое прогнозирование осуществляется в виде краткосрочного прогноза (на год) штабными подразделениями на региональном уровне с доведением его результатов до структурных подразделений и территориальных органов внутренних дел на районном уровне для использования при выработке управленческих решений, подготовке предложений по направлениям деятельности для включения в план основных организационных мероприятий, подготовке аналитических документов.

Этап вторичного прогнозирования, когда оцениваются реальные возможности по осуществлению предлагаемых мер, определяется комплекс мероприятий по управленческому воздействию на преступность в конкретный отчетный период, а также этап коррекции первичного прогноза на практике штабными подразделениями не проводятся.

Зачастую в ходе проверок оперативно-служебной деятельности территориальных органов внутренних дел на районном уровне устанавливаются факты, когда при выработке управленческих решений результаты первичного прогнозирования не принимаются во внимание либо учитываются формально. Одной из причин такого подхода является низкий уровень профессиональных компетенций сотрудников штабных подразделений.

На квалификационные требования к сотрудникам, выполняющим аналитическую ра-

боту и осуществляющим прогнозирование, обращают внимание такие исследователи, как А. А. Бок и О. А. Кислый, которые указывают, что проведение анализа криминогенной обстановки — это сложный процесс, предусматривающий обработку большого объема информации и требующий соответствующей квалификации сотрудников органов внутренних дел [2, с. 16–18]. Представляется, что особое внимание при подборе кандидатов на должности сотрудников штабных подразделений необходимо уделять их квалификационным знаниям и навыкам в области информационно-аналитической деятельности, обладанию определенными качествами, такими как внимательность, стратегическое и логическое мышление и др. Вместе с тем на сегодняшний день большинство сотрудников штабных подразделений не имеют профильного образования, опыта работы, не проходят переподготовку и повышение квалификации, несмотря на то, что в образовательных организациях высшего образования системы МВД России существуют разработанные программы обучения в рассматриваемой сфере.

Наряду с указанным требует совершенствования вопрос информационного обеспечения деятельности штабных подразделений по анализу и прогнозированию. Так, Приказом № 623 для территориальных органов МВД России определены основные источники информации в информационно-аналитической работе, в числе которых, например, оперативные сводки дежурной части о происшествиях и преступлениях; статистическая отчетность о состоянии преступности, общественного порядка и результатах оперативно-служебной деятельности органа внутренних дел; сведения, содержащиеся в информационных банках данных МВД России; материалы инспектирования, контрольных и целевых проверок; материалы служебных проверок; статистические и информационные материалы судебных органов, результаты изучения судебно-следственной практики и др.

С учетом того, что прогнозирование является одним из самых сложных процессов в рамках информационно-аналитической деятельности, анализ всех источников информации для целей начальных и последующих этапов прогнозирования требует, наряду с наличием профессиональных компетенций, значительных временных затрат. Вместе с тем на сегодняшний день, несмотря на внедрение Единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности (ИСОД) МВД России, единой базы данных, аккумулирующей все источники информации и располагающей возможностями

искусственного интеллекта в аналитической работе (например, автоматическое формирование результатов анализа статистических данных, характеризующих уровень преступности, в динамике и в разрезе видов преступлений), не существует. Разработка и внедрение такого программного продукта позволит сотрудникам штабных подразделений минимизировать временные затраты на рутинные, «циклические» процессы по предпрогнозной работе, в т. ч. по сбору данных о процессах и явлениях, определяющих направления развития преступности, и способах борьбы с ней, а также акцентировать внимание на всех этапах криминологического прогнозирования и выработке по их результатам эффективных управленческих решений.

Таким образом, с учетом задач и полномочий, возложенных на органы внутренних дел, представляется, что работа по криминологическому прогнозированию в рамках информаци-

онно-аналитической деятельности должна вестись в органах внутренних дел на постоянной основе как на региональном, так и на районном уровнях, с целью своевременной идентификации проблем развития криминогенной ситуации, определения факторов, оказывающих на них существенное влияние, и принятия оптимальных мер по противодействию преступности и обеспечению общественной безопасности. Для достижения этих целей требуется дальнейшее совершенствование деятельности штабных подразделений территориальных органов внутренних дел на региональном и районном уровнях, в т. ч. в части устранения пробелов нормативной базы, регламентирующей организацию криминологического прогнозирования, оптимизации информационного обеспечения аналитической деятельности и повышения уровня профессиональных компетенций уполномоченных сотрудников.

Литература

1. Аванесов Г. А. Основы криминологического прогнозирования: учеб. пособие / под ред. Н. А. Стручкова. М., 1970.
2. Бок А. А., Кислый О. А. Совершенствование аналитической работы оперативных подразделений органов внутренних дел // Академическая мысль. 2018. № 3.
3. Котельникова О. А. Криминологическое прогнозирование и программирование борьбы с преступностью: учеб. пособие. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2018.
4. Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии. Общая часть: учебник. М.: Юрайт, 2011.
5. Об утверждении Инструкции по организации информационно-аналитической работы в управленческой деятельности органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 26 сентября 2018 г. № 623. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
6. Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 21.12.2016 № 699. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Об утверждении Типового положения о штабе территориального органа Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 26.10.2017 № 808. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ДЕТЕРМИНАНТЫ ХИЩЕНИЙ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Е. М. Павлик,

кандидат юридических наук, доцент

Санкт-Петербургский университет МВД России

Для успешного противодействия хищениям транспортных средств необходимо выявить комплекс детерминантов, влияющих на их совершение. Детерминанты автотранспортных преступлений представляют собой совокупность различных причин и условий, факторов, способствующих совершению данных преступлений. Они могут подразделяться в зависимости от большого количества факторов: уровня воздействия на совершение преступления, очередности такого воздействия, происхождения (субъективный или объективный характер), корреляции с другими детерминантами и т. д. Как справедливо отмечено С. А. Тимко и А. П. Подшиваловым, «...учет столь разнообразных предпосылок необходим для определения стратегии и тактики противодействия преступности, как в целом, так и ее видам/группам, отдельным криминальным посягательствам» [13, с. 88].

Рассматриваемые виды преступлений нередко совершаются при косвенном участии самих жертв преступления. Поэтому виктимность нужно оценивать в качестве одного из детерминантов совершения хищений автотранспортных средств. Проведенное исследование материалов судебно-следственной практики позволило нам установить целый перечень виктимных действий жертв автомобильных угонов:

1. Неиспользование средств охранной сигнализации. Например, гражданин А. совершил угон автотранспортного средства, принадлежащего гражданину В. [9]. Как было установлено в ходе досудебного производства, а также подтверждено в рамках судебного разбирательства, В. не использовал средства охранной сигнализации на своем транспортном средстве. В результате гражданин А. без лишних препятствий смог довести свой преступный умысел до конца.

2. Потеря ключей зажигания и брелоков охранной сигнализации. Например, гражданин В. совершил угон автотранспортного средства, принадлежащего потерпевшей [10]. Как было установлено, потерпевшая незадолго до совершения преступления потеряла ключи от транс-

портного средства, В. их нашел и воспользовался: вначале при поиске транспортного средства, припаркованного на общей стоянке, а затем при запуске двигателя автомобиля.

3. Оставление незапертыми дверей, багажника или капота, опущенных окон, ключей в транспортном средстве, документов, ценных бумаг.

Помимо личной виктимности жертв хищения автотранспортных средств, необходимо также указать на служебную и профессиональную виктимность. Речь идет о ситуациях совершения хищений с охраняемых стоянок, из гаражных кооперативов и иных мест, в которых (при идеальном стечении обстоятельств) похитить автотранспортное средство будет крайне затруднительно. Отметим, что на данный детерминант стали обращать внимание многие авторы, после того как по указанному вопросу высказался Верховный Суд Российской Федерации [3].

Еще один виктимный фактор — наличие на улицах не эксплуатирующихся длительное время либо находящихся в аварийном состоянии, а также частично разукomплектованных транспортных средств. Так, например, на неохраняемой парковке возле офисных помещений в течение пяти лет стоял автомобиль Daewoo Nexia в разбитом состоянии. Б. увидел бесхозный автомобиль, у которого не было стекол, были спущены колеса. Предположив, что у машины нет хозяина и что она не представляет ценности, Б. нанял эвакуатор и увез ее на разборку, где сдал за 8000 рублей [12].

Значительный комплекс детерминантов совершения угонов автотранспортных средств связан с особенностями технического развития на современном этапе.

Так, на сегодняшний день с относительной легкостью могут быть приобретены средства взлома автомобильных сигнализационных систем, в большинстве своем используемых для охраны транспортных средств. Это различные программные устройства, соответствующее программное обеспечение, а также конкретные

технические средства (код-грабберы, радиоретрансляторы команд управления, генераторы радиопомех и др.). Отметим, что приобретение таких средств получило особое распространение с появлением интернет-ресурсов так называемой «тайной сети», а именно даркнета.

Еще одним детерминантом из обозначенной группы можно считать доступность и открытость сведений о приёмах и способах угона автотранспортных средств. На различных видеохостингах, в социальных сетях имеется большое количество видеороликов, текстовых инструкций, которые подробно, пошагово показывают алгоритм вскрытия транспортных средств, взлома автомобильной сигнализации, а также последующие действия, направленные на сокрытие следов совершения преступления. При этом часто такие видеоролики выпускаются с вполне благовидной целью — предупредить автовладельцев о том, как обезопасить себя от совершения преступления. Однако, как указывается в юридической литературе, «к такой информации нередко проявляют интерес ранее судимые лица» [13, с. 89].

Еще один детерминант хищений автотранспортных средств, основанный на особенностях современного этапа развития общества, — это повсеместное использование сервисов по прокату автомобилей (так называемого каршеринга). В научной литературе имеется множество исследований, доказывающих, что транспортные средства, задействованные в предоставлении таких услуг, — наиболее часто встречаемая категория угоняемых автомобилей [7, с. 105–112].

На это же указывает и правоприменительная практика. Наш анализ также подтверждает наличие проблемы: если в 2019 г. количество угнанных каршеринг-авто составляло порядка 5 % всего количества исследованных уголовных дел, то в 2023 г. уровень возрос до 18–19 %. При этом схема преступных действий относительно одинакова. Так, «Л., находясь у <адрес>, имея умысел на неправомерное завладение автомобилем без цели хищения, будучи осведомленным о порядке получения доступа к автомобилям, находящимся в каршеринг-аренде, воспользовался учетными данными постороннего лица и без его разрешения авторизовался в специальном приложении, получив доступ к использованию автомобиля №***, принадлежащего ООО “Каршеринг Россия”, открыл дверь автомобиля при помощи приложения “Делимобиль”, умышленно проник в салон автомобиля, осознавая при этом, что он не имеет права управления данным автомобилем, завел его

двигатель при помощи специальной кнопки, привел автомобиль в движение, после чего осуществлял движение по улицам г. Санкт-Петербурга, вплоть до его задержания сотрудниками ДПС ОБ ДПС № 5 ГИБДД ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области в 23 часа 00 минут 17.02.2020 у дома № 1 по Сенатской площади в г. Санкт-Петербурге» [11].

Ряд детерминантов угонов автотранспортных средств кроется в недостатках деятельности правоохранительных органов (прежде всего органов внутренних дел) по противодействию данным преступлениям [8, с. 147]. Ранее уже указывалось на недостаточный уровень раскрытия преступлений подобной категории. За каждым нераскрытым преступлением стоит рост уверенности преступников в своих силах и желание повторить успешный опыт. Как следствие, разовый или случайный угон может перерасти в налаженную преступную деятельность уже корыстного характера. Ученые неоднократно указывали на данный детерминант. Так, А. А. Лабутин указывает на «..недостаточное количество специальных операций и рейдов по выявлению и пресечению краж и угонов автотранспортных средств; недостаточную информационную поддержку со стороны подразделений органов внутренних дел, отвечающих за формирование информационных баз данных; недостаточную штатную укомплектованность специализированных подразделений уголовного розыска; низкий уровень профессионализма отдельных сотрудников полиции; низкую оперативную осведомленность полицейских о преступных группах и их членах, действующих в сфере краж и угонов автотранспортных средств» [6, с. 19]. Аналогичные детерминанты выявили А. В. Богданов и Е. Н. Хазов [1, с. 37]. П. А. Вагин указывает на следующие детерминанты: «..низкий профессиональный уровень сотрудников; слабая эффективность раскрытия преступлений по горячим следам; неудовлетворительный уровень взаимодействия различных подразделений полиции; недостаточная эффективность организации оперативно-розыскной деятельности характерны для тюменской практики борьбы с посягательствами на автотранспорт» [2, с. 53].

Среди детерминантов можно назвать и недостаточный контроль за посторонними лицами во дворах. Придомовые территории и городские парковки в недостаточной степени оборудованы камерами видеонаблюдения. К примеру, А. Г. Гришаков провел исследование, в рамках которого участковым уполномоченным задавал

ся вопрос: «Имеются ли на территории Вашего административного участка какие-либо системы видеонаблюдения, о которых Вы знаете?». 96,7 % опрошенных ответили положительно, при этом 2/3 указали, что в преобладающем большинстве многоквартирных домов жилого сектора такие системы не установлены [5, с. 39].

Таким образом, проведенный анализ дает нам основания выделить наиболее значимые детерминанты угонов автотранспортных средств:

1. Детерминанты, связанные с виктимным поведением жертв, которые в целом характеризуются легкомысленным, беспечным поведением владельцев транспортных средств.

2. Детерминанты, связанные с особенностями современного этапа развития общества, в числе которых появление новых форм эксплуатации транспортных средств (каршеринг), легкость получения информации об алгоритме и схемах угона, легкодоступность технических средств угона транспортных средств.

3. Детерминанты, связанные с недостатками в деятельности правоохранительных органов, и прежде всего органов внутренних дел.

4. Иные детерминанты (гуманистическая позиция судов, которые в большинстве случаев избирают мягкие виды уголовных наказаний, которые не связаны с лишением свободы, недостаточное количество охраняемых стоянок, их дороговизна).

Литература

1. Богданов А. В., Хазов Е. Н. Актуальные вопросы противодействия кражам и угонам автотранспортных средств оперативными подразделениями ОВД // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 1.

2. Вагин П. А., Бакланов Л. А. Проблемы противодействия кражам и угонам автотранспортных средств в Тюменской области и пути их решения // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2014. № 2 (3).

3. Верховный Суд разъяснил, когда хозяин автостоянки полностью отвечает за автомобиль гражданина. URL: <https://rg.ru/2016/08/08/vs-rf-raziasnil-kogda-hozian-stoianki-otvechaet-za-avto-grazhdanina.html> (дата обращения: 09.01.2023).

4. Волчецкая Т. С., Смирнов А. В. Угон транспортного средства: проблемы квалификации, бремени доказывания, методики расследования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 4.

5. Гришаков А. Г. Деятельность участкового уполномоченного полиции по профилактике административных правонарушений и раскрытию преступлений с использованием систем видеонаблюдения // Алтайский юридический вестник. 2019. № 25.

6. Лабутин А. А. Организация деятельности органов внутренних дел по предупреждению краж, угонов автотранспортных средств // Вестник НЦБЖД. 2014. № 3 (21).

7. Мажинский Р. А. Проблемы выявления угонов автотранспортных средств каршеринга, совершенных несовершеннолетними с использованием чужого или поддельного аккаунта // Транспортное право и безопасность. 2021. № 2 (38). С. 105–112.

8. Павлик М. Ю., Павлик Е. М. Противодействие угонам и хищениям транспортных средств: криминологические аспекты // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 1 (47).

9. Приговор Калининского районного суда г. Санкт-Петербурга от 21.07.2020 № 1–542/2020. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/551338.html> (дата обращения: 11.01.2023).

10. Приговор Кировского районного суда г. Санкт-Петербурга № 1–742/2020. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/551633.html> (дата обращения: 11.01.2023).

11. Приговор Кировского районного суда г. Санкт-Петербурга от 10.07.2020 № 1–501/2020. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/551760.html> (дата обращения: 11.01.2023).

12. Приговор от 23 августа 2017 г. по делу № 1–137/2017. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 11.01.2023).

13. Тимко С. А., Подшивалов А. П. К вопросу о детерминации краж и угонов автотранспортных средств // Алтайский юридический вестник. 2020. № 3 (31). С. 88–89.

НЕЗАКОННАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИИ: ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ

Е. О. Сафонова

Барнаульский юридический институт МВД России

Для регулирования общественных отношений, возникающих в связи с пребыванием на территории РФ иностранных граждан и лиц без гражданства, был принят существенный блок нормативных правовых актов. Представляется, что наиболее значимыми среди них следует признать: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», в котором отмечается, что достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности требует противодействия незаконной миграции, усиления контроля за миграционными потоками, социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов [7]; Концепцию государственной миграционной политики РФ до 2025 года, где отмечается, что за последние годы существенно возросла миграционная активность вблизи внешних границ Российской Федерации и в зоне ее интересов. Интенсивный миграционный поток из стран Ближнего Востока и Северной Африки в Европу, возникший в 2014–2015 гг., становится причиной негативных социально-экономических процессов в европейских государствах, а также способствует проникновению в эти государства членов криминальных, террористических и экстремистских структур. Такие негативные проявления могут стать угрозой как для Российской Федерации, так и для граничащих с ней государств [6]. Тем самым избранная тема статьи является достаточно актуальной.

Иллюстративным примером, демонстрирующим важность противодействия незаконной миграции в нашей стране, является конфликт, который произошел в День народного единства, 4 ноября 2023 г., на Красной площади. Он привел к столкновению между сотрудниками полиции и мигрантами из Центральной Азии, которые высказывали оскорбления в адрес сотрудников органов внутренних дел [5]. Неоднократные правонарушения, совершаемые мигрантами по отношению к гражданам России в различных регионах, приводят к общественному возмущению.

Следует констатировать, что руководство органов внутренних дел уделяет означенной проблеме повышенное внимание. В частности,

из выступления Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции В. А. Колокольцева на расширенной коллегии 2 апреля 2024 г. следует, что в течение 2023 г. принимались меры по выдворению из России лиц, нелегально находящихся на территории страны. За вышеуказанный период выдворено и депортировано почти 110 тыс. таких нарушителей, что на 65 % больше, чем годом ранее. Вынесено 35 тыс. решений о сокращении срока временного пребывания. Количество фактов организации незаконной миграции, выявленных сотрудниками полиции, возросло на 90 %. При этом Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил, что среди необходимых приоритетов в работе МВД России должно быть пресечение незаконной миграции. «Принцип, что приехать жить и трудиться в Россию могут только те, кто уважает наши традиции, язык, культуру, историю, — этот принцип должен быть решающим», — добавил Президент [8].

Переходя к рассмотрению таких явлений, как причины и условия незаконной миграции, подчеркнем, что изучение истории развития общества и государства свидетельствует о бурных миграционных процессах. Эти процессы стали следствием изменений в сфере социально-экономического развития, масштабных эпидемий, военных конфликтов и природных катаклизмов.

Отметим, что человечество пребывает в постоянном и активном движении. Так, люди рождаются и умирают. За период своей жизнедеятельности они перемещаются в пространстве, меняя свой социальный статус, сферу деятельности. В результате миграции осуществляется расселение людей на Земле [3, с. 35].

Миграция — это самый сложный социальный процесс, имеющий множество причин, среди которых можно выделить социально-экономические, правовые, организационные, психологические.

В переводе с латинского слово «миграция» означает перемещение, переселение (от лат. *migratio* — перехожу, переселяюсь).

Сама же сущность процесса миграции заключается в смене населением места житель-

ства (нахождения) в пределах региона, страны или даже нескольких стран.

На сегодняшний день имеет место многообразие различных толкований понятия «миграция». Так, например, при определении понятия «миграция» С. К. Бондырева и Д. В. Колесов заостряют внимание на стремлении мигрантов оказаться в более благоприятной среде, где можно было бы эффективно и полноценно материализовывать жизненные потребности [2, с. 47].

В определении же, данным В. М. Исаковым и Е. Н. Хазовым, акцент делается на совокупности правовых отношений, возникающих в процессе изменения места жительства или временного пребывания на территории, с прочими целями [4, с. 124–125].

Исходя из анализа юридической литературы, под понятием «миграция» следует понимать совокупность правовых отношений, возникающих в связи с перемещением людей, как правило, не регулируемым государством, в поисках более благоприятных условий для жизни и для приобретения нового правового статуса.

Таким образом, миграция населения представляет собой территориальное перемещение населения, связанное с пересечением как внешних, так и внутренних границ административно-территориальных образований с целью изменения трудовой деятельности, улучшения жилищных условий, получения образования и др. Тем самым миграционные процессы являются вполне естественным явлением в жизни людей.

Однако с точки зрения уголовного законодательства РФ общественную опасность представляет именно незаконная миграция (ст. 322–322.3 Уголовного кодекса РФ).

Из разъяснения прокуратуры Саратовской области от 18 сентября 2020 г. следует, что незаконная миграция — это въезд в Российскую Федерацию, пребывание в ней и выезд с ее территории иностранных граждан и лиц без гражданства с нарушением российского законодательства, регулирующего порядок въезда, пребывания, транзитного проезда и выезда иностранных граждан, а также произвольное изменение ими своего правового положения в период нахождения на территории Российской Федерации [8].

Главным и основным элементом незаконной миграции выступает противоправный въезд на территорию России с использованием различных способов. Значимым элементом неза-

конной миграции является и пребывание или проживание иностранцев на территории России.

Незаконная миграция несет в себе риски для национальной безопасности. В целом миграция и, в частности, незаконная миграция — это один из факторов, влияющих на состояние преступности в отдельно взятом регионе.

Незаконная миграция — это множество вызванных разными факторами явлений. Необходимо отметить, что существует огромное количество причин незаконной миграции, среди которых можно выделить основные, т. е. экономические. Многие люди покидают место своего жительства в поисках лучших экономических перспектив. Они надеются на работу и стабильный доход, который они могли бы предоставить своим семьям. Бедность и неравенство в доступе к образованию, здравоохранению и другим ресурсам могут стимулировать людей к нелегальной миграции в поисках лучшей жизни.

Также стоит отметить и такие причины, как политические и социальные конфликты. Конфликты в стране, а также нарушения прав человека и политические репрессии могут заставить людей покинуть свою родину.

Воздействие климатических изменений тоже имеет важное значение. Из-за таких процессов растет число «климатических» беженцев. Экстремальные погодные условия, наводнения и засухи могут разрушить сельское хозяйство и жизненную инфраструктуру, что приводит к массовой миграции.

Явную угрозу представляет так называемый криминальный фактор. Изначально в Россию граждане приезжают с целью получения образования или устройства на работу. Но под этой маской может скрываться иная цель перемещения лица — совершение противоправных действий. Это могут быть подпольный бизнес, торговля наркотиками, оружием или людьми, а также другие виды преступлений.

В качестве возможных причин незаконной миграции следует также рассматривать сезонные работы или смену места проживания в связи со вступлением в брак либо расторжением брака или просто для объединения родственников.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что рассмотренные в рамках настоящей статьи понятие «незаконная миграция», а также факторы, влияющие на ее развитие, могут способствовать разработке необходимых мер как общего характера, принимаемых государством, а также частного характера, реализуемых правоохранительными органами в целях профилактики и пресечения исследуемых противоправных деяний.

Литература

1. Администрация Президента России // Президент Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 10.04.2024).
2. Бондырева С. К., Колесов Д. В. Миграция (сущность и явление): учеб.-метод. пособие. Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2004. 294 с.
3. Волокитина М. В. Незаконная миграция в России: причины и сущность явления // Мониторинг правоприменения. 2013. № 1. С. 35–38.
4. Исаков В. М., Хазов Е. Н. Миграционные процессы в странах СНГ и их влияние на криминальную обстановку России // Актуальные проблемы законодательного регулирования миграционных процессов на территории государств — участников СНГ: мат-лы ежегодной Междунар. науч.-практ. конф-ции. СПб., 2022. С. 121–127.
5. Началось. Мигранты в Москве напали на полицейских прямо на Красной площади. URL: <https://dzen.ru/a/ZUjeuXkRnXM-FN4H> (дата обращения: 10.04.2024).
6. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 31.10.2018 № 622. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Прокуратура Саратовской области: офиц. сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru> (дата обращения: 10.04.2024).

ПРОФИЛАКТИКА ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ

Л. Я. Тарасова,

кандидат исторических наук

Барнаульский юридический институт МВД России

Профилактика домашнего насилия с использованием уголовно-правовых средств играет важную роль в предотвращении и пресечении данного явления. Ранее в своих работах мы отмечали, что понятие домашнего насилия в уголовном праве РФ не сформулировано и не существует четких критериев отграничения насилия от ненасилия. Мы пришли к выводу о том, что домашнее насилие своей целью имеет установление контроля над пострадавшей стороной и подавление воли потерпевшего. При формулировании понятия домашнего насилия с юридической точки зрения необходимо учитывать, что физическое или психическое воздействие одного человека на другого нарушает гарантированное Конституцией РФ право граждан на личную неприкосновенность [6, с. 55–57].

При изучении причин рассматриваемого явления мы пришли к выводу, что необходима реакция государства на случаи домашнего насилия для устранения причин, способствующих

совершению указанных преступных деяний [7, с. 139–143].

В данной работе будут приведены основные, на наш взгляд, уголовно-правовые меры, направленные на профилактику домашнего насилия. Одним из основных видов профилактики домашнего насилия считаем строгое наказание для лиц, совершающих преступления такого рода. Наказание должно быть соразмерно совершенному преступлению, чтобы послужить сдерживающим фактором от совершения повторных преступлений в отношении членов семьи. Интересной представляется позиция Конституционного Суда РФ при изучении вопроса конституционности ст. 116.1 Уголовного кодекса РФ «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию».

Суть обращения гражданки в том, что потерпевшей неоднократно были причинены побои, которые наносил ей брат. Установлено, что он привлекался к административной ответ-

ственности за побои в 2018, 2019 и 2020 гг. Ему было назначено наказание в виде штрафа в размере 5000 рублей и 100 часов обязательных работ. Несмотря на ходатайства о переквалификации деяний на нормы уголовного права, суды оставались непреклонны. На обращение Конституционный Суд РФ указал, что государство обязано предусмотреть меры предупреждения общественно опасных деяний, посягающих на неприкосновенность личности, обеспечить эффективное противодействие физическому насилию, а также вправе, приняв к сведению тяжесть и степень распространенности таких деяний, выбрать ту или иную конструкцию состава правонарушения, установить признаки противоправности деяния, вид ответственности за его совершение, конкретизировать меры наказания, учитывая особую конституционную значимость достоинства личности и права на личную неприкосновенность, необходимость повышенной их защиты, обеспечивая при этом соразмерность ответственности ценностям, охраняемым законом, включая уголовный, при строгом соблюдении принципов равенства и справедливости [2].

Следующей мерой профилактики могут служить запретные ордера и решения, ограничивающие доступ нарушителя к потенциальным жертвам в целях предотвращения новых случаев домашнего насилия. На данный момент прецедентом таких действий может служить законопроект, принятый во втором и сразу в третьем чтениях Государственной Думой РФ о запрете судимым за педофилию посещать образовательные организации и другие места скопления детей [1].

Уголовно-правовые меры также могут включать обеспечение защиты жертв, предоставление им правовой помощи, а также оказание психологической и социальной поддержки. При изучении имеющегося опыта в настоящее время можно говорить о том, что нормативной базой являются федеральные законы Российской Федерации от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [3] и от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [4], регулирующий деятельность организаций социального об-

служивания, предоставляющих социальные услуги гражданам (семьям с детьми, женщинам, несовершеннолетним), в т. ч. пострадавшим от семейного насилия, жестокого обращения. Со стороны органов внутренних дел РФ это:

– своевременное реагирование на заявления и сообщения о насилии в отношении членов семьи, установление лица, совершившего данное правонарушение, принятие мер профилактического характера;

– установление обстоятельств, способствующих совершению данного вида правонарушений, таких как наличие внутрисемейного конфликта, лиц с наркотической или алкогольной зависимостью, лиц, имеющих пристрастие к азартным играм, лиц, страдающих психическими расстройствами;

– обучение сотрудников правоохранительных органов распознаванию, реагированию и расследованию случаев домашнего насилия, а также повышение осведомленности о законодательстве в этой области.

Уголовно-правовые средства также могут включать информационные кампании для повышения осведомленности общества о проблеме домашнего насилия. Так, на сайтах правоохранительных ведомств, в т. ч. и МВД России, ведется информационная работа по мерам защиты от домашнего насилия. Представлена информация о юридической стороне защиты прав потерпевшего [5], а также алгоритм действий жертвы, который заключается в вызове полиции, принятии мер о привлечении нарушителя к уголовной или административной ответственности; обращение потерпевшей стороны за возмещением имущественного и неимущественного вреда в гражданско-правовом порядке, урегулирование порядка использования жилого помещения, в т. ч. выселения из жилого помещения или принудительного прекращения права собственности.

При рассмотрении уголовно-правовых средств в рамках профилактики домашнего насилия приходим к выводу, что требуется координация усилий государственных органов, правоохранительных структур, судебной системы, общественных организаций и других заинтересованных сторон для эффективной борьбы с этой серьезной проблемой.

Литература

1. Госдума приняла закон о запрете для педофилов посещать места скопления детей. URL: <https://rg.ru/2024/03/26/gosduma-priniala-zakon-o-zaprete-dlia-pedofilov-poseshchat> (дата обращения: 28.03.2024).

2. Конституционный Суд защитил жертв домашнего насилия. URL: <https://sibadvokat.ru/magazine/actual/konstitucionnyj-sud-nasiliya> (дата обращения: 28.03.2024).

3. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 25.12.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Памятка для граждан об ответственности за домашнее и соседское насилие. URL: <https://ижевск.18.мвд.рф/document/7553809> (дата обращения: 28.03.2024).

6. Тарасова Л. Я. К вопросу об отграничении понятий «домашнее насилие» и «конфликт в семье» // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы 20-й Междунар. науч.-практ. конф-ции. В 2 ч. Барнаул: БЮИ МВД России, 2022. Ч. 2. С. 55–57.

7. Тарасова Л. Я. Причины насилия над женщинами в Российской Федерации как факторы, порождающие уголовно наказуемое деяние // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3 (35). С. 139–143.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ

П. В. Тепляшин,

доктор юридических наук, профессор

Сибирский юридический институт МВД России

Современная преступность несовершеннолетних выступает достаточно чувствительным катализатором существующей криминальной ситуации в стране, обладает кумулятивным характером по отношению к основному массиву преступности, информативно отражает социально-экономические и духовно-нравственные проблемы, существующие в обществе. Одним из общих характерных свойств преступности несовершеннолетних за последние десять лет является снижение числа несовершеннолетних, совершивших преступления. Так, если в 2010 г. в Российской Федерации было выявлено 72 692 несовершеннолетних, совершивших преступления, то в 2023 г. — уже только 22 340. Однако только статистические сведения не способны отразить действительное содержание криминальной активности несовершеннолетних. Так, с точки зрения качественной характеристики преступности наблюдается усиление криминальной мотивации посягательств за счет закрепления в ней криминальной идеологии, фанатичности либо, наоборот, поверхностно-безответственной составляющей, обнаруживается изменение структуры совершаемых несо-

вершеннолетними преступлений и расширение криминально-возрастной предикативности, состоящей в повышении общественно опасной активности лиц, не достигших возраста уголовной ответственности.

Традиционно в криминологической науке в фокусе исследования находится не столько общероссийский, сколько региональный срез преступности несовершеннолетних. Данный подход обусловлен возможностями выявления истинной специфики местных территориально-пространственных криминальных проявлений в подростковой среде, обнаружения «точечных» детерминантов совершаемых несовершеннолетними преступных посягательств, установления взаимосвязи возрастной криминальной активности с социально-экономическими и духовно-нравственными процессами, протекающими в соответствующем субъекте Российской Федерации. На этом основании следует обратить внимание на криминологические особенности и закономерности криминальных проявлений в среде несовершеннолетних, проживающих в Красноярском крае. Данный субъект занимает фактически центральное место на карте Россий-

ской Федерации, что обуславливает значительную активность миграционных процессов, характеризуется высокой социально-экономической контрастностью населения. Красноярский край уже традиционно входит в десятку субъектов Российской Федерации по рейтингу социального благополучия регионов, т. е. по отношению среднемесячной зарплаты к стоимости потребительской корзины. Соответственно, в регионе наблюдается высокая стоимость жилья, значительный уровень конкуренции на рынке труда, низкая социальная устойчивость (в частности, Красноярский край, как правило, занимает 6–8-е места в России по наибольшему удельному весу разводов в общем объеме заключенных браков), значительная плотность образовательных организаций и т. д. Таким образом, можно обозначить обширный перечень агрессивных факторов, которые снижают антикриминогенный потенциал традиционных институтов, задействованных в профилактике правонарушающего и явно криминального поведения подростков.

Так, на территории Красноярского края в 2022 г. число зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними, снизилось на 17,7 % (с 968 до 797). Данная тенденция наблюдалась в 2023 г., по итогам которого зарегистрировано уже 728 преступлений, что на 8,7 % меньше по сравнению с предыдущим годом. Причем такое снижение наблюдается с 2015 г., когда было зарегистрировано 2437 преступлений, совершенных несовершеннолетними.

Вместе с этим сократился и удельный вес подростковой преступности в общей массе зарегистрированных преступлений, который как в 2022 г., так и в 2023 г. составил 3,1 % (2021 г. — 3,6 %).

Однако на фоне общего снижения количества совершенных общественно опасных деяний прервана тенденция сокращения числа тяжких и особо тяжких преступлений (с 298 в 2021 г. до 210 в 2022 г.), поскольку в 2023 г. их число составило 254 (+21 %). Более того, если в 2021 г. было зарегистрировано два убийства, а в 2022 г. только одно, то по итогам 2023 г. несовершеннолетними совершено три умышленных причинения смерти другому человеку. К сожалению, подобная тенденция отмечается и применительно к умышленному причинению тяжкого вреда здоровью, количество которых возросло до 12 в 2023 г., что на 5 больше по сравнению с предыдущим годом, хотя в 2021 г. их насчитывалось 18. Кроме того, с 19 до 34 фактов увеличилось количество преступных деяний, свя-

занных с незаконным оборотом наркотиков (в 2022 г. их насчитывалось 47); с 6 до 9 — заведомо ложных сообщений об актах терроризма.

С положительной стороны следует отметить снижение числа общественно опасных деяний, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, с 106 в 2022 г. до 96 в 2023 г. Причем данная тенденция носит такой же яркий характер, как и снижение (впервые за последние пять лет!) выявленных краж — с 455 до 366.

Количество несовершеннолетних лиц, совершивших преступления, сократилось на 17,4 % (с 898 до 742) в 2022 г. и на 12,5 % (до 649 лиц) в 2023 г., в т. ч. 227 (271 — в 2022 г. и 296 — в 2021 г.) в возрасте 14–15 лет, 422 в возрасте 16–17 лет (471 — в 2022 г. и 602 — в 2021 г.). Среди обозначенного числа несовершеннолетних 68 лиц женского пола (52 — в 2022 г. и 101 — в 2021 г.). Также нельзя не заметить, что в 2022 г. возросло количество несовершеннолетних, совершивших преступные посяательства в состоянии алкогольного опьянения (с 94 до 95), их доля от общего числа участников также возросла и составила 12,8 %, что на 2,3 % больше, чем в 2021 г. Хотя уже в 2023 г. в таком состоянии преступления совершили 82 несовершеннолетних (удельный вес составил 12,6 %).

В 2023 г. несовершеннолетними совершено 263 преступления в составе групп (267 — в 2022 г. и 318 — в 2021 г.). При незначительном снижении числа таких преступлений настаживает возобновившаяся негативная тенденция роста удельного веса групповых преступлений, совершаемых совместно со взрослыми (143 — в 2023 г., 120 — в 2022 г. и 179 — в 2021 г.). Удельный вес групповой преступности несовершеннолетних в 2023 г. составил 36,1 %, тогда как в 2022 г. — 33,5 %, а в 2021 г. — 36,5 %. Хотя как позитивный можно отметить тот факт, что в совершении групповых преступлений приняли участие 277 несовершеннолетних, тогда как 337 и 338 — в 2022 и 2021 гг. соответственно.

Несовершеннолетними совершено 213 повторных преступлений (237 — в 2022 г. и 305 — в 2021 г.), что составляет 29,3 % от общего количества преступлений несовершеннолетних (29,7 % — в 2022 г. и 31,5 % — в 2023 г.).

В 2023 г. зарегистрировано 435 общественно опасных деяний, совершенных лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности, что составило рост на 5,8 % по сравнению с предыдущими двумя годами (в 2022 и 2021 гг. было официально зафиксировано по 411 таких деяний (нельзя не заметить, что в 2020 г. их бы-

ло выявлено 459)). Большая часть из них относится к деяниям имущественного характера — 303 (в 2022 г. — 296 и в 2021 г. — 308), 69 (67 и 60 соответственно) — против жизни и здоровья, 30 (24 и 27 соответственно) — против половой неприкосновенности и половой свободы личности, 16 (4 и 5 соответственно) были связаны с незаконным оборотом наркотиков. При этом установлено 504 лица, не достигших возраста уголовной ответственности и совершивших общественно опасные деяния.

На профилактическом учете в подразделениях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Красноярского края по состоянию на 1 января 2024 г. находилось 1804 несовершеннолетних (в 2022 г. — 2035). Из числа указанных лиц 4 (в 2002 г. — 6, в 2021 г. — 11) являлись потребителями наркотических средств, 17 (в 2002 г. — 20, в 2021 г. — 45) — алкогольной продукции, 35 (в 2022 г. — 53) относились к членам неформальных молодежных объединений противоправной направленности (в частности, «Колумбайн», ЧВК «Редан», трое относят себя к нацистам).

Представленная общая, в основном количественная, характеристика преступности несовершеннолетних в Красноярском крае позволяет сформулировать ряд её качественных закономерностей.

Уже стал стабильным достаточно значительный удельный вес негативных свойств их мотивации: с одной стороны, корыстных и иждивенческих мотивов, с другой — криминально ориентированных и подкрепленных преступной идеологией.

Остается весьма напряженной криминологическая тенденция значительной межэтнической и межкультурной конфликтности. Причем в некоторых случаях имеют место массовые конфликты насильственного характера.

Четко обозначилась закономерность, согласно которой совершение преступных посягательств зачастую происходит на фоне демонстративных проявлений девиантного поведения со стороны несовершеннолетних (в частности, курение, в т. ч. электронных сигарет — вейпов, IQOS, вызывающий внешний вид). Более того, подростковая делинквентность распространяется на 90 % лиц, которые в несовершеннолетнем возрасте совершили общественно опасное деяние. Говоря о данной закономерности, нельзя не обратить внимание на значительную проблему девиантного докриминального поведения подростков.

У каждого второго несовершеннолетнего, привлеченного к уголовной ответственности,

обнаруживается тенденция к психологической отчужденности от семьи и общественных институтов. В этой связи нельзя не согласиться с Е. В. Кунц, которая верно пишет следующее: «Когда одинок взрослый, для него это является лично им осознанным выбором, со своими плюсами и минусами, противоположная ситуация складывается, когда одиноким является ребенок, решающий проблему своей свободы. Свободой необходимо правильно пользоваться, а огромное множество детей предоставлены сами себе, не зная, как этой свободой распорядиться» [1, с. 50]. Кроме того, имеет место разрыв между поведением несовершеннолетнего и подростков, совершивших общественно опасное деяние, и позитивными формами досуга, отсутствие необходимого родительского либо, в случае с социальным сиротством, иного контроля и внимания, как результат — стигматизация либо, наоборот, прямое приобщение к делинквентному образу жизни (например, алкоголизация) или даже криминально ориентированной субкультуре. В этой связи Е. Е. Черденченко обосновывает следующий тезис: «Некачественная организация детского досуга, тлетворное влияние окружения, неправильная система ценностей в семье ребенка, бедность, социальная деградация — вот основные причины совершения несовершеннолетними преступлений и правонарушений» [2, с. 216]. Представляется возможным поддержать исследователя, но усомниться в том, что это именно «основные причины совершения несовершеннолетними преступлений и правонарушений».

Уже четко обнаружилась закономерность криминальной предикативной формы поведения подростков, т. е. повышение криминальной активности лиц, не достигших возраста уголовной ответственности.

Можно констатировать значительную викаризованность несовершеннолетних от негативного воздействия информационной среды (в т. ч. в части выставления фото детей на сайтах и в порножурналах), воздействия в информационно-телекоммуникационных сетях (в частности, приверженность движению колумбайнеров (скулшутингу), иных субкультурных молодежных сообществ в сети «Интернет», популяризирующих культ насилия, подражательство, агрессивный пранк, снафф-видео, треш-стрим и т. п. Приходится резюмировать, что движение в сторону общественной секьюритизации далеко не всегда имеет конструктивный результат. Также это приводит к расширению удельного веса в общей массе насильственных посягательств со стороны несовершеннолетних

и подростков не только физического, но и вербального агрессивного поведения.

Важной криминологически значимой закономерностью выступает подмена у многих несовершеннолетних реальной действительности виртуальной, что снижает способность порой к элементарной самозащите от сетевых (даркнетовских) преступных посягательств и экстремистской идеологии, тем самым расширяя виктимные качества несовершеннолетнего.

Следует признать непрекращающуюся наркоэкспансию в отношении несовершеннолетних лиц и подростков, постоянную модернизацию видов наркотиков (многообразие синтетических наркотиков, спайсов и дизайнерских наркотиков, курительных смесей, иных психоактивных веществ), что втягивает подростков

и молодых людей в криминальную сферу (в частности, участие в качестве закладчиков, «трафаретчиков» и т. п., а также совершение посягательств на собственность с целью получения средств на приобретение наркотиков).

Таким образом, преступность несовершеннолетних в Красноярском крае обладает некоторыми особенностями, отражает снижение основных статистических показателей, но свидетельствует об имеющейся криминологической закономерности сохранения достаточно стабильной криминальной активности несовершеннолетних и подростков, что обуславливает потребность дальнейшей научно обоснованной профилактической деятельности всех участвующих в этой сфере субъектов.

Литература

1. Кунц Е. В. Уголовно-правовые и криминологические проблемы несовершеннолетнего осужденного // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2023. № 3 (50). С. 45–52.
2. Чердниченко Е. Е. Преступность несовершеннолетних: современный взгляд на проблему // Ученые записки. 2022. № 2 (42). С. 214–217.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ДОКУМЕНТОВ

А. Ф. Федоров,

кандидат педагогических наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

Проблема преступлений, связанных с незаконным оборотом документов, является одной из тех, которые не утрачивают своей актуальности, несмотря на стремительно меняющиеся условия жизни в нашей стране.

Доказательством этого служат в т. ч. статистические данные, свидетельствующие о стабильном количестве таких преступлений, которое ежегодно составляет в среднем около 50 тысяч регистрируемых случаев на протяжении последних пяти лет.

Что касается лиц, совершивших указанные преступления, то их количество также достаточно внушительно. Ежегодно выявляется от 17 до 19 тысяч преступников [7].

При этом для статистического учета нами были выбраны только данные по составам преступлений, предусмотренных ст. 324, 325 и 327 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ), где

непосредственно присутствуют действия, направленные на нарушение правил оборота документов, установленных законом.

Указанные действия весьма многообразны и включают в себя:

- незаконные приобретение или сбыт официальных документов, предоставляющих права или освобождающих от обязанностей;
- похищение, уничтожение, повреждение или сокрытие официальных документов, совершенные из корыстной или иной личной заинтересованности;
- похищение у гражданина паспорта или другого важного личного документа;
- подделку официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, в целях его использования или сбыта такого документа;

– подделку паспорта гражданина или удостоверения, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, в целях их использования или сбыта таких документов;

– приобретение, хранение, перевозку в целях использования или сбыта либо использование заведомо поддельных паспорта гражданина, удостоверения или иного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей.

Безусловно, приведенный спектр деяний, указанных в рассматриваемых статьях УК РФ, представляет серьезную угрозу интересам граждан, общества и государства в силу своей значительной распространенности и высокого потенциала по способности причинения вреда общественным отношениям, что подтверждается многочисленными примерами судебной практики.

Изучение судебных решений показало, что наиболее часто преступные деяния в рассматриваемой сфере связаны с похищением и подделкой паспортов, водительских удостоверений, дипломов, медицинских и иных официальных документов.

Так, Бердским городским судом Новосибирской области рассмотрено дело в отношении Екидина А. П., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 327 УК РФ, за предъявление в подразделение по вопросам миграции отдела МВД России по г. Бердску своего паспорта с поддельным штампом о регистрации по месту жительства [1].

В другом случае Антонов А. В. приобрел у неустановленного лица поддельное водительское удостоверение на свое имя со своей фотографией, предоставляющее право управления легковыми автомобилями и мотоциклами, которое использовал во время эксплуатации автомобиля «Тойота Королла». При остановке сотрудниками ГИБДД он предъявил данное поддельное удостоверение для проверки, в ходе которой было выявлено, что документ с такими реквизитами был выдан другому лицу [3].

К большому сожалению, подобные примеры, связанные с управлением транспортными средствами, которые, как известно, являются источником повышенной опасности, лицами, не имеющими выданного в установленном порядке водительского удостоверения, очень часто встречаются в повседневной жизни.

Так, в одном из районов Алтайского края Касмылин В. А. более месяца осуществлял поездки на автомобиле, имея при себе поддельное водительское удостоверение, вплоть до остановки его сотрудниками ГИБДД, которые после проверки предъявленного удостоверения по базам данных МВД России выявили факт его подделки и оформили изъятие данного документа [4].

Что касается видоизменения документов об образовании, то примером такого преступления может наглядно послужить уголовное дело в отношении Долженко Д. В., исходя из фабулы которого следует, что подсудимый посредством сети «Интернет» у неустановленного лица приобрел заведомо поддельный диплом о высшем образовании, дающий право осуществлять трудовую деятельность, занимая инженерные должности на предприятиях. Данный диплом был им предъявлен сотруднику, занимающемуся управлением персоналом, при устройстве на работу в муниципальное предприятие на должность механика гаража [5].

Также достаточно распространенными преступлениями являются деяния, связанные с подделкой медицинских документов. До недавнего времени применительно к этому очень актуальной была проблема, связанная с подделкой электронных сертификатов о вакцинации от коронавирусной инфекции [6, с. 84].

Вместе с тем не снижается количество и иных довольно распространенных преступлений в этой сфере, для иллюстрации которых можно привести дело в отношении Крупновой О. С. Данная гражданка по просьбе свидетельницы за вознаграждение через посредника внесла необходимые записи и проставила штампы в ее медицинскую книжку, что позволило последней получить право на допуск к работе в организациях общественного питания и торговли без фактического прохождения медицинского осмотра и сдачи анализов [2].

Актуальность рассматриваемой проблемы, связанной с незаконным оборотом документов, усугубляется еще тем обстоятельством, что при осуществлении таких действий становится возможным и значительно облегчается совершение гораздо более опасных преступлений, таких как мошенничество, незаконное предпринимательство, уклонение от уплаты налогов, незаконное получение кредита или льготных условий кредитования и целый ряд других.

Учитывая данное обстоятельство, сложившуюся криминальную ситуацию в стране, а также появляющиеся новые, все более технологически развитые способы подделки документов, полагаем, что наступило время для пересмотра установленных в законе санкций за совершение указанных преступлений в сторону усиления ответственности.

При этом судебная практика также должна быть нацелена на назначение реального наказания вместо имеющейся на сегодняшний день тенденции по освобождению от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа или по назначению условного наказания за большинство рассмотренных преступлений.

Литература

1. Архив Бердского городского суда Новосибирской области. Д. № 1–31/2021.
2. Архив Горно-Алтайского городского суда Республики Алтай. Д. № 1–304/2023.
3. Архив Мамонтовского районного суда Алтайского края. Д. № 1–19/2022.
4. Архив Хабаровского районного суда Алтайского края. Д. № 1–42/2022.
5. Архив Чаунского районного суда Чукотского автономного округа. Д. № 1–22/2022.
6. Булгакова В. Р. Подделка или оборот поддельного электронного сертификата о вакцинации от COVID–19: проблемы законодательной регламентации и правоприменения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2022. № 3. С. 83–92.
7. Сборник по России «Единый отчет о преступности». URL: <http://10.5.0.16/csi/files/content/stat/books/text/txt491> (дата обращения: 07.04.2024).

НАСИЛЬСТВЕННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СУБЪЕКТИВНОГО ДЕТЕРМИНИЗМА

Я. С. Яхонтова

Барнаульский юридический институт МВД России

Исходя из положений господствующего в криминологическом научном сообществе объективного детерминизма, преступность есть самостоятельное социальное явление. Его социальное начало особо подчеркивается учеными. В качестве примера можно рассмотреть определение, приведенное Л. И. Спиридоновым, согласно которому преступность — это не просто сумма преступлений, а *социальное явление* (выделено нами. — Я. Я.), обладающее определенными, присущими ему закономерностями развития. Социальное понятие преступления предшествует его юридическому определению. Законодатель должен понять социальный закон и отразить его в правовой норме [7, с. 50]. Схожей позиции придерживалась в своих работах А. И. Долгова, которая для обозначения соотношения единичного преступления и преступности в целом использовала следующую метафору: «При слиянии многих капель возникают ручейки, реки, моря, океаны. Если взять каплю воды из океана, ее можно анализировать в аспекте выявления указанных характеристик. Но в океане существуют явления, не свойственные капле воды: отливы и приливы, штормы, течения и т. п. То же самое происходит и в преступности» [6, с. 73]. В свою очередь, данный подход к понятию преступности критикует в своих работах Е. С. Жигарев, справедливо отмечающий, что явление предполагает реальный пред-

мет, присутствующий в окружающей действительности [4, с. 124].

В существующей действительности преступность как таковая не представлена ничем. Это абстрактная модель, заключающая в себе все множество разнородных деяний, объединенных такими существенными признаками, как противоправность и уголовная наказуемость. Ее отражение в реальной действительности — это совершение конкретного, единичного преступления. Наблюдать преступность целиком, а не в единичных проявлениях в объективном мире можно только в виде статистических сведений, иных присущих преступности собственных признаков, отраженных в материальном мире, нет.

Наличие рассматриваемых противоречий склоняет нас к точке зрения о справедливости положения о том, что преступность — это не самостоятельное общественное явление, не социальная система, а ее продукт [4, с. 127].

Исходя из постулата, что преступность является социальным явлением, а личность формируется в рамках общественных отношений, утвердился прямо противоположный по смыслу подход к пониманию личности преступника как продукта социальной среды [3, с. 4], как к пассивному объекту изучения, а не субъекту, в котором заключены ее первопричины.

А. И. Долгова, рассматривая процесс детерминации преступного поведения, в качестве главного отмечает причинность. При этом ука-

зывает на обстоятельства, которые могут порождать разные виды преступности, по-разному определять ее качественные и количественные характеристики [5, с. 70].

В рамках данного подхода человек отождествляется с предметом социальной действительности [3, с. 4], он объективирован, и его развитие неразрывно связано с социальными взаимодействиями — общественными отношениями.

Среда, исходя из данного утверждения, — предопределяющий фактор совершения любого преступления, в т. ч. и насильственного. Главенство данной позиции в контексте общественного особенно ярко просматривается на примере насильственных преступлений. Смещение фокуса общественного внимания с действий преступника на поведение жертвы, обстановку и обстоятельства совершения преступления в общественном сознании объективно обуславливает неизбежность его совершения, тем самым «снижая» уровень общественной опасности, а также вины лица, его совершившего. В ряде случаев действия преступника носят в глазах общества социально приемлемый характер (например, насилие как способ воспитания детей). В исключительных случаях общество даже одобряет преступное поведение, закрепляя в сознании масс его допустимость (в частности, в случае супружеской измены, мести за ранее совершенное преступление) [6, с. 229]. При этом упускается из вида, на наш взгляд, основной компонент — психика человека и его моральные ценности, руководствуясь которыми, он принимает решение о совершении конкретного противоправного деяния или, напротив, об избрании законопослушного поведения.

Рассматривая социальную обусловленность существования такого явления, как преступность, А. И. Долгова отмечает, что «налицо только формальная возможность преступления, т. е. такая, которая с равной долей вероятности может произойти, а может и не произойти» [5, с. 153]. Данное утверждение, в контексте ранее изложенного нами, выглядит несколько противоречивым. Суть в том, что при такой позиции не учитывается духовный и психический мир конкретной личности, стоящей перед выбором линии поведения.

Указанную проблему можно было бы исчерпать, если признать, что личность преступника является основным определяющим детерминантом совершения преступлений, как счи-

тают Ю. М. Антонян и Г. Г. Беликова: «Поведение человека всегда порождается личностью, а не ситуацией... От личности зависит, как она отражает ситуацию и какие действия предпринимает; сама личность ответственна за тот вариант поведения, который избирает» [1, с. 19].

Ошибочность представления о том, что внешние причины якобы заставляют человека действовать определенным образом, невольно исключает осознаваемость им своих действий и лишает индивида способности использовать свою свободную волю [2, с. 101].

Напротив, личность, индивидуальные особенности и свойства определяют способ существования и взаимодействия с другими, выбор ее образа жизни: не среда формирует поведение человека, а его поведение формирует среду.

При исследовании личности преступника, как правило, анализу подвергаются сведения о лицах, осужденных за совершение преступлений: изучаются их социально-демографические признаки, условия жизни, делается вывод о причинности. Не становится исключением в этом случае и насильственная преступность против личности. При этом не берется в расчет вся та масса людей, проживающих в аналогичных социальных условиях, которые избрали для себя легальный образ поведения. Возьмем на себя смелость предположить наличие в данном подходе «ошибки выжившего»¹, когда наряду с преступностью не рассматривается законопослушное поведение как социальное явление. Возможно, более глубокое погружение в причины и сущность правомерного поведения позволило бы сформулировать новые подходы к предупреждению преступлений на самых ранних этапах.

Исходя из статистических данных, доля лиц, осужденных на территории России за совершение преступлений в 2022 г., относительно всего населения составила 0,4 % (578 751 чел.), и в течение пяти лет данный показатель оставался стабильным, не превышая 0,45 %. То есть мы изначально анализируем уровень влияния среды не на всех людей, а именно на тех, кто, руководствуясь своими личными мотивами, избрал для себя патологический, антисоциальный

¹ Разновидность систематической ошибки отбора, когда по одной группе объектов (условно называемых «выжившие») данных много, а по другой («погибшие») — практически нет. В результате исследователи пытаются искать общие черты среди «выживших» и упускают из вида, что не менее важная информация скрывается среди «погибших».

образ жизни и, как следствие своего выбора, совершил преступление. Исходя из чего мы можем сделать вывод об уровне влияния среды на принимаемое лицом решение. Проявляя некое снисхождение, фактически умаляем степень вины лица, оправдывая его преступление теми тяжелыми жизненными обстоятельствами, в которых он существует, и не принимая во внимание такие его внутренние качества, как эгоистичность, корысть, лень, которые приводят к перманентному существованию в рассматриваемых условиях и обуславливают антиобщественное поведение. Стоит заметить, что насильственные преступления совершаются не только лицами, находящимися на «социальном дне», но и представителями более благополучных слоев населения, при этом мотивы совершения такого рода преступлений одинаковы, имеют низменную природу (ревность, месть, корысть и т. д.).

Однако, несмотря на приведенную аргументацию, мы все же считаем некорректным полностью отрицать влияние общества на совершение преступления отдельной личностью, поскольку оно безусловно оказывает влияние на формирование ценностей и моральных установок, через призму которых дается субъективная оценка объективно существующей реальности.

С нашей точки зрения, причиной преступности может выступать только непосредственно сама личность, совершенный ею акт свободной воли. В свою очередь, общество, конкретная жизненная ситуация могут выступать условием, способствующим совершению преступления, но не предопределяющим его.

В контексте субъективного детерминизма нельзя говорить о существовании некой «преступной личности», поскольку каждый человек имеет в своей природе пагубные черты, будь то алчность, несдержанность или любые другие, но, обладая ценностной надстройкой, может сдерживать свои желания или выбирать более трудозатратный, но легитимный путь удовлетворения потребностей.

Данные выводы подкрепляются не только теорией, но и личными наблюдениями, осуществленными в рамках практической деятельности, связанной с проведением профилактической работы с такими категориями граждан, как состоящие под административным надзором, неблагополучные родители, состоящие на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних.

В процессе проведения профилактических бесед и попытки выяснить причины противо-

правного поведения данные граждане, снимая с себя ответственность, отвечали, что «так получилось» либо подчеркивали социальную обусловленность своих преступлений следующим выражением: «Не мы такие, жизнь такая».

В ходе проведенного нами социологического исследования в качестве причин совершения насильственных преступлений против личности из 100 опрошенных респондентов 45 % указали объективные причины — нехватка денежных средств и социальное неблагополучие, алкоголизация и наркотизация общества, 35 % — субъективные личностные факторы (такие как попытка самоутвердиться за счет тех, кто слабее или находится в зависимом положении, распущенность, безнаказанность и чувство вседозволенности)¹. Универсальное оправдание преступного поведения, в т. ч. насильственного, внешними факторами снимает с указанных лиц внутреннюю ответственность, рушит ценностную структуру, выступая, в свою очередь, как условие, способствующее в дальнейшем избранию противоправных способов удовлетворения своих потребностей.

Таким образом, с нашей точки зрения, теория субъективного детерминизма является наиболее приемлемой для рассмотрения и изучения насильственной преступности против личности. Концептуальный подход субъективного детерминизма позволяет четко разграничить условия, способствующие совершению насильственных преступлений и первопричину их совершения, не перекладывать ответственность с лица, принявшего решение о совершении противоправного деяния на внешние обстоятельства, а встать на позицию осознания и взращивания понятия личной ответственности. Он же позволяет определить реальную возможность влияния субъектов профилактики на устранение или изменение социальных условий, способствующих совершению преступлений. В свою очередь, вопрос о первопричине совершения преступлений, о ее природе до настоящего времени остается неразрешенным и, несмотря на большое количество проведенных фундаментальных исследований, требует дальнейшего изучения.

¹ В проведенном нами опросе приняли участие 33 мужчины и 67 женщин в возрасте от 16 до 65 лет из 16 регионов Российской Федерации, какие-либо специальные требования к респондентам не предъявлялись.

Литература

1. Антонян Ю. М., Беликова Г. Г. Криминологическая оценка взаимодействия личности и ситуации // Криминологический журнал. 2007. № 1. С. 17–21.
2. Жигарев Е. С. К вопросу о внутренней причинности и ее связи с общей профилактикой: философский аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 6. С. 98–102.
3. Жигарев Е. С. Личность как предмет познания: монография. М.: Щит–М, 2013. 319 с.
4. Жигарев Е. С. Теория преступности: мифы и реальность // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 5. С. 122–128.
5. Криминология / А. И. Долгова. 4-е изд. доп. и перераб. М.: Норма: Инфра–М, 2023. 368 с.
6. Криминология: учебник для юридических вузов / под ред. А. И. Долговой. М.: Норма: Инфра–М, 1997. 267 с.
7. Спиридонов Л. И. Социология уголовного права. М., 1986. 237 с.
8. Яхонтова Я. С. Виктимблейминг как детерминанта насильственной преступности в современном обществе (криминологический аспект) // Государство и право в эпоху глобальных перемен: материалы Междунар. науч.-практ. конференции / под ред. Д. Л. Проказина. Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2022. С. 228–230.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово.....	3
Ведущие ученые Барнаульского юридического института МВД России. <i>Ермакова Ольга Владимировна</i>	4
Современные проблемы науки и практики в уголовном праве	
<i>Альева К. М.</i> Формы пенализации преступлений.....	9
<i>Бавсун М. В.</i> Проблемы правовой регламентации освобождения от наказания, предусмотренного ст. 82 ² УК РФ.....	11
<i>Бондарева А. А.</i> Особенности производства технико-криминалистической экспертизы документов при расследовании преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства	13
<i>Ботвин И. В.</i> Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: пределы безнаказанности.....	15
<i>Брагин И. Г.</i> Выявление проблем в следственной и судебной практике в ходе аналитической работы с государственной статистической отчетностью о состоянии преступности	17
<i>Брагина А. Г.</i> Существенный вред как признак состава самоуправства.....	19
<i>Бугера Н. Н.</i> Понятие и юридическая природа условного осуждения.....	21
<i>Винокуров В. Н.</i> Причинение смерти как обстоятельство, исключающее освобождение от уголовной ответственности.....	24
<i>Ермакова О. В.</i> Развитие теории состава преступления в современной уголовно-правовой науке: критическое осмысление.....	27
<i>Исмаилов Р. Т., Шейшеев А. Дж.</i> О целесообразности введения в уголовное законодательство Киргизской Республики квалифицированного состава кражи, совершенной из одежды или ручной клади, находившихся при потерпевшем (карманная кража).....	30
<i>Карпов К. Н.</i> Освобождение от общеправовых последствий совершения преступления.....	33
<i>Квасников Е. С.</i> Задачи уголовного закона и уголовно-правовая политика России.....	36
<i>Кирьянов Р. К.</i> Уголовно-правовая характеристика халатности	38
<i>Климович Н. В.</i> О необходимости установления срока исполнения судебного штрафа	39
<i>Крупник И. А.</i> Некоторые тенденции изменения российского уголовного законодательства в сфере борьбы с преступлениями в области профессионального спорта.....	41
<i>Кукасов М. В.</i> Конструирование специальных составов хищения	43
<i>Куричков Д. О.</i> Некоторые проблемы квалификации мошенничества по субъективным признакам (по материалам судебной практики).....	45
<i>Медведева В. В.</i> Некоторые способы конструирования составного преступления в уголовном законе.....	48
<i>Солдатова О. Б.</i> Некоторые проблемы определения предмета преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ	50
<i>Суверов С. Е., Фризен П. Д.</i> Конструирование основания освобождения от уголовной ответственности в связи с привлечением к участию в специальной военной операции.....	52
<i>Сычев К. А.</i> Уголовная ответственность водителей за совершение дорожно-транспортных преступлений в состоянии опьянения: позитивный зарубежный опыт	55

<i>Титеев М. С.</i> Подделка или уничтожение идентификационного номера транспортного средства как способ совершения другого преступления.....	57
<i>Федорова Е. А.</i> О необходимости установления уголовной ответственности за повторное совершение административных правонарушений в сфере охраны экологии	59
<i>Шаганова О. М.</i> Ответственность за мародерство по уголовному законодательству государств — членов СНГ: современное состояние.....	60
<i>Яковлева Л. В.</i> Статья 210 Уголовного кодекса Российской Федерации: вопросы правоприменения.....	62

Современные проблемы науки и практики в криминологии

<i>Абызов Р. М.</i> Нейротехнологии в изучении личности преступника	67
<i>Абызов К. Р., Абызов М. К.</i> Криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних в г. Ростове-на-Дону.....	69
<i>Бабурин В. В.</i> Современное состояние киберпреступности в Российской Федерации	71
<i>Булгакова В. Р., Кабулов Р. К.</i> Социально-демографическая характеристика осужденных за преступления в сфере незаконного оборота документов.....	73
<i>Заварыкин И. Н.</i> К вопросу о профилактике наркотизма в среде несовершеннолетних и молодежи (на примере Красноярского края).....	75
<i>Кобец П. Н.</i> Профилактика коррупционной преступности: опыт, проблемы, антикоррупционные меры	77
<i>Комаров А. С.</i> Вопросы предупреждения незаконной рубки лесных насаждений.....	81
<i>Малетина М. А.</i> Современное состояние дорожно-транспортных происшествий с использованием средств индивидуальной мобильности.....	83
<i>Мальченкова В. В., Мальченков Е. В.</i> К вопросу о преступности несовершеннолетних	85
<i>Моисеев С. В.</i> Противодействие преступной деятельности в сфере телекоммуникаций и интернет-пространстве в Китае	88
<i>Объедкова Т. Н.</i> Отдельные аспекты совершенствования деятельности штабных подразделений МВД России в сфере прогнозирования криминогенной ситуации на территории обслуживания.....	91
<i>Павлик Е. М.</i> Детерминанты хищений транспортных средств: современные тенденции.....	95
<i>Сафонова Е. О.</i> Незаконная миграция в России: понятие и сущность	98
<i>Тарасова Л. Я.</i> Профилактика домашнего насилия уголовно-правовыми средствами.....	100
<i>Тепляшин П. В.</i> Криминологический анализ и закономерности преступности несовершеннолетних в Красноярском крае	102
<i>Федоров А. Ф.</i> Современное состояние преступлений, связанных с незаконным оборотом документов.....	105
<i>Яхонтова Я. С.</i> Насильственная преступность в контексте субъективного детерминизма	107

Научное издание

**Сибирский юридический форум:
современные проблемы науки и практики
в уголовном праве и криминологии**

*Материалы Международной
научно-практической конференции*

Редактор	Ю.С. Жолобова
Корректурa, компьютерная верстка	М.В. Егерь

Лицензия ЛР № 0221352 от 14.07.1999
Лицензия Плр № 020109 от 15.07.1999

Подписано в печать 18.06.2024. Формат 60x84/8. Ризография.
Усл.п.л. 14,1. Тираж 45 экз. Заказ 228.
Барнаулский юридический институт МВД России.
Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел.
656038, Барнаул, ул. Чкалова, 49; бюи.мвд.рф